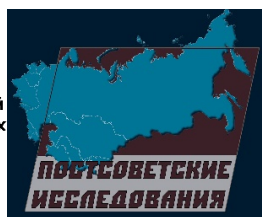

Центр
исследований
постсоветских
стран

ЖУРНАЛ ПОСТСОВЕТСКИЕ ИССЛЕДОВАНИЯ

2022 Том 5 № 4

<https://www.postussr.org>

Электронный научный журнал

Издается с 2018 г.

Издание зарегистрировано Федеральной службой по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций (Роскомнадзор)

Свидетельство о регистрации ЭЛ № ФС 77 - 71895 от 13 декабря 2017 г.

Учредитель: Курьлев Константин Петрович

РЕДАКЦИОННЫЙ СОВЕТ

ГЛАВНЫЙ РЕДАКТОР

Курьлев Константин Петрович
доктор исторических наук,
профессор, РУДН, Москва,
Российская Федерация,
kuryljov@narod.ru

ЗАМЕСТИТЕЛЬ ГЛАВНОГО РЕДАКТОРА

Пархитько Николай Петрович
кандидат исторических наук, доцент
РУДН, Москва, Российская Федерация,
scharnchorst@mail.ru

ЗАМЕСТИТЕЛЬ ГЛАВНОГО РЕДАКТОРА

Губайдулина Мара Шаукатовна
доктор исторических наук,
профессор, КазНУ им. Аль-Фараби,
Алматы, Республика Казахстан,
maragu@mail.ru

ОТВЕТСТВЕННЫЙ СЕКРЕТАРЬ

Смолик Надежда Григорьевна
старший преподаватель,
РУДН, Москва,
Российская Федерация,
nadian@list.ru

ЧЛЕНЫ РЕДАКЦИОННОЙ КОЛЛЕГИИ

Аглян Ваагн Робертович, кандидат исторических наук, заведующий кафедрой государственного управления Ереванского государственного университета, Ереван, Республика Армения

Аджай Кумар Патнайк, доктор философии по политическим наукам, директор Центра по изучению России и Центральной Азии Университета им. Дж. Неру, Дели, Республика Индия

Бейбутова Рысбюбю Алджамбаевна, кандидат филологических наук, декан факультета международных отношений и востоковедения Кыргызского национального университета им. Ж. Баласагына, Бишкек, Кыргызская Республика

Гущин Александр Владимирович, кандидат исторических наук, доцент кафедры постсоветского зарубежья Федерального государственного бюджетного образовательного учреждения высшего образования «Российский государственный гуманитарный университет» (РГГУ), Москва, Российская Федерация

Дегтерев Денис Андреевич, доктор политических наук, заведующий кафедрой теории и истории международных отношений Федерального государственного автономного образовательного учреждения высшего профессионального образования «Российский университет дружбы народов» (РУДН), Москва, Российская Федерация

Достанко Елена Анатольевна, кандидат политических наук, Начальник Главного управления образовательной деятельности Белорусского государственного университета, Минск, Республика Беларусь

Есдаулетова Ардак Мэлсовна, доктор исторических наук, профессор кафедры международных отношений Евразийского национального университета имени Л.Н. Гумилева, Нур-Султан, Республика Казахстан

Жильцов Сергей Сергеевич, доктор политических наук, заведующий кафедрой политологии и политической философии Федерального государственного бюджетного образовательного учреждения высшего образования «Дипломатическая академия Министерства иностранных дел Российской Федерации», Москва, Российская Федерация

Зеленева Ирина Владимировна, доктор исторических наук, профессор кафедры мировой политики Федерального государственного бюджетного образовательного учреждения высшего образования «Санкт-Петербургский государственный университет» (СПбГУ), Санкт-Петербург, Российская Федерация

Ибрагимов Алимуса Гюльмуса оглу, доктор философии по политическим наукам, преподаватель кафедры «Международные отношения» Бакинского государственного университета, Баку, Республика Азербайджан

Ибраева Эльмира Алпамысовна, доктор исторических наук, вице-президент в Казахстанской Академии информации и бизнеса, Алматы, Республика Казахстан

Лапенко Марина Владимировна, кандидат исторических наук, доцент кафедры международных отношений и внешней политики России Федерального государственного бюджетного образовательного учреждения высшего образования «Саратовский национальный исследовательский государственный университет имени Н.Г. Чернышевского», Саратов, Российская Федерация

Мавланов Ибрагим Раджабович, доктор экономических наук, заведующий кафедрой «Международной торговли и инвестиций» Университета мировой экономики и дипломатии Республики Узбекистан, профессор, Чрезвычайный и Полномочный посол, Ташкент, Республика Узбекистан

Маркедонов Сергей Мирославович, кандидат исторических наук, ведущий научный сотрудник Центра евро-атлантической безопасности Института международных исследований Федерального государственного автономного образовательного учреждения высшего образования «Московский государственный институт международных отношений (Университет) Министерства иностранных дел Российской Федерации» (МГИМО (Университета)), Москва, Российская Федерация

Ныгусие Кассеа Вальтер Микаэль, доктор исторических наук, профессор кафедры теории и истории международных отношений Федерального государственного автономного образовательного учреждения высшего профессионального образования «Российский университет дружбы народов» (РУДН), Москва, Российская Федерация

Полоскова Татьяна Викторовна, доктор политических наук. Государственный советник РФ Первого класса, Председатель Межрегионального общественного движения «Евразийский народный союз». Член Экспертного совета по общественно-гуманитарным программам при Россотрудничестве, Москва, Российская Федерация

Робертс Кэри, доктор философии по политическим наукам, доцент кафедры политологии факультета экономики, юстиции и политических исследований Университете Маунт Ройал, Калгари Канада

Рцхиладзе Гулбаат Викторович, кандидат политических наук, директор Института Евразии, Тбилиси, Грузия

Саква Ричард, доктор философии по политическим наукам, профессор факультета политологии и международных отношений Университета Кента, Великобритания

Симонс Грег, доктор философии по политическим наукам, профессор института российских и евроазиатских исследований Университета Уппсала, Швеция

Станис Дарья Владимировна, кандидат экономических наук, доцент кафедры государственного и муниципального управления, Федерального государственного автономного образовательного учреждения высшего профессионального образования «Российский университет дружбы народов» (РУДН), Москва, Российская Федерация

Федорченко Сергей Николаевич, кандидат политических наук, доцент кафедры политологии и права Государственного образовательного учреждения высшего образования Московской области «Московский государственный областной университет» (МГОУ), Москва, Российская Федерация

ЖУРНАЛ ПОСТСОВЕТСКИЕ ИССЛЕДОВАНИЯ

Издается Центром исследований постсоветских стран (ЦИПС), Москва, Россия

ISSN: 2618-7426 (online)

8 выпусков в год.

Тематика журнала в терминах действующей номенклатуры специальностей научных работников:

5.6.7 – История международных отношений и внешней политики – отрасль науки (исторические)

5.5.4 – Международные отношения – отрасль науки (политические)

Издается при научно-методической поддержке Центра исследований постсоветских стран (ЦИПС).

Материалы журнала размещаются на платформе РИНЦ Российской научной электронной библиотеки, Electronic Journals Library Cyberleninka, и Google Scholar.

Языки: русский, английский, французский, немецкий.

Официальный сайт журнала: <https://www.postussr.org>.

Цель и тематика

Перед журналом «Постсоветские исследования» ставится цель публикация материалов на основе комплексного междисциплинарного изучения существующих проблем и тенденций развития постсоветского пространства. В фокусе публикуемых исследований – анализ внешнеполитических концепций, стратегий и приоритетов бывших республик СССР, вызовов и угроз, с которыми они сталкиваются в условиях формирования новой полицентричной системы международных отношений. Тематическая направленность издания обуславливает необходимость привлечения в качестве авторов публикаций представителей экспертно-аналитического сообщества стран-участниц СНГ и Грузии из числа профессорско-преподавательского состава ведущих ВУЗов, независимых исследовательских центров, специалистов и официальных лиц различных уровней.

Характерной чертой журнала является то, что он отражает широкий спектр мнений специалистов, читатель получает комплексное представление о национальных интересах стран СНГ и их преломлении во внешнеполитических доктринах. Перечень тематических разделов издания включает рубрики, предполагающие анализ внешней политики и вопросов безопасности стран постсоветского зарубежья, внутривнутриполитических процессов, социально-экономических и проблем.

В первую очередь к публикации принимаются статьи по приоритетным постоянным рубрикам журнала, к которым относятся «Страны СНГ в мировой политике и экономике», «Внешняя политика стран СНГ», «Интеграционные процессы в регионе СНГ», «Конфликтный потенциал в регионе СНГ».

Тематический портфель на 2022 г., следующий:

№ 5 2022	Номер не тематический	до 01.06.2022 г.
№ 6 2022	Большое евразийское пространство	до 15.07.2022 г.
№ 7 2022	Номер не тематический	до 15.10.2022 г.
№ 8 2022	Приднестровский конфликт: история и современность	до 01.12.2022 г.

Правила представления рукописей размещены на сайте журнала <https://www.postussr.org/avtoram>.

Почтовый адрес:

117133, Москва, Россия, ул. Академика Виноградова, д. 10, к. 2

e-mail: article@postussr.org

Фактический адрес:

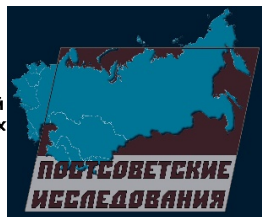
117133, Москва, Россия, ул. Академика Виноградова, д. 10, к. 2

e-mail: article@postussr.org

© К.П. Курылев, 2022

Центр
исследований
постсоветских
стран

JOURNAL POST-SOVIET STUDIES

2022 VOLUME 5 No. 4

[http://](http://www.postussr.org) <https://www.postussr.org>

Electronic journal

Founded in 2018

The edition is registered by the Federal Service for Supervision in the Sphere of Communications, information technologies and mass communications.

Registration certificate: ЭЛ № ФС 77 – 71895 from 13.12.2017

Founder: Konstantin Petrovich Kurylev

EDITORIAL COUNCIL

EDITOR-IN-CHIEF

Konstantin P. Kurylev
Doctor in History, Professor,
RUDN University,
Moscow, Russia
kuryljov@narod.ru

DEPUTY EDITOR

Nikolay P. Parkhitko
PhD in History, Assistant Professor
RUDN University,
Moscow, Russia
scharnchorst@mail.ru

DEPUTY EDITOR

Mara Sh. Gubaydulina
Doctor in History, Professor,
KazNU Al-Frabi,
Almaty, Republic of Kazakhstan,
maragu@mail.ru

EXECUTIVE SECRETARY

Nadejda G. Smolik
Senior Lecturer RUDN University,
Moscow, Russia,
nadian@list.ru

EDITORIAL BOARD

Aglyan Vaagn Robertovich, PhD in History, Head of the Department of Public Administration, Yerevan State University, Erevan, Republic of Armenia

Ajay Kumar Patnaik, PhD in Political Sciences, professor of the Centre for Russian and Central Asian Studies of the Jawaharlal Nehru University, New Delhi, Republic of India

Beibutova Risbyubyu Aldzhambaeвна, PhD in Philology, Dean of the Faculty of International Relations and Oriental Studies of the J. Balasagyn Kyrgyz National University, Bishkek, Kyrgyz Republic

Degterev Denis Andreevich, Doctor in Political Sciences, Head of the Department of Theory and History of International Relations, RUDN University, Moscow, Russian Federation

Dostanko Elena Anatolyevna, PhD in History, Head of the Main Department of Educational Activities of the Belarusian State University, Minsk, Republic of Belarus

Esdauletova Ardak Melsovna, Doctor of History, Professor of the Department of International Relations of the L.N. Gumilev Eurasian National University, Nur-Sultan, Republic of Kazakhstan

Fedorchenko Sergey Nikolaevich, PhD in Political Sciences, Associate Professor, Department of Political Science and Law, Moscow State Regional University, Moscow, Russian Federation

Gushchin Aleksandr Vladimirovich, PhD in History, Associate Professor of the Department of Post-Soviet Abroad, Russian State University for the Humanities, Moscow, Russian Federation

Ibraeva Elmira Alpamisovna, Doctor of History, Vice President, Kazakhstan Academy of Information and Business, Almaty, Republic of Kazakhstan

Ibrahimov Alimusa Gulmusa, PhD in political Sciences, lecturer at the Department of International Relations of the Baku State University, Baku, Republic of Azerbaijan

Lapenko Marina Vladimirovna, PhD in History, Associate Professor of the Department of International Relations and Foreign Policy of Russia of the Saratov National Research State University by N.G. Chernyshevsky, Saratov, Russian Federation

Markedonov Sergey Miroslavovich, PhD in History, Leading Researcher, Center for Euro-Atlantic Security at the MGIMO Institute for International Studies, Moscow, Russian Federation

Mavlanov Ibragim Radjabovich, Doctor of Economy, Head of the Department of International Trade and Investments, University of Global Economy and Diplomacy, Republic of Uzbekistan, Professor, Ambassador Extraordinary and Plenipotentiary, Tashkent, Republic of Uzbekistan

Nygussie Kassae Walter Mikael, Doctor in History, Professor of the Department of Theory and History of International Relations, RUDN University, Moscow, Russian Federation

Poloskova Tatyana Viktorovna, Doctor in Political Science. State Councilor of the Russian Federation, First Class, Chairman of the Interregional Public Movement "Eurasian People's Union". Member of the Expert Council on Social and Humanitarian Programs at Rossotrudnichestvo, Moscow, Russian Federation

Roberts Kari, PhD in Political Sciences, Associate Professor of Political Science in the Department of Economics, Justice, and Policy Studies at Mount Royal University in Calgary, Canada

Rzkhiladze Gulbaat Viktorovich, PhD in Politics, Director of the Institute of Eurasia, Tbilisi, Georgia

Sakwa Richard, PhD in Political Sciences, Professor of Russian and European politics at the University of Kent, The UK

Simons Greg, PhD in Political Sciences, Professor of the Institute for Russian Studies, Uppsala University, Sweden

Stanis Daria Vladimirovna, PhD in Economics, Associate Professor, Department of the Public and Municipal Administration of RUDN University, Moscow, Russian Federation

Zeleneva Irina Vladimirovna, Doctor in History, Professor of the Department of World Politics, Saint Petersburg State University, Saint Petersburg, Russian Federation

Zhiltsov Sergey Sergeevich, Doctor in Political Science, Head of the Department of Political Science and Political Philosophy, Diplomatic Academy of the Ministry of Foreign Affairs of the Russian Federation, Moscow, Russian Federation

JOURNAL POST-SOVIET STUDIES

Published by the Center for Post-Soviet Studies, Moscow, Russian Federation

ISSN: 2618-7426 (online)

Periodicity - 8 issues per year

Subjects of the journal in terms of the current nomenclature of scientific specialties:

5.6.7 - History of international relations and foreign policy (Historical sciences)

5.5.4 - Political problems of international relations and global and regional development (Political science)

The journal is published with the scientific and methodological support of the Center for Studies of Post-Soviet Countries (CSPSC).

Journal materials are posted on the RISC platform of the Russian Scientific Electronic Library, Electronic Journals Library Cyberleninka, and Google Scholar. Languages: Russian, English, French, German.

Aims and Scope

The journal "Post-Soviet Studies" aims to publish materials based on the integrated interdisciplinary study of relevant problems and trends of the post-Soviet region. The research of the journal is focused on the analysis of foreign policy concepts, strategies and priorities of the former Soviet republics, the challenges and threats they face in the context of the formation of the new polycentric system of international relations. Thus, determines the involvement of representatives of the expert and analytical community of the CIS countries and Georgia including the staff of leading universities, independent research centers, specialists, and officials of wide professional specters as authors of publications.

A characteristic feature of the journal is that it reflects a wide range of professional opinions and gives the reader a comprehensive idea of the national interests of the CIS countries and their refraction in foreign policy doctrines. The list of thematic sections of the publication includes the headings suggesting the analysis of foreign policy and security issues of the countries of the former Soviet republics, internal political processes, economic and social problems.

First of all, the articles based on the priority permanent agenda that includes "CIS countries in world politics and economy", "Foreign policy of the CIS countries", "Integration processes in the CIS region", "Conflict potential in the CIS region", "Political portraits" are welcomed in journal for further publication.

Upcoming issues for 2022 will deal with the following issues:

№ 5 2022	Non-thematic issue	Until 01.06.2022 г.
№ 6 2022	The Great Eurasian Space	Until 15.08.2022 г.
№ 7 2022	Non-thematic issue	Until 15.10.2022 г.
№ 8 2022	The Transnistrian conflict: history and modernity	Until 01.12.2022 г.

Manuscript submission rules are posted on the journal website.
<https://www.postussr.org/avtoram>

Postal Address of the Editorial Board:

10/2 Academic Vinogradova str., 117133, Moscow, Russia
e-mail: article@postussr.org

Actual Address of the Editorial Board:

10/2 Academic Vinogradova str., 117133, Moscow, Russia
e-mail: article@postussr.org

Содержание

ПРОБЛЕМЫ БЕЗОПАСНОСТИ В ЦЕНТРАЛЬНОЙ АЗИИ

Kurbonova Z.M. Some political aspects of the process of settlement of the Tajik-Kyrgyz state border (Курбонова З.М. Некоторые политические аспекты процесса урегулирования таджикско-кыргызской государственной границы.....349

Мухаммад А.Н. Современная политика Республики Таджикистан в международных отношениях: специфика и направления.....357

Рахимов К.Х. Вклад государств-членов ШОС по урегулированию афганского кризиса: до и после вывода военного контингента НАТО.....367

Искандарзода Б.Д. Проявление исламизма в Казахстане: характер и особенности...386

ЗАПАДНЫЙ ФЛАНГ СНГ

Цзян Шиван Проблема распространения китайского языка в Беларуси (2012–2022 гг.)394

Ягмыров А. Проблемные аспекты взаимоотношений Украины и Польши и возможные сценарии их развития.....405

КНР НА ПОСТСОВЕТСКОМ ПРОСТРАНСТВЕ

Лю Янь Инфраструктурное сотрудничество КНР со странами СНГ в условиях реализации инициативы «Один пояс - один путь».....413

КОНФЛИКТЫ НА ПРОСТРАНСТВЕ СНГ

Алиев Н.Г. Исторические события, предшествовавшие началу армяно-азербайджанского противостояния в 1988 г.....423

РЕЦЕНЗИЯ

Солянина А. Коллективная монография под редакцией И.Ф. Кефели. Советская цивилизация и евразийская идея: две истории длиною в век. М.: ИД Петрополис, 2022. 532 с.....437

Contents

SECURITY PROBLEMS IN THE CENTRAL ASIA

Kurbonova Z.M. Some political aspects of the process of settlement of the Tajik-Kyrgyz state border.....349

Muhammad A.N. Modern policy of the Republic of Tajikistan in international relations: specifics and directions.....357

Rakhimov K.H. Contribution of the SCO member States to the settlement of the Afghan crisis: before and after the withdrawal of the NATO military contingent.....367

Iskandarzoda B.D. Manifestation of Islamism in Kazakhstan: nature and specifics.....386

THE WESTERN FLANK OF THE CIS

Jiang Shiwang The problem of the spread of the Chinese language in Belarus (2012-2022).....394

Yagmyrov A. Problematic aspects of Ukraine-Poland relations and possible scenarios for their development.....405

PRC IN THE POST-SOVIET SPACE

Liu Yan China's infrastructural cooperation with CIS countries in the context of the implementation of the "One Belt, One Road" initiative.....413

CONFLICTS IN THE CIS SPACE

Aliyev N.H. Historical events that predated the Armenia-Azerbaijan confrontation of 1988.....423

REVIEW

Solyanina A. Collective monograph edited by I.F. Kefeli Soviet civilization and the Eurasian idea: two centuries-long stories. Moscow: Petropilis, 2022. 532 p.....437

**ПРОБЛЕМЫ БЕЗОПАСНОСТИ В ЦЕНТРАЛЬНОЙ АЗИИ /
SECURITY PROBLEMS IN THE CENTRAL ASIA**

Научная статья / Research article

Some political aspects of the process of settlement of the Tajik-Kyrgyz state border

Zulfiya M. Kurbonova

Russian-Tajik (Slavonic) University, Dushanbe, Republic of Tajikistan
ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-3079-2419>, e-mail: zukurbonova@mail.ru

Abstract. The article is devoted to the issue of conflicts and conflict situations in the region of Central Asia and in particular, considers the border problems of Tajikistan with Kyrgyzstan, which is undoubtedly a relevant problem of international relations. The relevance of an article lies in the fact that the issue of border settlement between two states is not removed from the agenda. On the contrary, the conflicts that an unresolved border issue gives rise to are flaring up with even greater ferocity every day. The scientific novelty of the study lies in the formulation and substantiation of theoretical and methodological approaches to the content of the problems of analyzing conflicts and conflict situations, the causes of their occurrence, as well as in the development of practical and effective recommendations for the prevention, management and resolution of conflicts between Tajikistan and Kyrgyzstan. The study of conflicts has become more relevant than ever, because in political life it is important not only to predict conflicts and regulate them, but also to use them wisely as a development tool. Based on this, the study of the features of conflict resolution and conflict situations in the context of the transformation of political relations is of particular relevance. The results of the study can be used to analyze conflicts and conflict situations in the world, in the countries of the Central Asian region, in the Republic of Tajikistan, taking into account the influence of numerous factors of the internal and external environment in the process of globalization and the transformation of world politics.

Key words: conflicts and conflict situations, Central Asia, border issues, the establishment of international borders, prevention or settlement of international border conflicts, Tajikistan and Kyrgyzstan.

For citation: Zulfiya M. Kurbonova Some political aspects of the process of settlement of the Tajik-Kyrgyz state border. *Postsovetskie issledovaniya* = Post-Soviet Studies. 2022:349-356.

Некоторые политические аспекты процесса урегулирования таджикско-кыргызской государственной границы

З. М. Курбонова

Российско-Таджикский (Славянский) Университет, Душанбе, Республика Таджикистан
ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-3079-2419>, e-mail: zukurbonova@mail.ru

Аннотация. Статья посвящена вопросу конфликтов и конфликтных ситуаций в регионе Центральной Азии и, в частности, рассматривает пограничные проблемы Таджикистана с Кыргызстаном, что, несомненно, является актуальной проблемой международных отношений. Актуальность статьи заключается в том, что вопрос пограничного урегулирования между двумя государствами не снимается с повестки дня. Наоборот, конфликты, порождаемые нерешенным пограничным вопросом, с каждым днем разгораются с еще большим ожесточением. Научная новизна исследования заключается в постановке и обосновании теоретико-методологических подходов к содержанию проблем анализа конфликтов и конфликтных ситуаций, причин их возникновения, а также в разработке практических и действенных рекомендаций по предупреждению, управлению и разрешению конфликтов между Таджикистаном и Кыргызстаном. Изучение конфликтов стало как никогда актуальным,

ведь в политической жизни важно не только прогнозировать конфликты и регулировать их, но и разумно использовать их как инструмент развития. Исходя из этого, изучение особенностей разрешения конфликтов и конфликтных ситуаций в условиях трансформации политических отношений приобретает особую актуальность. Результаты исследования могут быть использованы для анализа конфликтов и конфликтных ситуаций в мире, в странах Центрально-Азиатского региона, в частности в Республике Таджикистан, с учетом влияния многочисленных факторов внутренней и внешней среды на процесс глобализации и трансформация мировой политики.

Ключевые слова: конфликты и конфликтные ситуации, Центральная Азия, пограничные вопросы, установление международных границ, предотвращение или урегулирование международных пограничных конфликтов, Таджикистан и Кыргызстан.

Для цитирования: Курбонова З. М. Некоторые политические аспекты процесса урегулирования таджикско-кыргызской государственной границы. Постсоветские исследования. 2022:349-356.

“The study of conflict situations, various disputes and conflicts in the modern world dates to the middle of the 20th century. The breadth of knowledge gained by many scientists and practitioners of the world forms the epistemological foundations of peace and conflict theory, which provides basic information about the work of peace practitioners and those working in the field of conflict resolution today. In order to understand the specifics of conflict situations and conflicts, it is necessary to study a solid foundation of theoretical knowledge about the causes, consequences and methods of transformation and conflict resolution. Conflict is a common element in modern society. There is a possibility that a conflict situation can break out at any time and in any society, and then escalate into a conflict” [Shatin 2002: 73].

The nature of “conflict situations and conflicts can be understood in terms of how problems are defined and formulated. In general, both those and others between the warring parties are differences in opinions and interests. Each conflict situation and conflict have its own characteristics; their qualities are different.

The new perspective on conflict resolution is far from "utopian". The political reality is that unless these universal needs are met, no system can be stable. It is not a policy of coercion that creates a political reality; rather, it is the desire of individuals and groups of identity to self-development. The need for independence, which provides identity, recognition and development opportunities for indigenous peoples, is at the heart of conflicts in Central Asia and the Middle East. It also gives rise to numerous other violent

disputes in world society, not to mention the vast number of petty conflicts that occur daily in every society” [Mitchell 1991].

As a result of the collapse of the USSR and the emergence of new states of the “Central Asian region on the political map of the world, new threats have arisen for these newly independent states. First of all, these are the problems of interethnic relations, as well as mutual territorial claims that have arisen since independence. They have not only become a serious irritant in the relations between the states of the region, but also pose a hidden threat to interpolitical stability in the region. The Soviet period brought significant changes in the territorial and ethnic structure of Central Asia in an attempt to resolve national and religious contradictions. However, Soviet policy destroyed the complex balance of ethnic, religious and mutual political relations. The territories of the Emirate of Bukhara, the Kakand and Kheva khanates became parts of Uzbekistan, Tajikistan, Turkmenistan and Kyrgyzstan. People were forcibly transferred to these republics, and many others came here because of labor migration” [Agaev 2017].

With the creation of new borders by the Soviet authorities, many people did not find a place in the formation of their governments. “The Ferghana Valley, populated mainly by Uzbeks, was divided into parts that went to Uzbekistan, Tajikistan and Kyrgyzstan. The traditional centers of Tajik culture - Samarkand and Bukhara became part of Uzbekistan. A significant number of Uzbeks live in the southern part of Kazakhstan and the number of Kazakhs in Uzbekistan is also no less. However,

with open borders within the region during the Soviet era, such a division was practically not felt. But after the collapse of the USSR, nationalities that were a minority in these Central Asian states felt under enormous pressure from the majority, after which the states were named.

The attempt of the Soviet Union to build the countries of Central Asia according to the European model of the eighteenth and nineteenth centuries could not be carried out and left behind significant "building material" in the form of primitive ethnic elements (tribal and ethno-territorial). This archival material that is now manifested in public life after the collapse of the USSR¹.

It should be noted that the process of building a nation on the basis of titular nations, "on a territory as multi-ethnic in structure as the previous Central Asian Khanate, in principle, was not the best of the actions taken in the Soviet era and probably, under any circumstances after gaining independence, became would cause serious controversy.

In this regard, especially soon after the collapse of the USSR, the issue of interethnic coexistence became an important issue in the states of Central Asia. The policy of the central government to foster ethnic tolerance – friendship among the Soviet people – had its positive results, but still could not overcome ethnic and religious contradictions. Many problems of relationships between people were very complex in their own way and had long-standing roots that could not be resolved even during the 70 years of Soviet power. Consequently, as mentioned above, in the late 1980s and early 1990s, during the period of weakening of the central government in the region, a number of ethnic conflicts took place.

Obviously, with the beginning of independence and the subsequent intensification of inter-ethnic conflicts in these states, the conflicts were also reflected – to some extent – in the official power politics of the states. A certain nationalism at that time served as the ideological basis for the construction of a new state, nourishing the self-determination of the titular ethnic group, language, a number of

norms, traditions, etc. and its imposition throughout the countries of the region. Despite the common history and the fact that they are called a single region, the countries differ in their level of political and economic development, cultural and ethnic composition and relations with the outside world. Slow economic progress and a growing gap between the wealthy elites and the vast majority of the poor are fueling unrest in the region. Poverty, combined with a lack of institutionalized means of dissent, creates fertile ground for radical Islam" [Dzhekshenkulov 2000].

The issue of "borders plays an important role in the process of establishing statehood and ensuring security. This problem became especially acute after the collapse of the USSR, 15 independent states appeared on the political map of the world, which did not have clear state borders. Taking into account the mistakes made by the USSR, it should be noted that all newly independent states were faced with the task of defining interstate borders. In this regard, this problem arose acutely in the Central Asian region, where, with the advent of statehood, both ethnic conflicts and border disputes and claims broke out, as well as conflict situations began to develop, which escalated and do not cease to escalate into armed clashes. In the process of redrawing the political map of the world and redistributing the hegemony of power in the world political arena, territorial claims and their unresolved can lead to serious destabilizing factors in ensuring security. Therefore, this also applies to individual states, regions and to the entire world community.

Formal and blind border demarcation was introduced by the Soviet Union during the national-territorial division of the states of Central Asia, which is the main reason for the serious aggravation of territorial and ethnic disputes and claims, conflict situations and conflicts in the Central Asian region, the epicenter of which is the Ferghana Valley" [Alamanov 2005: 173].

The division of "borders was practically not based on the national principle, in connection with this, at the international level, it was precisely the enclave territories of these

¹ Chorkuh's Jamoat Development Plan. S.Ahurov's Speech. Isfara, 2011.

countries that arose. The territorial demarcation between these countries lasted until 1957, when Moscow established the Parity Commission to establish a demarcation line between these republics of the Soviet Union. Accordingly, the work of the Commission was beautifully framed only officially, but in reality, it failed to achieve its goal and fulfill those tasks that were vital for these republics, while still part of the USSR. Back then, at the height of the heyday of Soviet ideology, no one could have imagined the collapse of such a great power.

Of course, it is well known that enclave and exclave territories are always a source of political and international conflict situations and, in this regard, the priorities of the foreign policy of the bordering states are the signing of agreements and treaties, the solution of these issues in a constructive manner, the exchange of enclaves, in extreme cases - a compromise” [Guseynov 2010].

In turn, “the resolution of disputes relating to water and energy cooperation with neighboring countries of the region is significant and relevant, both for each of the individual countries and for the region as a whole.

It should be noted that from the point of view of politics, economics and security, the settlement of this conflict situation is closely intertwined with the problem of resolving the conflict of ethno-territorial claims and disputes between neighbors.

In this regard, the heads of state and government of the countries of the Central Asian region are obliged to develop common goals and positions to resolve these problems, which provides for a strategy for the water balance of transboundary rivers and reservoirs.

Border issues are one of the sensitive aspects of the foreign and domestic policy of any state. It is on the awareness of the emotional strength of this factor that the opponents of the authorities in the countries that solve border problems build their tactics all over the world.

In this regard, the author gives some recommendations for mitigating and preventing conflicts in Central Asia:

1. Delaying the legal registration of the borders and the solution of this problem will only aggravate relations between communities, and continue to be the basis for further violent incidents and riots in the border areas; Accelerate

the completion of the process of delimitation and demarcation of borders on the basis of consensus or compromise, as was done with China. Solving the issue of legal registration of borders will remove problems in disputed areas, which will reduce the number of conflicts in border communities;

2. After the legal registration of the borders, come to a consensus on the issue of the border crossing regime in the border communities, in particular to determine the border crossing regime with the Tajik enclaves. Given the intensity and established socio-economic ties between communities, there is a need to introduce a regime of free movement of people, goods and services;

3. Consider the need to sign a new agreement with the Kyrgyz Republic and the Republic of Uzbekistan in order to adapt the percentage of water allocation and water withdrawal from the Isfara and Kozu-Baglan rivers, taking into account the changed conditions: population growth, irrigated land areas, changed priorities in agriculture, as well as joint generation and securing new mechanisms for the coordinated use and operation of transboundary water facilities. The water infrastructure in the border communities is in serious need of improvement and requires large capital investments;

4. Improve the condition of existing hydraulic structures and water arteries, which should help reduce losses, increase the volume of water, and should also be aimed at improving the issues of water distribution, increasing the accuracy and transparency of water allocation;

5. Consider the possibility of building new hydraulic structures and canals, which should reduce the load on existing networks, which are significantly outdated;

6. To prepare the population of the border areas morally and psychologically about the upcoming delimitation and demarcation of the borders between Kyrgyzstan and Tajikistan in order to avoid cases of conflicts due to misunderstanding of the decisions taken;

7. Support local initiatives aimed at strengthening good-neighbourly relations and preventing conflicts in border communities, as well as facilitating negotiations between the leaderships of both sides for prompt consideration and timely resolution and

settlement of potentially conflict-generating issues;

8. Consider that the implementation of the Central Asian Transboundary Drainage Management Optimization Project, necessary to reduce regional tensions, will be important;

9. Based on the low probability of completing the construction of the Rogun HPP in the format of a national Tajik project with international funding. The leadership of Tajikistan does not have sufficient human and organizational resources to achieve the officially declared goals.

10. Develop electricity generation by all countries of Central Asia as a priority area of their cooperation” [Kurbanova 2020].

It seems that the issue of border demarcation in Central Asia, especially in the Ferghana Valley, will not be resolved soon. However, some progress has been made. The common commitment of the Central Asian states to preserve the existing Soviet-era borders and reject nationalist or irredentist demands must be recognized as an important contribution to stability in the region. One can name an ideal case of conflict resolution, when, having collected all the evidence and statements of the parties, to find the main fundamental error and determine the guilty party. First of all, it concerns the resolution of the border conflict.

“In turn, to resolve acute conflict situations and conflicts in Central Asia, the author highlights a number of recommendations, namely:

To the governments of Central Asia:

1. Stop unilateral demarcation of borders; all demarcation should be done transparently through formal joint commissions in consultation with the local population;

2. Stop the practice of mining unmarked borders and take measures to remove all mines from the borders;

3. Simplify visa requirements and border crossing procedures, open consulates in relevant border towns or otherwise issue visas at border crossing points;

4. Improve the training of border guards for border and visa procedures and take stronger measures against corruption among them and customs authorities, as well as against the persecution of tourists;

5. Uzbekistan should open map archives in Tashkent as a shared resource of the successor states of the Soviet Union, and countries in the region should encourage Russia to provide access to similar resources in Moscow;

6. Give regional heads more freedom to resolve the social problems of the local population in disputed border areas and call on local authorities to allow NGOs and community groups to participate in dispute resolution and border monitoring;

7. Stop singling out ethnic minorities in disputed border areas due to disadvantageous treatment in dispute resolution and border monitoring;

8. Ratify border agreements in accordance with the legal procedures established in accordance with the legislation of each country; providing legislative bodies and the public with access to relevant information so that border agreements can be the subject of normal political discussion, including by opponents” [Kurbanova 2020].

“To the external observers:

9. The OSCE should offer its services as an impartial mediator in regional border disputes and work to educate states in the general principles of border resolution; offer training to border guards and customs officers; and coordinate other international assistance on the area;

10. In cases where border disputes pose a serious threat of conflict, the OSCE should consider setting up border monitoring missions;

11. International donors and governments should impartially provide access to expertise and training in international law and border disputes to officials from all countries in the region;

12. International projects on cross-border transport should include provisions relating to border crossing arrangements and work should continue on the introduction of common border crossing tariffs and procedures;

13. International donors should seek further development and peacebuilding projects that span borders not only in the Ferghana Valley, but also in other complex border regions, and support NGOs that are attempting to implement alternative border resolution programs” [Kurbanova 2020].

Although in many cases, each of the disputing parties considers itself right and brings the most compelling evidence to the court. In the case of the countries of Central Asia, a zealous example is the mistakes made by the USSR, the misunderstanding of the peoples and ethnic groups of this region, the “axe method” of delineating state borders, “pulling the blanket” either in favor of one state or in favor of another, to this day entail the dire consequences of not resolving these problems. Even, at times, it seems that even the heads of state “stand on end” from the borders chopped with an “axe” and the mistakes made by the USSR.

Summing up, it should be noted that conflict situations and conflicts have unpredictable consequences. In this regard, in the event of this or that, their prompt resolution or settlement by peaceful means should follow. Concerning the countries of the Central Asian region, its problems should be “looked at the root”. And, because of this, it is necessary to take into account the historical confessional and specific factors of the emergence and development of conflict situations and conflicts in the region.

The main sources of “conflict in Central Asia are the unresolved border issues, the narrowly intertwined problem of enclave states, and the non-distribution of water and energy resources. It is considered expedient that the leaders of the conflicting states should sit down at the negotiating table and solve these problems in a constructive manner. Solving them concretely, i.e., resolving conflicts between the countries of the region, depends not only on how the heads of state, in the process of dialogue, “made proposals and recommendations” and

then left them on the back burner, but constantly travel to zones and hotbeds of conflicts and to monitor situations. In the process of monitoring, take appropriate measures, and do not leave the “fruits of discord” for “self-eating”! A vivid example of the resolution of conflict situations should be highlighted in such countries of the region as Tajikistan, Kyrgyzstan and Uzbekistan. It should be noted that there are a number of problems between the listed countries, during the solution of which the Republic of Kyrgyzstan is the main obstacle. Despite the fact that in the process of ongoing negotiations between the Republic of Tajikistan and the Republic of Kyrgyzstan regarding a serious border confrontation, namely the Vorukh enclave, constant armed clashes flare up on the interstate border, but the parties cannot come to a consensus, each of which presents its own righteousness factors. Although, as a young Tajik researcher, I would like to emphasize that historically and legally Vorukh belonged and belongs to Tajiks from time immemorial and Tajiks live there, is it possible to cut off a piece of your homeland and transfer it to another country? Alas, we young generations have to become witnesses of ongoing unfair, bloody clashes between countries. We would like the wise leadership of the Central Asian countries, nevertheless, to manage to resolve all existing conflicts, in particular the complex border conflict in a constructive manner, despite all the difficulties and obstacles, and in the future to prevent the emergence of new fireplaces and sources of conflict situations”.

REFERENCES

- Agaev R.* CVR: problemy jevoljucii politicheskikh sistem [CER: problems of the evolution of political systems]. Yekaterinburg, Ural University Press, 2017.
- Alamanov S.K.* Short history and experience solutions of border issues of Kyrgyzstan. Bishkek, 2005. Digest of articles “Kyrgyzstan-Tajikistan: The policy of strengthening partnership in the context of regional relations”. T. Usabaliev’s Public Fund and F.Ebert’s Fund in RK, Bishkek. URL: https://www.ca-c.org/journal/2002/journal_rus/cac-01/08.usuru.shtml/ (Accessed 28 February 2022)
- Dzhekshenkulov A.* Kyrgyzskaja diplomatija v jepohu vyzovov [Kyrgyz diplomacy in the era of challenges]. «V konce nedeli», January 6, 2006, no. 1 (21891).
- Dzhekshenkulov A.* Novye nezavisimye gosudarstva Central'noj Azii v mirovom soobshhestve [New independent states of Central Asia in the world community]. Moscow, Nauchnaja kniga, 2000.
- Fuller Elizabeth.* Mediators for Transcaucasia’s conflicts. The Royal institute of International Affairs-L., 1993, vol. 49, no. 5.

- Guseynov V.A.* Central'naja Azija: Geopolitika i jekonomika regiona [Central Asia: Geopolitics and Economics of the Region], Moscow, Krasnaja zvezda, 2010.
- Kurbonova Z.M.* Osobennosti razreshenija konfliktov i konfliktogennyh situacij v uslovijah izmenjajushhegosja mira [Features of conflict resolution and conflict situations in a changing world]. Dushanbe, Irfon, 2020.
- Mc. Garry John and O'Leary Brendan.* The political regulation of national and ethnic conflict. Parliamentary Affairs-L., 1994, vol. 47, no. 1.
- Medushevsky A. N.* Konstitucionnyj kontrol' i politicheskij vybor v obshhestvah perehodnogo tipa: k probleme legitimnosti sudebnyh reshenij na postsovetском prostranstve [Constitutional control and political choice in transitional societies: to the problem of the legitimacy of judicial decisions in the post-Soviet space]. Zanger: Vestnik prava Respubliki Kazahstan, 2011, no. 1 (114).
- Miall H., Ramsbotham O., Woodhouse T.* Contemporary Conflict Resolution. London: Polity Press, 1999.
- Mitchell Christopher R.* Prekrashhenie konfliktov i vojn: racional'nye ocenki i popadanie v zapadnju [Ending conflicts and wars: rational assessments and falling into a trap]. Mezhdunarodnyj zhurnal social'nyh nauk, 1991, no. 3.
- Mukhabbatov H.* Vodnye resursy Tadjikistana: formirovanie i ispol'zovanie [Water resources of Tajikistan: formation and use]. Central'naja Azija i Kavkaz, 1998, no. 1 (13).
- Musaev B.* Uzbekistan: regional'naja bezopasnost' i social'no opasnye tendencii razvitija obshhestva [Uzbekistan: regional security and socially dangerous trends in the development of society]. Central'naja Azija i Kavkaz, 2000, no. 3 (9).
- Mushakodzi K.* Politicheskaja i kul'turnaja podopleka konfliktov i global'noe upravlenie [Political and cultural background of conflicts and global governance]. *Polis*, 1991, no. 2.
- Petrov G.N.* Sovmestnoe ispol'zovanie vodno-jenergeticheskikh resursov transgranichnyh rek Central'noj Azii [Joint use of water and energy resources of transboundary rivers of Central Asia]. Evrazijskaja jekonomicheskaja integracija, 2009, no. 1 (2).
- Scott J.G.* Sposoby razreshenija konfliktov [Methods of conflict resolution]. vol. 2. Kyiv, Verzilija i K, LTD Publ., 1991.
- Shatin Yu.V.* Iskusstvo peregovorov [The Art of Negotiation]. Moscow, Berator-Press Publ., 2002.
- Tabysgalieva A.* Central'naja Azija: novoe prostranstvo dlja sotrudnichestva [Central Asia: a new space for cooperation]. Bishkek, 2000.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Агаев Р.* ЦВР: проблемы эволюции политических систем. Екатеринбург: Издательство Уральского университета, 2017.
- Аламанов С.К.* Краткая история и опыт решения пограничных вопросов Кыргызстана. Бишкек, 2005.
- Гусейнов В.А.* Центральная Азия: Геополитика и экономика региона. М.: Красная звезда, 2010.
- Джекшенкулов А.* Кыргызская дипломатия в эпоху вызовов. «В конце недели», 6 января 2006 г., № 1, с. 1 (21891).
- Джекшенкулов А.* Новые независимые государства Центральной Азии в мировом сообществе. Москва: Научная книга, 2000.
- Курбонова З.М.* Особенности разрешения конфликтов и конфликтогенных ситуаций в условиях изменяющегося мира. Душанбе, Ирфон, 2020.
- Мак. Гарри Джон и О'Лири Брендан.* Политическое регулирование национального и этнического конфликта. Парламентские дела-Л., 1994, вып. 47, нет. 1.
- Медушевский А.Н.* Конституционный контроль и политический выбор в обществах переходного типа: к проблеме легитимности судебных решений на постсоветском пространстве. Зангер: Вестник права Республики Казахстан, 2011, № 1, с. 1 (114).
- Миалл Х., Рамсботэм О., Вудхаус Т.* Современное разрешение конфликтов. Лондон: Полити Пресс, 1999.

Kurbonova Z.M. Some political aspects of the process of settlement of the Tajik-Kyrgyz state border

- Митчелл Кристофер Р.* Прекращение конфликтов и войн: расовые оценки и попадание в запад. Международный журнал социальных наук, 1991, вып. 3.
- Мусаев Б.* Узбекистан: региональная безопасность и социально опасные тенденции развития общества. Центральная Азия и Кавказ, 2000, №1. 3 (9).
- Мухаббатов Х.* Водные ресурсы Таджикистана: формирование и использование. Центральная Азия и Кавказ, 1998, № 1, с. 1 (13).
- Мушакодзи К.* Политическая и культурная подоплека конфликтов и глобальное управление. Полис, 1991, вып. 2.
- Петров Г.Н.* Совместное использование водно-энергетических ресурсов трансграничных рек Центральной Азии. Евразийская экономическая интеграция, 2009, №1. 1 (2).
- Сборник статей «Кыргызстан-Таджикистан: политика укрепления партнерства в контексте региональных отношений». Общественный фонд Т. Усубалиева и Фонд Ф. Эберта в РК, г. Бишкек. URL: https://www.ca-c.org/journal/2002/journal_rus/cac-01/08.usuru.shtml/ (по состоянию на 28 февраля 2022 г.)
- Скотт Дж.Г.* Способы разрешения конфликтов. об. 2. Киев: Верзилия и К, ЛТД, 1991.
- Табышалиева А.* Центральная Азия: новое пространство для сотрудничества. Бишкек, 2000.
- Фуллер Элизабет.* Посредники в конфликтах Закавказья. Королевский институт международных отношений-Л., 1993, вып. 49, нет. 5.
- Шатин Ю.В.* Искусство переговоров. Москва: Бератор-Пресс, 2002.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ / INFORMATION ABOUT THE AUTHORS

Курбонова Зульфия Махманабиевна, доктор политических наук, доцент, заведующий кафедрой международных отношений и дипломатии Российско-Таджикского (Славянского) Университета. E-mail: zukurbonova@mail.ru

Zulfiya M. Kurbonova, Doctor of political sciences, Associate professor, Head of the Department of International Relations and Diplomacy of the Russian-Tajik (Slavonic) University. E-mail: zukurbonova@mail.ru

Современная политика Республики Таджикистан в международных отношениях: специфика и направления

А. Н. Мухаммад

Национальная Академия наук Таджикистана, Душанбе, Республика Таджикистан

E-mail: tifk@mail.ru

Аннотация. В данной статье автор рассматривает политику Республики Таджикистан в международных отношениях и рассуждает о ее характере и основных направлениях. В то же время при разработке политики в международных отношениях рассматриваются существующие проблемы между Таджикистаном и Афганистаном, Кыргызстаном и Таджикистаном, а также различными субъектами общества. Таким образом, сегодня практически признаны форма правления, составляющая основу международных отношений, которая формируется под влиянием внешней политики политических лидеров, движений, политических партий, государств, международных организаций и тому подобное. Мировая политика охватывает все возникающие политические процессы в сфере международных отношений. В статье по-разному представлен вопрос государственного устройства в Афганистане, и инклюзивное правительство должно учитывать все национальные меньшинства. В стране существует широкий спектр этносов, культур, языков и религий, а этническая и культурная рознь настолько велика, что к ней не применимо употребление слова «афганская нация», а единая нация еще не создана. Поскольку интересы большинства стран мира отличаются от интересов Республики Таджикистан, многие из этих приоритетов во внешней политике страны не могут оставаться неизменными и отличаться друг от друга. Следует отметить, что развитие международной политики в государственных отношениях иногда приводит к тому, что многие независимые страны не в состоянии защитить себя в решении многих актуальных территориальных и спорных вопросов, а международное право не защищает их интересы. Таким образом, проведение политики в международных отношениях приводит к балансу сил. Политическим регулятором системы международных отношений является союз государств.

Ключевые слова: современная политика, Таджикистан, Узбекистан, Кыргызстан, международные отношения, внешняя политика, этнические конфликты, территориальных и спорных вопросов, независимости центральноазиатских стран.

Для цитирования: Мухаммад А. Н. Современная политика Республики Таджикистан в международных отношениях: специфика и направления. Постсоветские исследования. 2022:357-366.

Modern policy of the Republic of Tajikistan in international relations: specifics and directions

Abdurahmon N. Muhammad

National Academy of Sciences of Tajikistan, Dushanbe, Republic of Tajikistan

E-mail: tifk@mail.ru

Abstract. In this article, the author examines the policy of the Republic of Tajikistan in international relations and discusses its nature and main directions. At the same time, when developing a policy in international relations, the existing problems between Tajikistan and Afghanistan, Kyrgyzstan and Tajikistan, as well as various subjects of society are considered. Thus, today the form of government that forms the basis of international relations, which is formed under the influence of the foreign policy of political leaders, movements, political parties, states, international organizations, and the like, is practically recognized. World politics covers all emerging political processes in the sphere of international relations. The article presents the issue of

government in Afghanistan in different ways, and an inclusive government should consider all national minorities. There is a wide range of ethnic groups, cultures, languages and religions in the country, and ethnic and cultural strife is so great that the use of the word “Afghan nation” is not applicable to it, and a single nation has not yet been created. Since the interests of most countries of the world differ from the interests of the Republic of Tajikistan, many of these priorities in the country's foreign policy cannot remain unchanged and differ from each other. It should be noted that the development of international politics in state relations sometimes leads to the fact that many independent countries are not able to defend themselves in resolving many topical territorial and disputed issues, and international law does not protect their interests. Thus, the conduct of politics in international relations leads to a balance of power. The political regulator of the system of international relations is the union of states.

Key words: modern politics, Tajikistan, Uzbekistan, Kyrgyzstan, international relations, foreign policy, ethnic conflicts, territorial and disputed issues, independence of the Central Asian countries.

For citation: A.N. Muhammad Modern policy of the Republic of Tajikistan in international relations: specifics and directions. *Postsovetskie issledovaniya = Post-Soviet Studies*. 2022:357-366 (In Russ.).

Происходящие ныне изменения политики в международных отношениях охватывает вопросы, представляющие взаимный интерес, которые являются предметом острых дискуссий среди различных субъектов мирового сообщества. Известно, что основным субъектом системы международных отношений является государство, которое может создавать благоприятную среду для формирования международной политики. Следовательно, отличие между государством и другими объединениями людей является не качественным, а количественным, государство представляет собой более полный, обширный и целостный союз, чем любое другое человеческое общество. При этом форма государственного правления практически является признанной общественностью.

В то же время, к сожалению, большинство могущественных государств проводят политику двойных стандартов, а иногда и нейтралитета в решении многих новых мировых проблем и угроз, таких как терроризм, религиозный и национальный экстремизм, что оказывает негативное влияние на дальнейшие изменения происходящие в обществе и его стабильность.

Например, международное сообщество и демократические страны, где имеет место верховенство закона, в вопросе прихода к

власти талибов и их признания, должны строго придерживаться общепринятых принципов, хотя признание талибов является поддержкой международного терроризма. Сегодня талибан все еще числится в списке международных террористов, их незаконный захват страны не означает, что международное сообщество пока хранит молчание или занимает нейтральную позицию. Думается сверхдержавы и международное сообщество вообще не должны спешить с признанием их правительства, поскольку они обязаны учитывать защиту демократических ценностей и прав человека, то есть, уважать и соблюдать принципы гуманности и прав человека.

Совершенно очевидно, что международные отношения регулируются не только политическими, правовыми и военными методами, но также моральные и гуманитарные методы занимают особое место в их координации. В этой связи Президент Таджикистана Э. Рахмон заявил, что: «Для безотлагательного решения политических проблем и проблем безопасности соседней страны как можно скорее необходимо создать инклюзивное правительство с участием всех национальных меньшинств, особенно

таджиков в Афганистане, которые составляют более 46% населения»¹.

Следует отметить, что это такая позиция Э. Рахмона стала поворотным моментом в мировой политике, она оказала непосредственное влияние на самые могущественные страны и политиков мира, и многие из них проявили интерес к этой позиции поддерживая её в своей международной политике. Конечно, проблемы, с которыми сегодня сталкивается народ Афганистана, не могут никого оставить равнодушным, потому что длительная гражданская война и нестабильность в этой стране сделали людей очень бедными, а нестабильная ситуация в этой стране влияет на мир и безопасность касающихся стран в Центральной Азии, так и других государств мира.

Давно известно, что этническая сегрегация политической власти – это ключевая модель афганского правления. Несомненно, «Афганистан стал свидетелем эволюции и изменений в своей политической системе после 2001 г. Вот почему лидеры и политические игроки, пользуясь нынешней ситуацией и отсутствием великой идеи и видения Афганистана, уделяют больше внимания этнической и племенной литературе а также этническим вопросам, чтобы защитить и сохранить свою политическую власть» [Мухаммад, Шароф 2018: 93]. Познание этого явления может помочь в изучении племени и правильном понимании потребностей, желаний, разработки, структуры и роли этнического элемента в социальном обращении и политической судьбе Афганистана.

Стоит подчеркнуть, что Афганистан с точки зрения наличия этнических и расовых различий считается 37-й страной в мире. Таким образом, этнические конфликты в Афганистане со временем оказали влияние на его политическую и социальную жизнь, и стали более сложными с точки зрения внешних факторов. В связи с этим, властвование в этой стране всегда сталкивается с религиозными и этническими проблемами.

Разумеется, структура государственности в Афганистане должна быть основана на общенациональном правительстве с учетом всех национальных меньшинств. В этой стране представлен широкий спектр этнических групп, культур, языков и религий, а их неравенство таково, что использование слова «афганская нация» не совсем точно применимо к нему, и единая нация в Афганистане еще не создана и там, проживают пуштуны, хазарейцы, таджики, узбеки, туркмены, белуджи, киргизы, кызыл-башы, аймаки, наврустаны, кашмирцы, индусы, сикхи и другие этнические группы.

В стране проживают более ста этнических групп с разными структурами и особенностями, говорящих более чем на 30 языках. С точки зрения влияния, ни одна из этнических групп не имеет абсолютного большинства, и такая разнообразная этническая структура привела к запутанности, межэтнической сложности и политической, социальной нестабильности и хаоса в Афганистане, потому что ни один из народов в одиночку и без участия других наций не смог создать политический порядок, стабильность и не может играть всестороннюю общенациональную объединяющую роль в одиночку. При этом следует отметить, что среди них много пуштунов, таджиков, узбеков и хазарийцев.

На данный момент пуштуны считаются самой большой этнической группой. Раньше они проживали на востоке и юге, а иногда также селились на севере и западе страны, имея власть на протяжении многих лет. Этнически пуштуны в отношении внутренней структуры делятся на три категории: дарони (абдолийцы), галзай и гуронцы. Установление отношений между пуштунами основано на факторе социальной традиции, нынешнее название которой – пуштуны (паштунволи). Паштунвали — это набор социальных обычаев, регулирующих отношения между членами племенного общества.

Таджики живут на северо-восточной, западной и юго-восточной части, таких как Бадахшан, Кабул, Герат, Газни, Гур и др., а также в провинциях Бадахшан, Тахар, Балх, Кописо и Парван. Также они присутствуют

¹ См.: АМИТ «Ховар». Душанбе 13.09.2021.

в провинциях Баглан, Кундуз, Газа и Кабул и составляют более половины населения этой страны, а их великая культура является отражением зеркала жизни и исторической гордости Афганистана. [Мухаммад, Шароф 2018: 93].

Следует отметить то обстоятельство, что население долины Паджшер в провинции Парван преимущественно таджикское, и силы, выступающие против экстремистского правительства Талибан, организовали сопротивление именно там. Многие эксперты обвиняют движение «Талибан» в нацизме и этнических чистках, так как они выселяют тысячи местных жителей из Панджшера и проводят этническую чистку - ситуацию, которую к сожалению, до сих пор не видит и игнорирует международное сообщество.

Хазарийцы считаются третьей этнической группой в Афганистане, и они живут преимущественно в центральном Афганистане в предгорьях центрального Афганистана и на высокогорье Гиндукуша. У узбеков же 28 племен или этнических групп, проживающих в Афганистане, в прошлом во главе каждого из них стоял бай или бек, который управлял делами общности. Сегодня большинство из них проживает вблизи крупных северных городов Афганистана - Мазари-Шариф, Маймана, Ханабад, Кундуз или в провинциях Катаган и Бадахшан. Узбеки, как и другие племена, подвергались давлению, в прошлом они не были свободны от притеснения и насилия, и сегодня также лишены мира и спокойствия.

Общеизвестно, что в политической жизни разных народов Афганистана до сих пор не наблюдается проявление единой национальной решимости, такой как мотивация, воля, мысли и чаяния всего населения страны. На наш взгляд, основной причиной многих этнических и межэтнических конфликтов в Афганистане является соперничество и неприязнь сельских жителей к властям низкий уровень мировоззрения племён. Поэтому обращение к любым средствам защиты власти стало более жестоким и результатом постоянной конкуренции, споров между вождями

племен, что подрывает единство народа этой страны. Пуштунский трайбализм может в итоге разорвать страну и привести другие свободомыслящие народности к разделению. В этих условиях происходит процесс этнической политизации, который создает ряд внушительных угроз для Афганистана, что сказывается не только на политической ситуации в стране, но и на международных отношениях.

Этнические конфликты, как было отмечено, всегда приводят к национальному коллапсу и трагедиям. Определённые искусственно созданные привилегии, не обеспечивают интересы какой-либо этнической группы, в том числе талибов. Этническое высокомерие, доминирование и пуштунизм в таком обществе, как Афганистан, не принесут этой страдающей стране ничего, кроме отсталости и политических, культурных и экономических бед. Наличие этнической розни, жестокости, беззакония, убийства стариков, молодежи, женщин и детей — это ухудшение имиджа и авторитета страны на международной арене. Безусловно, Афганистан был этнически, религиозно, лингвистически и культурно разнообразен на протяжении веков, но политизация этнической принадлежности уходит корнями в новейшую историю этой страны и является результатом действий её политической элиты. Этническая принадлежность, как политическая идентичность с историей «национализации», сложилась в Афганистане сложным образом, что теперь требует современных мер государственного управления.

Например, международные эксперты, такие как Л. Пидром, К. Искандаров и др. считают, что «многие политические силы и организации, состоящие из числа не пуштунских народов, пришли к такому выводу, что ныне существующий унитарный строй не отвечает ихним интересам и не может, обеспечить равенство между всеми национальностями» [Пидром 2010]. Исходя из этого, среди лидеров не пуштунских народностей Афганистана стоит и обсуждается вопрос о федерализации страны.

Российский политолог Грибанова Г.И. считает, что «число федеративных государств в современном мире постоянно растет. При этом острота дискуссии вокруг федерализма как компромиссной формы государственного устройства, находящее свое выражение в создании системы сдержек и противовесов между единством и разнообразием, автономией и суверенитетом, национальным и региональным, нарастает. Связано это, на наш взгляд, в значительной степени с теми трансформациями, которые происходят в оценке потенциала федерализма, как инструмента «конфликто разрешения» [Грибанова 2017: 122]. По нашему мнению, федеративная система правления, в которой каждое объединенное государственное образование имеет определенную степень политической независимости, очень подходит для современного Афганистана.

Преимущество этой структуры состоит в том, что она основана, как на территориально-административных, так и на территориально-национальных нормах, и может привести к урегулированию афганского конфликта.

Необходимость координации сил и объединения стран для устранения новых глобальных угроз сближает народы и нации и ускоряет процесс построения мирового сообщества.

Неоспоримый факт, что ни одно государство не может постоянно сохранять одинаковое отношение к другому. Например, политическое руководство Таджикистана признает, что «безопасность страны невозможно без восстановления безопасности в Афганистане, а это в свою очередь, требует согласованных усилий большого числа государств, в первую очередь, государств-членов ОДКБ» [Игнатов 2016: 149]. Поэтому Республика Таджикистан привлекает внимание других государств к этой проблеме.

В этой сложной ситуации следует признать справедливость слов Президента РТ Эмомали Рахмона, что: «на долю Таджикистана выпала сложная миссия буфера на пути расползания по всему постсоветскому пространству терроризма, радикального экстремизма и контрабанды

оружия и наркотиков. И мы в такой сложный период вправе рассчитывать на действенную помощь своих партнёров по ОДКБ. То есть, организации, «призванной объединить все имеющиеся возможности для обеспечения безопасности наших стран»¹.

Несомненно, что международные отношения являются результатом внешней деятельности отдельных государств и их внешней политики. Внешняя политика Республики Таджикистан в полном смысле слова является продуктом периода независимости. В сентябре 1993 г. глава государства Э. Рахмон впервые выступил с трибуны ООН, обратился к международному сообществу с конструктивными намерениями, мирными политическими целями, достижением национального единства, а также укреплением сотрудничества со всеми дружественными и мирными странами. Признавая документы международных отношений, включая Устав ООН, Хельсинкский Заключительный акт, Парижскую декларацию и другие документы, Республика Таджикистан заложила основы своей внутренней и внешней политики и заявила, что человек и защита его прав и свобод независимо от национальной, религиозной, расовой, половой принадлежности считает высшими ценностями.²

Поскольку интересы большинства стран мира отличаются от интересов Республики Таджикистан, многие из этих приоритетов внешней политики государства не могут оставаться неизменными, и отличаются друг от друга. Например, политика «открытых дверей» находится в центре внимания внешней политики Таджикистана, которая не нравится некоторым другим странам. Однако провозглашение политики «открытых дверей» совпало с принятием Концепции внешней политики Республики Таджикистан, которая определила основы международных отношений нашей страны в новый период после установления мира и стабильности.

¹ Выступление Президента Таджикистана Эмомали Рахмона на открытом заседании СКБ ОДКБ по приоритетам председательства Таджикистана в ОДКБ. 23.12.2014 // URL: <http://russ.tj/content>

² См.: Лумьурят // – 2016. – 3 августа. – № 155.

Первоначально отдельные политики считали, что в послевоенный период политика открытых дверей может не подходить для Таджикистана, и что для страны было бы лучше оставаться закрытой в течение некоторого времени, чтобы поддерживать стабильность и безопасность и предотвращать вмешательство извне.

С годами стало ясно, что для Таджикистана, из-за его расположения в одном из самых сложных регионов мира, политика «открытых дверей» - лучший способ проводить внешнюю политику, которая предполагает «создание эффективных средств сочетания национальных интересов с международными усилиями, объединения этих усилий в деле адекватного противостояния угрозам и вызовам современного мира»¹ Политика «открытых дверей» означает декларирование готовности Таджикистана сотрудничать со всеми странами мира на основе равноправия и взаимных интересов. Сегодня можно ощущать эффект таких многогранных и разнообразных отношений в различных сферах, и страны региона признают и следуют логике политики «открытых дверей». Потому что эта политика привела Таджикистан не только к укреплению своих позиций, но и к активному участию в решении региональных и глобальных проблем, найдя свой собственный дипломатический подход.²

В целом внешняя политика государства в широком понимании включает в себя различные сферы жизни, которая во многом зависит от защиты национальных интересов. Например, наряду с двумя основными вопросами – национального единства и продвижения экономической дипломатии, Республика Таджикистан также уделяет особое внимание в своей внешней политике борьбе с международным терроризмом, экстремизмом, кибертерроризмом,

незаконным оборотом наркотиков и торговлей людьми.

Особенно в условиях экономических и финансовых кризисов, роста международного терроризма и появления новых глобальных угроз странам необходимо еще более укреплять свои позиции по обеспечению национальной безопасности. Мировая политика является полем битвы для государств, которые борются за защиту своих интересов и обеспечение своей безопасности. Поэтому они формируют различные коалиции, чтобы лучше защищать свои интересы. Государство, приобретшее дополнительные силы, будет использовать все средства для достижения своих целей.

В то же время, есть государства, которые по политической мощи, уровню экономического развития, географическому положению и так далее очень близки друг к другу. Именно между такими государствами должны быть установлены прочные связи.

Вне всякого сомнения основу международных отношений составляет мировая политика, которая формируется под влиянием внешней политики политических лидеров, движений, политических партий, государств, международных организаций и им подобных. Она охватывает все зарождающиеся политические процессы в сфере международных отношений. Также содержание мировой политики составляет межгосударственное сотрудничество, которое может проявляться как в двустороннем, так и в многостороннем сотрудничестве [Калашников 2004: 407]. Нарушение баланса международных отношений зависит от того, что наряду с государством, также на международную арену выходят другие независимые международные субъекты, в том числе национальные, конфессиональные, международные организации, транснациональные корпорации, террористические группировки, отдельные лица и другие.

Подтверждением этому случаи события апреля 2021 г., которые показали, что отношения между государствами Таджикистан и Кыргызстан очень сложные.

¹ Выступление (Э.Рахмона) на встрече с дипломатическими работниками страны по случаю открытия нового здания министерства иностранных дел РТ (15.03.2013)

² См.: Сиёсати хориџии Тољикистон // Љумбурият. 2016. 3 августа. – № 155

В настоящее время протяженность государственной границы между Республикой Таджикистан и Кыргызской Республикой составляет 987 км. С 2002 г. с начала работы совместных комиссий по делимитации и демаркации государственной границы делимитировано 506 км линии границы. Остальная часть границы из-за наличия споров, еще не урегулирована, и её рассмотрению находится на рассмотрении. Исходя из этого, кыргызско-таджикский участок государственной границы периодически становится зоной конфликтов между местным населением или пограничниками двух стран.

Общеизвестно, что Ворух – это является сельская община, относящаяся к Исфаринскому району Согдийской области Таджикистана (исторически не анклав), самая горячая точка в Ферганской долине, которая является «яблоком раздора». Со своей стороны, Таджикистан предлагает опираться на документы и карты 1924-1927 гг. Но Кыргызстан предлагает использовать карты двусторонних комиссий периодов 1958–1959 и 1989 гг. Именно, поэтому до сих пор страны не могут прийти к единому решению.

Наряду с этим, в Кыргызстане ещё существует два эксклава – это Шахимардан и Чон-Гара (Северный Сох). Необычной особенностью Соха является то, что подавляющее большинство его населения составляют таджики, и по национальному составу анклав не совпадает ни с материнским, ни с окружающим государствами.¹

Как известно, советское наследие оставило бывшим советским республикам непредсказуемые проблемы, в том числе и территориального характера. Именно по этой причине между нашими государствами неоднократно происходили приграничные конфликты, часть из которых даже сопровождалась вооруженными стычками.

По этому поводу в 2000 г. была создана Правительственная комиссия по делимитации и демаркации Государственной границы между

Республикой Таджикистан и Кыргызской Республикой. В дальнейшем, в состав комиссии были внесены соответствующие изменения и дополнения.²

Такие конфликты, переросшие в вооруженные противостояния, достигли своего пика в 2014 и 2021 гг., в результате которых обе стороны сообщили о наличии погибших и пострадавших среди пограничников и местных жителей.

Следует отметить, что все провокации, клевета и обращения в международные организации и другие организации мирового уровня исходят от неправительственных организаций, затеявших «тюлпановую» революцию в Кыргызстане в 2005 г. Но сегодня, чтобы нарушить дружбу между таджиками и кыргызами, они хотят использовать поддержку своих зарубежных хозяев, чтобы превратить центральноазиатский регион в театр военных действий. Современному международному сообществу хорошо известно, что кыргызские пограничники первыми пересекли границу с Таджикистаном, и это является их многолетним регулярным действием.

Если вспомним недавнюю историю, то можно констатировать, как в 1990 г. в городе Ош ими были убиты невинные граждане Кыргызии- этнические узбеки, и этот жестокий поступок во всех интернет-средствах информации называют “Ошской резней”. (погибло 447 человек, а 75 000 узбеков стали беженцами). Националистические и агрессивные группировки из числа кыргызов подожгли дома местных узбеков. Захватили их землю и грабили имущество, но никто не подал официальную жалобу в ООН или международный трибунал на их акты агрессии, и действия всё ещё свежи в памяти народов региона.

Несмотря на все это, власти соседней страны уже много лет, пользуясь удобным случаем, вопреки требованиям двусторонних соглашений укрепляли свои позиции в

² Постановление Правительства Республики Таджикистан от 31 мая 2012 г. №298 «О внесении изменений в постановление Правительства Республики Таджикистан от 31 декабря 2008 г. №640–24».

¹ «Сохский район» // [сайт]. www.wikipedia.org (дата обращения: 16.02.2021)

спорных районах, особенно в Исфаринском и Бободжон-Гафуровском районах, за счет строительства домов и освоения таджикских земель. Даже в этом случае таджикский народ не утратил толерантности, и смог сохранить статус и права своих соседей. Но с другой стороны, кыргызам удавалось время от времени провоцировать столкновения между приграничным населением и властями.

В целом, вопрос о национально-территориальном и пограничном делении в годы независимости центральноазиатских стран привнес устаревшие проблемы советского времени, многие из которых ещё тогда, по мнению специалистов, решались специально. То есть топорное разделение отдельных районов соседних республик было отложено на черный день. К сожалению, даже после обретения независимости страны Центральной Азии сталкиваются со многими проблемами подобного характера.

Одним из факторов, способных сблизить политические позиции стран Центральной Азии, является достижение согласия между собой. В частности, агрессивный наплыв экстремистских и националистических группировок на таджикско-киргизской границе может еще больше усугубить разногласия в регионе. Наконец, чтобы восстановить хорошие отношения, обе стороны должны использовать официальный диалог и традиционную дипломатию.

В то же время, нынешние отношения Кыргызстана с другими соседями дестабилизируют геополитическую ситуацию в регионе. Например, в прежние годы после обострения ситуации между узбеками и кыргызами дело дошло до того, что по сей день она порождает много проблем для Узбекистана. Сегодня Узбекистан пытается найти выход из этих конфликтов, избегая отдельных стычек и столкновений с кыргызами.

Как и следовало ожидать иностранные организации ведут активную дипломатию на территории Кыргызстана, и вносят свой “вклад” в дальнейшее обострение ситуации в

соседних странах региона, что не в пользу этих республик.

Несмотря на все это, необходимо, приложить все усилия для сохранения таджикско-кыргызской дружбы, открытия новых горизонтов в двусторонних, многосторонних экономических, социальных, культурных и политических отношениях, содействовать миру на границе двух стран и центральноазиатского региона.

В качестве мер противодействия угрозам в Казахстане, Кыргызстане, Таджикистане и Узбекистане приняты законы, в соответствии с которыми для участников экстремистских организаций предусмотрено лишение гражданства своей страны. В Узбекистане ввели норму пожизненного заключения за участие в ИГ¹, Таджикистан пошёл на беспрецедентное увеличение тюремных сроков за участие в террористической деятельности и не исключает даже введения смертной казни, несмотря на мораторий 2004 г. В Кыргызии и Таджикистане действуют нормы о блокировке экстремистских сайтов.

Следовательно, участники этой системы равноправны. Если государства в своей внутренней политике будут опираться на законы и нормы, то в системе международных отношений они будут больше внимания уделять собственным интересам. Тем не менее, что изменение международной политики в государственных отношениях иногда приводит к тому, что многие независимые страны не в состоянии защитить себя в решении многих актуальных территориальных и спорных вопросов, а международное право не защищает их интересы.

Позитивные политические изменения, которые наблюдаются в международных отношениях в последние годы, открывают новые горизонты для анализа ситуации в Центральной Азии и некоторых странах Востока.

Таким образом, анализы показывают, что изменение политики в международных отношениях приводит к тому, что при его помощи создается определенный баланс сил, где политическим регулятором это

¹ Организация, запрещенная в РФ.

государства также имеют разные интересы и используют разные причины для защиты своих интересов и достижения своих целей. При этом эффективность применения международного права зависит от позиции стран, обладающих экономической и

военной мощью, а важным особенностями изменения политики в международных отношениях является отсутствие единого центра легитимного принуждения и единого источника власти в политике.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Berger P., Huntington S., eds.* Many Globalizations. Cultural Diversity in the Contemporary World. New York, Oxford University Press, 2002.
- Huntington S.P.* Democracy's Third Wave. The Journal of Democracy, 1991, no. 2.
- Keating M.* The New Regionalism in Western Europe. Territorial Restructuring and Political Change. Cheltenham, Edward Elgar, 1998.
- Keohane R.O., Nye J.S.* Transnational Relations and World Politics: An Introduction. International Organization, 1971, vol. 25, no 3.
- Mansbach R.W., Taylor K.L.* Introduction to Global Politics. Second edition. New York, Routledge, 2012.
- Naisbitt J.* Megatrends: Ten New Directions Transforming Our Lives. New York, Warner Books, 1982.
- Ritzer G.* Globalization. A Basic Text. Malden (MA), Wiley-Blackwell, 2010.
- Singh S.* New Trends. Implications for our Future Lives. London, Palgrave Macmillan, 2012.
- Wallerstein I.* Globalization or the Age of Transition? A Long-Term View of the Trajectory of the World-System. International Sociology, 2000, vol. 15(2).
- Грибанова Г.И.* Федерализм в контексте государственной политики развития: соотношение территориальности и этничности// Государственная политика развития на современном этапе: содержание, направление и перспективы: Материалы международной конференции М., 2016. Изд. Московского университета 2017.
- Игнатов А.В.* Таджикистан в современных международных процессах: концептуальные основания, формы участия и перспективы. Душанбе-Бишкек.2016.
- Искандаров К., Давлатов Р., Абдуллоев Р.* Афганистан сегодня: внутренние и внешние факторы войны и мира. Душанбе, 2018.
- Калашиников В.Л. и др.* Политология. М., 2004.
- Кузнецов Д.А.* Феномен трансрегионализма: проблемы терминологии и концептуализации. Сравнительная политика, 2016, т. 7, № 2(23).
- Латиф Пидром.* Панч макола дар бораи федерализм. Нашр «Кунгураи миллии Афғонистон». 2010.
- Лебедева М.М.* Современные тренды мирового развития: новое качество мира. Метаморфозы мировой политики. Под ред. Лебедевой М.М. М/, МГИМО (У), 2012.
- Мухаммад А.Н., Ямо Шароф.* Этнические конфликты в Афганистане и их социально-политические особенности // Известия Академия наук Республики Таджикистан. №3(260), 2018.
- Шаклеина Т.А., Байков А.А., ред.* Мегатренды: Основные траектории эволюции мирового порядка в XXI веке. Учебник. М., Аспект Пресс, 2013.

REFERENCES

- Berger P., Huntington S., eds.* Many Globalizations. Cultural Diversity in the Contemporary World. New York, Oxford University Press, 2002.
- Huntington Samuel P.* Democracy's Third Wave. The Journal of Democracy, 1991, no. 2.
- Keating M.* The New Regionalism in Western Europe. Territorial Restructuring and Political Change. Cheltenham, Edward Elgar, 1998.
- Keohane R.O., Nye J.S.* Transnational Relations and World Politics: An Introduction. International Organization, 1971, vol. 25, no 3.

- Mansbach R.W., Taylor K.L.* Introduction to Global Politics. Second edition. New York, Routledge, 2012.
- Naisbitt J.* Megatrends: Ten New Directions Transforming Our Lives. New York, Warner Books, 1982.
- Ritzer G.* Globalization. A Basic Text. Malden (MA), Wiley-Blackwell, 2010.
- Singh S.* New Trends. Implications for our Future Lives. London, Palgrave Macmillan, 2012.
- Wallerstein I.* Globalization or the Age of Transition? A Long-Term View of the Trajectory of the World-System. International Sociology, 2000, vol. 15(2).
- Gribanova G.I.* Federalizm v kontekste gosudarstvennoj politiki razvitiya: sootnoshenie territorial'nosti i etnichnosti // Gosudarstvennaya politika razvitiya na sovremennom etape: sodержanie, napravlenie i perspektivy: Materialy mezhdunarodnoj konferencii Moskva, 2016. Izd. Moskovskogo universiteta 2017.
- Ignatov A.V.* Tadzhiqistan v sovremennyh mezhdunarodnyh processah: konceptual'nye osnovaniya, formy uchstiya i perspektivy. Dushanbe-Bishkuk. 2016.
- Iskandarov K., Davlatov R., Abdulloev R.* «Afganistan segodnya: vnutrennie i vneshnie faktory vojny i mira». Dushanbe, 2018.
- Kalashnikov V.L. i dr.* Politologiya. – M., 2004.
- Kuznecov D.A.* Fenomen transregionalizma: problemy terminologii i konceptualizacii. Sravnitel'naya politika, 2016, t. 7, № 2(23).
- Latif Pidrom.* Panch makola dar borai federalizm. Nashr «Kungurai millii Afgoniston». 2010.
- Lebedeva M.M.* Sovremennye trendy mirovogo razvitiya: novoe kachestvo mira. Metamorfozy mirovoj politiki. Pod red. Lebedevoy M.M. Moskva, MGIMO (U), 2012.
- Muhammad A.N., Yamo SHarof.* Etnicheskie konflikty v Afganistane i ih social'no-politicheskie osobennosti// Izvestiya Akademiya nauk Respubliki Tadzhiqistan. №3(260), 2018.
- Postanovlenie Pravitel'stva Respubliki Tadzhiqistan ot 31 maya 2012 goda №298 «O vnesenii izmenenij v postanovlenie Pravitel'stva Respubliki Tadzhiqistan ot 31 dekabrya 2008 goda, №640-24.*
- Shakleina T.A., Bajkov A.A., red.* Megatrendy: Osnovnye traektorii evolyucii mirovogo poryadka v XXI veke. Uchebnik. Moskva, Aspekt Press, 2013.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ / INFORMATION ABOUT THE AUTHORS

Мухаммад Абдурахмон Навруз, доктор политических наук, профессор, Вице-президент Национальной Академии наук Таджикистана. Душанбе, Республика Таджикистан. (E-mail: tifik@mail.ru)

Abdurahmon N. Muhammad, Doctor of Political Sciences, Professor, Vice-President of the National Academy of Sciences of Tajikistan. Dushanbe, Republic of Tajikistan. (E-mail: tifik@mail.ru)

Вклад государств-членов ШОС по урегулированию афганского кризиса: до и после вывода военного контингента НАТО

К. Х. Рахимов

*Российский университет дружбы народов, Москва, Россия
Центр исследований постсоветских стран (ЦИПС), Москва, Россия
ORCID: 0000-0003-2771-1817, e-mail: rakhimov-kkh@rudn.ru*

Аннотация. В данной статье анализируется опыт решения Афганской проблемы, который накопила Шанхайская Организация Сотрудничества (далее-ШОС). В частности, в статье рассмотрены дипломатические усилия этой организации, ее гуманитарные акции, и попытки развивать инфраструктуру в Афганистане. Также в статье показаны отличия подхода участников ШОС от других стран и организаций, и проанализирована общая эффективность предложенных решений. Суть Афганской проблемы с точки зрения участников ШОС заключается в том, что основная часть государственной границы Афганистана приходится на страны-члены Организации. Поэтому все риски, которые исходят от Афганистана – терроризм, экспансия радикального ислама, а также организованная преступность (в том числе и контрабанда наркотических средств), являются серьезными угрозами для стран-участниц организации. Дополнительная сложность заключается еще и в том, что официальное афганское правительство не контролирует всю территорию страны, и на протяжении длительного времени ведет напряженную войну с радикальным исламским движением. 15 августа 2021 года, власть в Афганистане перешла под контроль «Талибана» (организация находится под санкциями ООН за террористическую деятельность). В обмен на поддержку мирового сообщества движение обещало создать инклюзивное правительство и уважать права человека. Пока эти слова остаются обещаниями: из региона периодически приходят сообщения о нарушениях прав человека, расправах над представителями прежнего режима и подавлении инакомыслия. В статье дан комплексный анализ проблематики влияния ШОС и попыток ее участников разрешить афганский конфликт.

Ключевые слова: ШОС, региональная безопасность, Афганистан, война в Афганистане, радикальный ислам, терроризм, экономическая и энергетическая безопасность.

Для цитирования: Рахимов К.Х. Вклад государств-членов ШОС по урегулированию афганского кризиса: до и после вывода военного контингента НАТО. Постсоветские исследования. 2022;4(5):367-385.

Contribution of the SCO member States to the settlement of the Afghan crisis: before and after the withdrawal of the NATO military contingent

Komron Kh. Rakhimov

*Peoples' Friendship University of Russia, Moscow, Russia
Post-Soviet Countries Research Center (CISC), Moscow, Russia
ORCID: 0000-0003-2771-1817, e-mail: rakhimov-kkh@rudn.ru*

Abstract. This article analyzes the experience of solving the Afghan problem accumulated by the Shanghai Cooperation Organization (hereinafter-SCO). In particular, the article examines the diplomatic efforts of this organization, its humanitarian actions, and attempts to develop infrastructure in Afghanistan. The article also shows the differences between the SCO participants' approach from other countries and organizations and analyzes the overall effectiveness of the proposed solutions. The essence of the Afghan problem from the point of view of the SCO members is that the main part of the state border of Afghanistan falls on the member countries of the Organization. Therefore, all the risks that come from Afghanistan – terrorism, the expansion of radical Islam, as well as organized crime (including drug smuggling) - are serious threats to the participating countries of the

organization. An additional complication lies in the fact that the official Afghan government does not control the entire territory of the country and has been waging an intense war with the radical Islamic movement for a long time. On August 15, 2021, power in Afghanistan came under the control of the Taliban (the organization is under UN sanctions for terrorist activities). In exchange for the support of the international community, the movement promised to create an inclusive government and respect human rights. So far, these words remain promises: reports of human rights violations, reprisals against representatives of the former regime and suppression of dissent periodically come from the region. The article provides a comprehensive analysis of the problems of the SCO's influence and the attempts of its participants to resolve the Afghan conflict.

Keywords: SCO, regional security, Afghanistan, the war in Afghanistan, radical Islam, terrorism, economic and energy security.

For citation: Komron Kh. Rakhimov. Contribution of the SCO member States to the settlement of the Afghan crisis: before and after the withdrawal of the NATO military contingent. *Postsovetskie issledovaniya = Post-Soviet Studies*. 2022;4(5):367-385 (In Russ.).

Афганская проблема является ключевой проблемой для Центральной Азии вот уже на протяжении более чем сорока лет. Перманентные вооруженные конфликты в стране происходили на протяжении всей ее современной истории. Однако именно с момента ввода воинского контингента СССР в Афганистан война в этой стране стала одним из наиболее значимых вооруженных конфликтов современности. Этот конфликт самым существенным образом повлиял и на историю самого Афганистана, и на политическую ситуацию в сопредельных странах. Завершение советской операции в Афганистане повлекло падение легитимного правительства и установление контроля над страной со стороны радикального исламского движения. Фактически, в стране вскоре началась междоусобная война и крайняя политическая раздробленность, которая продолжается до нынешнего момента.

Террористические атаки в США 11.09.2001 г. стали поворотным событием и для Афганистана: именно эта страна на тот момент являлась негласной базой и учебным лагерем для террористов, и именно на нее пришлось первая американская интервенция. Последовавшее за ней резкое сокращение влияния местной радикальной исламистской группировки – Талибана – не стало поворотной точкой для становления мирной жизни. Воцарившийся в стране хаос повлек за собой еще большее ухудшение положения в стране.

В тот момент, когда начался нынешний этап жизни Афганистана, Шанхайская Организация Сотрудничества только начала свою работу: страны, которые в нее входили, на тот момент еще не были готовы брать на себя всю тяжесть бремени по разрешению афганской ситуации. Однако, постепенно значение стран-участниц Организации начало возрастать, и в конце концов, у них появились рычаги влияния на конфликт в этой стране. Собственно, и политика стран-участниц по отношению к Афганистану стала более содержательной, и уже предполагала конкретные организационные, экономические и военные шаги.

Цель данной статьи-обобщить опыт усилий стран-участниц Шанхайской Организации сотрудничества по разрешению афганского конфликта и их результативность.

Анализ уровня разработки данной проблемы в научной литературе. В научных изданиях, посвященных международным отношениям, проблеме Афганистана и сопредельного ему региона уделяется большое внимание. Публикации по проблеме взаимоотношения стран-участниц Шанхайской Организации Сотрудничества (тут и далее- ШОС) в научных изданиях появляются довольно регулярно. Среди всех направлений, которые освещают данные публикации, следует выделить несколько наиболее важных. Так, много публикаций обзорного характера, в которых в принципе анализируются текущие проблемы региона Центральной Азии, и

место в этих отношениях стран-участниц ШОС. К таким публикациям следует отнести работы Р.К. Алимова, К.П. Курылева, Д.В. Малышева, К.Х. Рахимова и др. Некоторые публикации посвящены конкретным событиям в жизни организации и тому, каким именно образом эти события повлияют на всю последующую работу ШОС. Такими событиями является подписание наиболее важных документов, а также ключевые саммиты этой структуры. К статьям подобного рода нужно отнести публикации К.М. Барского, М.Г. Шилина и др. Много публикаций в данном направлении посвящены в принципе проблеме региональной безопасности и тому, как именно ШОС реализует свои стратегические интересы в этой сфере по отношению к Афганистану. Примером таких работ являются публикации Д.В. Гордиенко. Еще одним важным направлением является анализ отдельных направлений сотрудничества между странами-членами ШОС и Афганистаном. Такими направлениями могут быть гуманитарные аспекты взаимодействия, приграничные, а также вопросы военно-технического сотрудничества и взаимодействия в сфере охраны законности. Примерами таких публикаций можно считать труды М.А. Шпаковская, Ю.В. Морозова, Т.Н. Чекалиной и др. При всем разнообразии публикаций по проблеме ШОС и Афганистана, все же нужно отметить, что международная ситуация в данном направлении развивается очень динамично, и постоянно возникает необходимость в том, чтобы обновить актуальность исследований. Поэтому, можно говорить про объективную необходимость дальнейших изысканий в этом направлении.

Основные результаты исследования.

Проблематика Центральной Азии далеко не всегда привлекала внимание исследователей: после распада СССР Центральная Азия воспринималась как сообщество молодых, нестабильных государств, которые только стали на путь своего становления. Но на рубеже XXI в. произошел резкий рост внимания к этому региону.

Если говорить про российских исследователей, то примерно в тоже время, практически одновременно с началом второй чеченской кампании, в экспертном сообществе возникло понимание значения Центральной Азии для обеспечения безопасности Российской Федерации. Наряду с кавказским фронтом борьбы с исламистским радикализмом у России также появился новый, Центрально-Азиатский фронт. Именно этот регион, из-за наличия неконтролируемых территорий в Афганистане стал неформальной базой для подготовки радикально настроенных исламистов [Барский 2013: 19].

На новый, международный уровень, проблема Афганистана была поднята после беспрецедентной террористической атаки 11.09.2001 г. После вторжения США в Афганистан значение этой страны для своей безопасности переоценило и китайское руководство. Для Китая «прорыв» исламистов в Центральной Азии угрожал активизацией сепаратистов в приграничном Синьцзян-Уйгурском автономном районе, т. е. создавал прямую угрозу территориальной целостности Китая. Как минимум, наличие Афганистана являлось источником потенциальной террористической угрозы.

Как раз в этот период окончательно сформировалась Шанхайская Организация Сотрудничества, и ее участники сразу же оказались перед новой региональной проблемой, перед новыми вызовами для своей безопасности. При этом возникновение Афганистана как региональной проблемы нужно рассматривать в более широком контексте. Современные международные отношения характеризуется тем, что увеличивается число стран и территорий, местные власти которых не имеют возможность в полной мере их контролировать, и такие территории не именуемо становятся проблемой для окружающих их стран. При этом важно отметить, что нет недостатка в объектах возможной экспансии, но эффективность такой экспансии в современных условиях минимальна. Более того: формат, которым «афганскую проблему» собирались решать США, явно не может быть использован в отношениях между Афганистаном и ШОС.

Шанхайская Организация Сотрудничества по своей природе существенно отличается от тех политических институтов, которые доминировали в международных отношениях до ее создания. Так, в начале 2001 года было объявлено о создании Шанхайской организации сотрудничества. Однако, создание данной структуры произошло не на пустом месте. Предшественником ее являлась так называемая «Шанхайская пятерка», которая стала результатом длительных российско-китайских переговоров о границах между странами, а также переговоров между всеми странами Центральной Азии и Китаем.

Собственно, переговоры про границу – это отдельный, длительный вопрос по части формирования ШОС в ее нынешнем виде. Этот вопрос для китайского руководства имеет особое историческое значение. При том, что на протяжении истории границы Китая существенно менялись, исторические события в XIX веке привели к тому, что Китай утратил контроль над некоторыми своими территориями. Восстановить полноценный контроль над всеми участками прежней границы не удалось. Значительная часть территории Китая оказалась утрачена навсегда. Вместе с тем китайское руководство не стало на путь ревизионизма и не инициировало возвращение к историческим границам: текущие переговоры были направлены на то, чтобы обозначить новые границы по контурам советско-китайской границы [Морозов 2014: 47].

Подобный принцип, - отказ от ревизии отношений и отказ от исторических амбиций – и является одним из принципов, по которым сейчас функционирует ШОС. Во многом именно на основе этого принципа произошел отказ от прямого военного вмешательства во внутренние дела Афганистана (в отличие от концепции, которой придерживались США).

Непосредственным толчком для развития международных отношений в Центральной Азии стал распад СССР. Тогда одновременно образовалось 15 независимых государств, и Центральная Азия стала

полноценным игроком на международной арене, перестав быть просто «провинцией» СССР. Таким образом, для руководства Китая остро стал вопрос о налаживании отношений с новыми независимыми государствами Центральной Азии, которая продолжала быть не менее важным регионом. Из новообразованных государств четыре страны – Россия, Казахстан, Киргизия и Таджикистан – имеют общую границу с Китаем. При этом общая протяженность такой границы со стороны Китая составляет 7 тыс. км. Обеспечение безопасности на этой границе, равно как и в регионе, к которому примыкает Китай, стало вопросом национальной безопасности «Поднебесной».

Уже тогда стал вопрос о том, что для Китая было бы удобнее объединить все страны, которые находятся на Западной границе. То есть, уже на этапе переговоров о проведении границы с вновь образованными государствами возникла необходимость создания некой группы из западных соседей (для Китая), что бы было легче вести переговоры.

Именно так и возникла «Шанхайская пятерка». С одной стороны в этой пятерке – Китай, а с другой стороны – Россия, Казахстан, Киргизия и Таджикистан. В 1996 г. между участниками «Шанхайской пятерки» был подписан договор, - «Соглашение про укрепление доверия в военной области в районе границы», и это был первый документ, подписанный в этом формате. Данная договоренность стала результатом длительным двусторонних переговоров между Китаем и его западными соседями. Изначально данная организация вовсе не имела официального названия. Словосочетание «Шанхайская пятерка» было придумано западными репортерами, которые хотели как-то обозначить новый формат. Тем не менее, название все же прижилось и быстро стало официальным [Чеклина 2015: 105].

Важно то, что для подписания этого соглашения был выбран не Пекин, в котором обычно проводится все официальные встречи международного уровня, а именно Шанхай. Это должно подчеркивать равноправие всех участников данного

соглашения. То есть, его нельзя рассматривать как определённый военный или политический блок, который был создан в Китае и для интересов Китая. Официальная церемония подписания соглашения о создании этой группы произошла 26 апреля 1996 г., в Шанхайском выставочном центре. Несмотря на то, что в момент подписания постсоветские страны находились в очень непростом политическом и экономическом состоянии, а Китай был очень далек от своего могущества, которое он демонстрирует в данный момент, подписание соглашения произвело на международное сообщество очень существенное впечатление.

Периодом, когда Афганистан стал основной проблемой и вызовом для безопасности в Центральной Азии, следует считать ввод советских войск в Афганистан. Уже тогда Центральная Азия рассматривалась руководством КНР как сфера своих интересов. И агрессия СССР была воспринята однозначно негативно. Улучшение в отношениях началось в 1985 г., когда советское руководство во главе с М. Горбачевым пошло на ряд уступок. Нормализация отношений касалась всех аспектов советско-китайских отношений, в том числе было подписано и соглашение о проведении границы в 1989 г. Кроме этого соглашения, важным шагом стало и то, что Китай и СССР договорились про сокращение военного присутствия на приграничных участках территории, а также договорились о снятии напряжения на границах и предотвращении приграничных инцидентов. Подобный уровень доверия в двусторонних отношениях наблюдается и в функционировании ШОС. Предпосылками для создания Шанхайской Организации Сотрудничества следует считать ряд двусторонних соглашений, который Китай подписал со своими соседями. В частности, с СССР было подписано соглашение о военно-техническом сотрудничестве [Alimov 2018: 115].

Сейчас основной формат взаимодействия стран в рамках ШОС-это регулярные всеобщие саммиты. Именно на таких саммитах рассматриваются ключевые вопросы для каждой из стран-участниц.

Одно из первых подобных совещаний произошло в Москве в 1997 г. Одним из документов, которые были подписаны на этой встрече, стало соглашение про сокращение военных контингентов всех стран, расположенных вдоль приграничных участков. Третья встреча глав государств «Шанхайской пятёрки» произошла в 1998 г. в Алма-Ате. На этой встрече произошло еще один принципиальный сдвиг в отношениях между странами. Тогда представители стран стали использовать новый форм общения: каждая из стран, которая учувствовала в этом соглашении, занимала свою принципиальную позицию, и для выработки общего решения, шли сложные многоэтапные переговоры, в рамках которых страны были вынуждены находить компромиссы друг с другом. Также на этой встрече изменению подвергся и круг вопросов, которые обсуждали главы государств этого объединения. От вопросов приграничного сотрудничества, и вообще проведения границы, фокус внимания сместился на проблемы региональной безопасности, а также развитие экономических отношений в рамках этого региона. Таким образом, изначально неформальная группа стран, которая объединилась для решения приграничных споров и размежевания участков границ друг с другом, стал одной из международных групп.

После этой встречи саммиты «Шанхайской пятёрки» стали проходить довольно регулярно. Фактическое наполнение сотрудничества уже не соответствовало формату организации: его нужно было существенно расширить. Если изначально данная пятёрка стран была предназначена для того, чтобы вырабатывать совещательную позицию по региональным вопросам безопасности и развития приграничных районов, то уже в конце 2000 года резко возросла заинтересованность развивать всесторонние отношения. Речь не шла о создании Центрально-Азиатского варианта Европейского Союза, однако однозначным стало то, что объединение усилий всех стран региона может решить самые насущные проблемы их развития [Ahmed 2019: 27].

К тому времени в регионе уже прошел период первоначального развития молодых государств, и возник вопрос про полноценное, поэтапное развитие каждой из стран.

В Центральной Азии только Афганистан оставался страной, которая существенно «выпадала» из общих тенденций и не была в состоянии обеспечить себя всеми ресурсами. Страна под властью радикального исламского движения – «Талибан» – практически не развивалась. В тоже время для соседних стран актуальными стали такие проблемы, как создание общих транзитных коридоров, а также налаживание связей в энергетическом секторе. Данный регион оказался очень важным в том плане, что располагает существенной минеральной базой, тогда как Китай испытывает серьезные потребности в таких ресурсах. Стремительный экономический рост страны с самым большим населением на планете делает актуальным вопрос удовлетворения огромного потребительского спроса на самые разные товары и услуги. Именно в Центральной Азии размещаются месторождения полезных ископаемых, в которых заинтересован Китай. Таким образом, стал вопрос про сооружение достаточно мощной транспортной инфраструктуры, которая бы могла обеспечить все потребности Китая [Алимов 2018: 90].

Возведению такой инфраструктуры в значительной степени препятствует именно непрекращающийся конфликт в Афганистане. После того, как вооруженные силы США и их союзников вторглись в Афганистан, и в политической, и в экспертной среде баловало мнение о том, что именно эта страна сможет разрешить сложный конфликт, который длился столько лет. Однако, по прошествию больше десяти лет непрерывного конфликта, комплексного, исчерпывающего решения так ни не было выработано. С другой стороны, страны «Шанхайской пятерки» стали всерьез рассматривать Китай как ключевого экономического партнёра. Если ранее только страны Запада считались источником капитала, инвестиций, и возможным рынком

сбыта товаров, то теперь китайские инвесторы занимают лидирующие позиции в регионе Центральной Азии. Тоже можно сказать и про торговые балансы стран «Пятерки». Если ранее страны этого региона рассматривали Китай как мало значимого поставщика дешевых, но не качественных товаров, то по состоянию на начало 2022 г. Китай стал для них основным торговым партнёром. Именно на Китай приходится основная часть внешнеторгового оборота указанных стран. И именно Китаю, как ключевому экономическому игроку в регионе, стало наиболее невыгодно существование столь проблемной и нестабильной страны, как Афганистан. При этом развитие «Шанхайской пятерки» нельзя сравнивать с развитием политических или же экономических блоков в Европе. В отличие от европейских объединений, которые накладывают на своих участников очень большие обязательства, Шанхайская организация сотрудничества во многом остаётся рамочной структурой. То есть, при активном диалоге между ее участниками, не возникает дополнительных требований друг к другу [Гордиенко 2015: 35].

Дискуссии между странами в основном разворачиваются вокруг наиболее важных для региона проектов, и не выходят за эти рамки. К тому же от членов данной группы не требуется брать на себя обязательство по внутреннему переустройству собственных государственных институтов, что часто можно видеть в Европейских объединениях. То есть, сотрудничество в рамках ШОС – это сотрудничество суверенных государств, которое не требует от них отказываться от своего суверенитета.

Важной ролью ШОС является то, что эта организация позволила странам, которые в нее входят, уйти от стереотипов соперничества друг с другом, который существовал еще в 1990-х годах. То есть, участники ШОС, несмотря на разницу в экономическом и политическом влиянии, а также в человеческих и территориальных ресурсах, рассматривают друг друга именно как партнеры.

Война в Афганистане, проблемы с организованной преступностью, в том числе

международный наркотрафик – все это часть современной повести дня для ШОС. К тому же в последние годы большое значение придается китайскому проекту «Шелковый путь». Ввиду географического положения, страны ШОС играют большую роль в его реализации: именно благодаря транзитным путям, которые будут проложены через данный регион, можно будет говорить про экономическое значение договоренностей в рамках ШОС.

Афганистан остается слабой и раздробленной страной. Центральная власть в стране в состоянии поддерживать равновесие между всеми силами, но она малоэффективна и коррумпирована. Решение о выводе войск международной коалиции из Афганистана создал в регионе новую ситуацию. Во-первых, пока остается неясным, как будут развиваться события в этой стране. Во-вторых, государствам региона предстоит самостоятельно решать весь комплекс проблем, связанных с Афганистаном. В-третьих, последствия их действий будут иметь значение не только для стабильности и безопасности в этой стране и вокруг нее, но и для безопасности многих государств, которые находятся вне пределов этого региона. Другими словами, Афганистан еще долго будет оставаться источником нестабильности для стран Центральной Азии, и им необходимо выработать стратегию сотрудничества, единую политику по отношению к этой стране [Рахимов 2018: 47].

Все эти факторы неразрывно связаны с задачей реформирования международного сотрудничества в деле стабилизации Афганистана. В этой связи следует рассмотреть возможности обеспечения региональной безопасности, перспективы выработки общей позиции государств-членов ШОС по вопросу стабилизации ситуации в Афганистане. Конечно, это очень широкий круг вопросов, поэтому мы попытаемся рассмотреть один из них – возможности стран-членов ШОС по экономическому содействию развитию Афганистана.

Все страны Центральной Азии, Россия и Китай признают значимость невоенного решения проблем Афганистана путем

содействия экономическому развитию страны. После вывода сил МССБ, на наш взгляд, одним из ключевых игроков в стабилизации этой страны может стать Шанхайская организация сотрудничества, тем более что все страны региона связаны с ШОС либо в качестве членов, либо партнеров по диалогу или наблюдателей.

Если вспомнить процесс вовлечения ШОС в афганское урегулирование, то первоначально в условиях резкого изменения международной обстановки после 11 сентября 2001 г. данная организация не играла в этом процессе ведущей роли. 14 сентября 2001 г. главы правительств государств-участников ШОС в своем заявлении резко осудили террористические акты в США и выразили солидарность с американским народом. Объективности ради, следует отметить, что в тот момент ШОС действительно не играла значимой роли в тех переменах, которые происходили во всем Центрально-Азиатском регионе.

Впервые необходимость решения проблем, исходящих из Афганистана, была упомянута в 2002 году, когда ШОС признала полезным создание антинаркотической системы безопасности по периметру афганских границ. Политика ШОС начинает меняться в 2005 г., когда стало очевидно, что американцы останутся в Афганистане надолго, а борьба с терроризмом приняла вялотекущую форму. Кабул же еще в 2004 г. изъявил желание активно сотрудничать с государствами-членами ШОС. «Афганистан является транзитной страной и от его транзитных возможностей зависит, в том числе, и ваше будущее», – заявил Президент Афганистана Хамид Карзай, обращаясь к лидерам стран-членов Организации на саммите в Ташкенте [Шилина 2014: 55].

В 2005 г. по предложению России была создана Контактная группа ШОС – Афганистан с целью выработки предложений и рекомендаций по осуществлению сотрудничества между двумя сторонами. Афганское урегулирование с участием ШОС стало важной темой обсуждения ряда саммитов этой организации. Были приняты многочисленные декларации. Страны ШОС

провели ряд конференций, посвященных обсуждению афганской проблемы. В июне 2012 г. на саммите в Пекине было принято решение о предоставлении Афганистану статуса наблюдателя при ШОС.

В 2014 г. был поставлен вопрос о получении Афганистаном полноправного членства в Шанхайской организации сотрудничества, что, как надеются афганские обозреватели, откроет перед страной новые возможности. Кабульская газета «Хашти-Собх» выразила надежду на то, что участие в региональной организации позволит республике расширить торгово-экономическое взаимодействие со странами Центральной и Южной Азии. Такого же мнения придерживаются многие афганские эксперты: «Если наши западные партнеры нам не помешают, и Афганистан получит членство в ШОС, то, безусловно, с экономической точки зрения, это отвечает нашим интересам».

На наш взгляд, такой шаг является преждевременным, поскольку столь нестабильное государство, как Афганистан, может пошатнуть относительное равновесие в самой ШОС. Многие эксперты как постсоветских, так и западных стран считают, что для решения вопросов стабилизации Афганистана и проблем региональной безопасности прежде всего необходимо обеспечить его экономическое развитие.

Принципиальным требованием для дальнейшей интеграции Афганистана в международное сообщество, в том числе в такие организации, как ШОС, является завершение военного конфликта на его территории. Только прекращение боевых действий, и восстановление контроля центрального правительства над большей частью территории страны может быть гарантом сохранения военно-политического баланса в стране в будущем. С другой стороны, обеспечение военно-политической безопасности страны недостижимо без возможности параллельного укрепления социально-экономической сферы страны.

Нынешнее состояние Афганистана дает основания для умеренного оптимизма по поводу происходящих в стране процессов

перехода к мирной жизни и восстановления экономики и социальной сферы. Однако все правительственные и международные программы экономического возрождения Афганистана гладко выглядят лишь на бумаге. Экономически государство беспомощно и уповает лишь на иностранные инвестиции и частную инициативу [Khan 2019: 3].

По состоянию на начало 2020 года можно констатировать, что афганская экономика находится в очень проблемном положении, и у нее всего три источника поступлений. Первый источник – это сфера обслуживания воинского контингента. В конце 2019 г. в Афганистане размещалось около 120 тыс. военнослужащих иностранных государств (большинство из них в статусе наемников), и это очень весомая часть афганской экономики. Второй источник – это сфера производства и вывоза наркотических средств. Хотя сфера полностью нелегальна, фактически в нее вовлечено значительная доля населения страны. Третий источник поступлений – это прямая экономическая помощь стране. Афганское правительство все еще крайне зависимо от иностранных поступлений в любом формате.

При этом надо учитывать, что одна из главных экономических проблем Афганистана после 2014 г. состоит в восполнении выводимых из страны гражданских и военных ресурсов. Конечно, страны Запада обещают Кабулу оказывать помощь, но возникает вопрос: насколько она поможет созданию самодостаточной, устойчивой экономики? С выводом основного контингента сил ISAF сократилась и международная помощь военной отрасли Афганистана и, соответственно, сократилась экономика, сформировавшаяся вокруг их обслуживания, пропорционально снизятся и доходы афганского государства.

Одним из важнейших направлений развития афганской экономики является развитие транспортной системы страны, в первую очередь, железных дорог. Строительство железнодорожных магистралей началось в 2008 г. и уже первые

успехи в этом направлении подтверждают, что железные дороги могут стать не только основой для роста товарного производства и экспорта, но и базой для дальнейшего создания основных отраслей промышленности. Тем самым, железные дороги Афганистана могут стать ключевым пунктом экономического развития страны [Ahmed, 2019: 10].

Одним из самых успешных транспортных проектов является открытие в 2011 г. железной дороги Хайратон–Мазари-Шариф, строительство которой финансировалось Азиатским банком развития. Ширина железнодорожного пути делает его совместимым с дорогами Узбекистана и других стран Центральной Азии. Развитие торговли со странами ЦА и РФ создало возможности для экономического развития северного региона Афганистана. Афганистан обладает уникальным положением, поскольку граничит со странами, использующими три различных вида железнодорожной колеи: европейскую, советскую и индо-пакистанскую. Специалисты уверены, что в таком технологическом окружении железные дороги Афганистана должны строиться по принципу «стыка трех колеи», что предполагает развитие системы перегрузки товаров и грузов с одного типа железнодорожного маршрута на другой. Обеспечение эффективного функционирования схемы «стыка трех колеи», за которой стоят три крупнейшие в мире железнодорожные системы, по оценкам экспертов, гарантирует Афганистану большой транзитный поток грузов.

Также большое значение для стратегических, политических и экономических интересов всех стран-участников проекта имеет строительство железнодорожного коридора Туркменистан-Афганистан-Таджикистан (ТАТ). Магистраль свяжет две страны Центральной Азии с Афганистаном и может быть продлена далее в направлении Ирана на западе и к Кыргызстану и Китаю – на востоке [Гордиенко 2015: 33].

Можно предвидеть, что афганские железные дороги будут в состоянии обеспечить простой и прямой доступ стран

Южной Азии на центрально-азиатский, российский и европейский рынки. Реализация подобных проектов способствует развитию экономики, а также заинтересованности всех стран-участниц в установлении и сохранении безопасности на афганско-пакистанской территории. Это хорошая возможность, чтобы поднять уровень экономического сотрудничества между странами ШОС и сформировать механизм многостороннего сотрудничества между ними.

В тоже время можно сделать предположения о том, что и страны ШОС, и другие страны Центральной Азии рассматривают территорию Афганистана как пространство для развития транспортной инфраструктуры. Помимо того, что развитие инфраструктуры само по себе является важным рычагом экономического сотрудничества, именно инфраструктурные проекты способны оказать наибольшее положительное влияние на афганскую экономику в целом. На протяжении десятилетий транспортная инфраструктура страны в принципе не развивалась, и это крайне пагубно сказалось на общем состоянии процессов интеграции между афганскими провинциями. Специализированная региональная конференция по проблемам Афганистана (RECCA-V) также задекларировала в качестве основной цели восстановления экономики Афганистана также развитие в первую очередь проектов.

Крайняя бедность самого населения Афганистана, а также практически полное отсутствие промышленного производства делают создают дополнительную сложность для развития современной инфраструктуры: местному афганскому населению она попросту не нужна на данном этапе. Также проблематично рассчитывать на активное содействие со стороны местных властей по сооружению объектов такой инфраструктуры. Страны ШОС в случае реализации совместных проектов подобного рода на территории Афганистана столкнутся с тем, что им нужно будет брать на себя практически все издержки по их реализации, а также по эксплуатации на начальном этапе.

Географическое положение Афганистана таково, что страна располагает максимально благоприятными условиями для наращивания своего транзитного потенциала. Кроме этого, физико-географические условия страны также способствуют развитию гидроэнергетики. Основным препятствием на пути реализации всего этого потенциала является отсутствие внутренней стабильности, а также наличие регионов в самом Афганистане, в которых физическая безопасность человека в принципе не гарантирована никем.

Еще один аспект сотрудничества стран ШОС с Афганистаном заключается в дефиците электроэнергии в этой стране. После того, как в начале 2000-х гг. движение Талибан было серьезно потеснено, и на большей части территории Афганистана установилась власть международно признанного правительства, Туркменистан, Узбекистан и Таджикистан начали поставки электроэнергии в Афганистан (приграничные провинции этой страны). Однако, нынешних иностранных поставок явно недостаточно для того, чтобы вывести страну из энергетического кризиса. Мало того, что в самом Афганистане наблюдается дефицит энергетического сырья и генерирующих мощностей, также сами сети для транспортировки электроэнергии находятся в крайне неудовлетворительном состоянии [Рахимов 2018: 50].

Еще одним потенциально важным направлением развития экономики Афганистана в содействии со странами ШОС является создание инфраструктуры для переправки энергетических ресурсов из стран Центральной Азии в Афганистан, и далее – в Индию и Пакистан (страны, которые испытывают острый дефицит энергетических ресурсов). При этом и Пакистан, и Индия активно развивают свой промышленный комплекс, и им крайне необходимы дополнительные источники энергии.

Одним из потенциально важных проектов, который может положительно сказаться на экономике Афганистана, а также быть крайне выгодным для всех стран-участниц ШОС, является ТАПИ – проект

строительства газопровода Туркменистан-Афганистан-Пакистан-Индия. Данный газопровод предусматривает транспортировку туркменского газа с месторождения Довлетабад в южном направлении. Этот газ может быть востребован как в Индии и Пакистане, так и в других странах Южной Азии. В целом же, региональное положение Афганистана таково, что его территория является крайне выгодной для размещения на ней транзитных энергетических мощностей.

Еще одним значимым проектом по развитию транзитной инфраструктуры Афганистана является CASA-1000. Данный проект предназначен для того, чтобы поддерживать транспортировку электроэнергии из Киргизии и Таджикистана в Афганистан и Пакистан. Суть данного проекта в том, что и в Киргизии, и в Таджикистане есть потенциальные избыточные мощности генерации. Используя эти мощности, можно наладить снабжение Афганистана необходимым объемом электроэнергии, и, таким образом, способствовать экономическому развитию этой страны.

В тоже время следует сказать и про то, что все сколько-нибудь значимые экономические проекты на территории Афганистана по состоянию на 2020 г. находятся на начальном этапе, и конкретные сроки их реализации не ясны. Основная причина задержек таких проектов – это проблемы с обеспечением безопасности. Уровень сотрудничества между странами ШОС и Афганистаном на уровне декларирования очень высок. Однако на практике реализация достигнутых договоренностей тормозится именно из-за того, что правительство Афганистана не контролирует ситуацию в полной мере. Вопреки тому, что страны ШОС предложили ряд многообещающих проектов, в самом регионе (среди стран, которые не входят в ШОС) по отношению к таким проектам наблюдается серьезный скептицизм. Это можно объяснить рядом причин. Во-первых, кроме ШОС, в регионе также представлены интересы и других стран, поэтому зачастую речь идет именно про столкновение

принципиальных интересов наиболее сильных государств региона. Во-вторых, в том, что касается именно Афганистана, нужно отметить, что в стране на протяжении последних тридцати лет практически не реализовывались сколько-нибудь значимые проекты. Даже реконструкция действующей дорожной сети в стране является серьезной проблемой. Относительно значимые стройки ведутся только в столице страны – Кабуле. Основная же часть провинций находится в очень непростом положении [Алимов 2018: 94].

Обеспечение финансирования проектов ШОС в Афганистане, а также обеспечение действенной системы контроля над выделенными финансами являются второй серьезной проблемой, которая сдерживает реализацию уже запланированных и согласованных проектов. Спецификой сотрудничества между странами ШОС является то, что на согласованные проекты со стороны доноров средства поступают относительно стабильно. Но в случае с Афганистаном остро возникает вопрос про обеспечение фактического контроля и надзора над выполняемыми работами уже на территории, подконтрольно афганскому правительству. Несмотря на многолетние усилия официальной власти в Афганистане, а также на то, что в стране на протяжении почти двадцати лет находится воинский контингент иностранных государств, обеспечить приемлемые для иностранных компаний условия работы афганское правительство все еще не в состоянии.

Стабилизация политической сферы Афганистана, а также урегулирование вопроса военного присутствия иностранных войск, контроля за территорией страны, - все эти вопросы лежат вне компетенции ШОС. Шанхайская организация не является военным блоком и декларирует свою нейтральную позицию в военных вопросах. Фактический военный контроль над афганским правительством осуществляют США и их союзники. Поэтому именно от их воли зависит то, будет ли в обозримом будущем установлен фактический контроль афганского правительства над своей же территорией.

Недоверие между самими странами Центральной Азии также является существенным фактором, который влияет на результативности ШОС. Между некоторыми государствами региона исторически сложились очень сложные отношения. Это касается также и тех стран, которые были республиками в составе СССР. Данное положение дел можно объяснить спецификой истории этнических отношений в регионе, а также формированием самих Центрально-Азиатских государств. До сих пор в регионе во многих странах проживают многочисленные национальные меньшинства. Это создает определенные сепаратистские тенденции и снижает доверие между странами.

Таким образом, у стран ШОС на данный момент весьма ограниченные возможности по активному участию в решении проблем Афганистана как такового, а также многочисленных нерешенных конфликтов между Афганистаном и соседними с ним странами.

Среди Центрально-Азиатских стран с Афганистаном общая граница есть у Таджикистана и Узбекистана. При этом в культурном, этническом отношении самые близкие связи прослеживаются между Афганистаном и Таджикистаном: сказывается этническая идентичность [Барский 2013: 30].

При этом все страны региона, в том числе и те, которые входят в ШОС, заняли весьма конструктивную позицию. Ввиду специфического положения дел в самом Афганистане, а также неясной внутривнутриполитической ситуации, страны региона сделали акцент на развитии в первую очередь экономических отношений с афганским правительством.

Такая ситуация нашла свое отражение в официальной позиции Афганистана. В соответствии с ней экономическая поддержка страны рассматривается в первую очередь как способ противостояния различным отрицательным последствиям. В том числе экономическая поддержка рассматривается афганскими властями как эффективный инструмент противодействия негативным политическим и социальным эффектам внутри страны [Морозов 2014: 41].

Так, отношения между Таджикистаном и Афганистаном развиваются преимущественно в четырех основных направлениях: стимулирование приграничной торговли, развитие проектов в гидроэнергетике, а также реализация совместной борьбы с террористическими организациями и преступностью в регионе. Наиболее успешным является сотрудничество двух стран в области энергетики. Таджикистан с 2008 г. по настоящее время экспортирует в Афганистан электроэнергию и планирует многократно увеличить объем ее поставок.

Позиция Таджикистана заключается в том, что наиболее эффективными методами борьбы с совместными угрозами для обеих стран следует считать экономическое сотрудничество, а также развитие гуманитарных связей и приграничного сотрудничества.

Несмотря на намерения, Афганистан все еще занимает очень малую долю во внешнеторговом обороте своих соседей. Так, абсолютные показатели торговли между Афганистаном и Таджикистаном в 2018 г. были на уровне 310 млн. долл. в год, что очень мало для таких больших стран. При этом значительную часть этого оборота составили поставки электроэнергии из Таджикистана в Афганистан.

Таджикистан в отличие от большинства соседей Афганистана по региону не признал новую власть в Кабуле. Президент Республики Таджикистан Эмомали Рахмон заявлял, что, несмотря на обещания создать инклюзивное правительство, талибы на самом деле строят исламский эмират. «Безразличие международного сообщества к ситуации в Афганистане может привести к затяжной гражданской войне», предупреждал он¹.

В стране опасаются наплыва беженцев из Афганистана. В начале лета стране уже пришлось принять у себя несколько тысяч

афганских военнослужащих и около тысячи мирных жителей. Беспокоит Душанбе и возможное увеличение потока наркотиков. В середине июля 2021 г. погранслужба Таджикистана обнаружила 3,5 кг героина у афганских беженцев.

Для многих стран Центральной Азии вопрос транспортного сообщения стоит очень остро: они отрезаны от мирового океана, и полноценное грузовое сообщение этих стран с окружающим миром затруднено. Для таких стран, как Узбекистан и Таджикистан такая транспортная изоляция в самом центре региона является серьезной проблемой. Именно путем сооружения транзитных путей через Афганистан такую проблему изоляции можно решить комплексно. Одним из практических результатов как двустороннего сотрудничества, так и сотрудничества на платформе ШОС является то, что между Таджикистаном и Афганистаном все же развивается транспортная сеть. Так, в течение 2010-2020 гг. между двумя странами было введено в строй пять мостов, и еще три находятся на этапе возведения. Для Таджикистана наиболее короткие пути сообщения с другими странами региона проходят именно через Афганистан.

Позиции Узбекистана в отношении сотрудничества с Афганистаном являются наиболее выгодными в сравнении с другими странами региона². Так, именно Узбекистан обладает наиболее оборудованной и освоенной общей границей с Афганистаном. Именно через эту границу удобнее всего выстраивать торговые и прочие отношения с Афганистаном.

Если анализировать позицию официальных узбекских властей, то можно прийти к нескольким выводам. Во-первых, официальные узбекские власти утверждают, что военное решение афганской проблемы в принципе невозможно. Установление мира в этой стране допускается только путем

¹ Осеннее обострение: Таджикистан и Афганистан стоят на пороге военного конфликта // URL: <https://iz.ru/1228684/kseniia-loginova/osennee-obostrenie-tadzhikistan-i-afganistan-stoiat-na-poroge-voennogo-konflikta> (дата обращения 15.05.2022).

² Все к одному: страны ШОС и ОДКБ согласуют позицию по Афганистану // URL: <https://iz.ru/1219085/elmar-bainazarov/vse-k-odnomu-strany-shos-i-odkb-soglasuiut-pozitcii-po-afganistanu> (дата обращения 19.05.2022).

поиска приемлемого компромисса между всеми вовлеченными в конфликт сторонами (в самом Афганистане). Во-вторых, узбекские власти констатируют, что комплексное решение афганской проблемы потребует активного вовлечения мирового сообщества. В-третьих, фактом является и то, что текущее положение дел в Афганистане крайне отрицательно сказывается на всем регионе. Фактически перманентный внутренний военный конфликт в стране влечет за собой серьезные гуманитарные риски, а также провоцирует распространение радикальной исламской идеологии и рост активности террористических организаций [Чеклина 2015: 105].

В виду своего географического положения Узбекистан является одним из основных торговых партнеров Афганистана, - наряду с такими странами, как Пакистан и Объединенные Арабские Эмираты. На территорию Афганистана из Узбекистана в основном поставляются строительные материалы, а также топливо, продовольствие и минеральные удобрения. Узбекистан является одной из немногих стран, которые самым активным образом учувствуют в экономической реконструкции Афганистана. Именно узбекская сторона организует возведение и эксплуатацию железных дорог, мостов и социальных объектов в граничащих с ним районах Афганистана. Также узбекские власти наладили поставки на соседние афганские территории электроэнергии. Кабул, а также прилегающие к нему районы страны обеспечиваются электричеством именно благодаря поставкам из Узбекистана.

Для Узбекистана именно Афганистан был бы наиболее желательным соседом из-за того, что именно через территорию Афганистана ведет самый короткий маршрут, который бы мог соединить Центральную Азию с прибрежными районами Индийского океана. Ввиду специфики рельефа в регионе, территория Афганистана важна для узбекских интересов еще и потому, что именно через афганскую территорию проходят самые короткие и удобные сухопутные маршруты в Центральной Азии [Шилина 2014: 44].

Узбекское влияние ощущается во всех сферах афганской жизни в тех районах страны, которые непосредственно прилегают к афганской границе. Одним из дополнительных факторов такого влияния является то, что именно узбекская диаспора, которая компактно проживает в северных районах страны, является одной из наиболее многочисленных. Узбекские специалисты прикипают самое разнообразное участие в экономической жизни в Афганистане. Они присутствуют в таких сферах, как энергетика, горнодобывающая промышленность, а также образование.

Всеми аналитиками и специалистами отмечается тот факт, что уровень отношений между двумя странами не отвечает потенциалу их экономик и территорий. Однако, по мере того как внутривосточная ситуация в Афганистане постепенно стабилизируется (по крайней мере, в некоторых районах страны), все более отчетливо проявляется еще один фактор нестабильности – это соперничество между странами региона. То есть, нынешнее положение Афганистана, его крайняя экономическая слабость пока еще не обострила ключевые несоответствия между государствами региона. Но практика показывает, что такие противоречия очень острые и их все равно придется регулировать. В противном случае неразрешенные противоречия могут стать источником еще одного конфликта.

Важным препятствием для восстановления экономики и социальной сферы Афганистана, а также стабилизации его внутренней ситуации является то, что значительная часть населения страны вовлечена в индустрию выращивания опиумного мака, его первичной обработки и транспортировки. Целые регионы страны специализируются на этом виде деятельности. В результате во множестве случаев в регионах попросту не остается вакантных плодородных земель для того, чтобы развивать другую активность.

Казахстан не граничит с Афганистаном непосредственно, но, тем не менее, уделяет очень много внимания афганскому направлению своей политики. В Казахстане существует ясное понимание

важности Афганистана для сохранения региональной безопасности в Центральной Азии, и Нур-Султан (Астана) занимает активную позицию по вопросу стабилизации этой страны. Казахские власти неоднократно подчеркивали то, что Казахстан в полной мере разделяет ответственность за состояние дел в Афганистане, и рассматривает эту страну в качестве одного из ключевых игроков в регионе. Именно уровень безопасности в Афганистане наиболее существенно влияет на уровень безопасности в регионе. Казахстан поддерживает все мирные инициативы и процессы по урегулированию ситуации в Афганистане и неоднократно подтверждал обязательство поддерживать глобальное партнерство в помощи Афганистану.

В течение периода 2015-2021 гг. приоритет казахской политики по отношению к Афганистану заключался в оказании гуманитарной помощи, а также инициации различных проектов, которые должны стимулировать экономическое сотрудничество между странами. В частности, Казахстан ежегодно оказывает Афганистану безвозмездную экономическую и технологическую помощь. Такой план помощи действует уже с 2007 г. Помощь предусматривает дотации для строительства дорог, школ и других социальных объектов. Также Казахстан за свой счет готовит специалистов мирных профессий. На такую помощь выделяются ежегодные дотации на 50 млн. долл. Также Казахстан ежегодно оказывает прямую финансовую помощь Афганистану на безвозмездной основе – в пределах 10-15 млн. долл. Также в порядке оказания гуманитарной помощи казахские власти ежегодно отправляют в Афганистан порядка 10-20 тыс. тонн продовольствия.

Важность афганского направления для казахской политики выражается в том, что специально для этого направления была создана комиссия по торговле и экономическому сотрудничеству между странами. Так, в 2019 г. объем торговли между странами превысил 605 млн. долл., и продолжал демонстрировать положительную динамику. Однако,

учитывая масштабы стран, а также объемы торговли Казахстана с другими партнерами, этот показатель явно не отвечает всему потенциалу отношений.

Казахстан также поддерживает региональные и международные проекты в сфере энергетики и развития транспортной инфраструктуры. Руководством страны рассматривается возможность участия в развитии железнодорожной сети Афганистана. Также казахское правительство активно предлагает свои посреднические и дипломатические услуги для решения афганских проблем. К числу таких предложений нужно отнести инициативу Казахстана использовать Астану как площадку для переговоров между всеми сторонами конфликта в Афганистане. В 2017 г., учитывая меняющуюся ситуацию в Афганистане, внешнеполитическое ведомство и официальные лица РК решили скоординировать свою политику в отношении этой страны и подвергли серьезному анализу предыдущий опыт. Наряду с вопросами безопасности, речь идет об увеличении финансирования программ экономического сотрудничества, об участии Казахстана в реализации индустриальных проектов на территории Афганистана [Алимов 2018: 89].

Киргизия также является стороной, которая заинтересована во всестороннем восстановлении стабильности в Афганистане, а также возобновлении всех аспектов двустороннего сотрудничества. По состоянию на 2019 г. между странами подписаны соглашения про транзит. А также другие аспекты двустороннего сотрудничества. К недостаткам двусторонних отношений нужно отнести то, что в экспортно-импортных операциях с обеих сторон нет стабильной товарной структуры. Также абсолютные показатели этих поставок очень сильно меняются от года к году. В основном товарооборот между странами обеспечивается поставками в Афганистан сахара, одежды, а также машин, различного оборудования и продовольственных товаров.

В Афганистане работают совместные афганско-киргизские предприятия.

Конечно, результаты их работы скромны в сравнении с работой совместных предприятий с другими государствами Центральной Азии. Но важен сам факт сотрудничества, тем более что оно имеет резервы роста. Одним из факторов такого сотрудничества является то, что в Афганистане проживает значительная киргизская диаспора. Связь между киргизами не прерывается даже через государственную границу. Поэтому можно согласиться с мнением киргизских исследователей, что приоритет в сотрудничестве с Кабулом надо искать в другом, а именно, в направлении квалифицированных кадров.

Именно кадровая политика и кадровые аспекты взаимодействия окажут более благоприятный эффект и на ситуацию в Афганистане, и на ситуацию в самой Киргизии. Наиболее перспективными направлениями в этом отношении является сооружение гидроэлектростанций в Афганистане, а также развитие систем мелиорации и орошения.

Российская позиция и касательно самой ШОС, и касательно сотрудничества стран ШОС вокруг афганских проблем предельно ясна. Российское руководство многократно заявляло, что Шанхайская Организация Сотрудничества является универсальной площадкой для кооперации вокруг афганской проблемы. Кроме этого, российское руководство также предпочитает рассматривать конкретные проекты сотрудничества между странами, и готово брать на себя ответственность за реализацию таких проектов [Алимов 2018: 90].

В числе проектов, которые для российского руководства являются приоритетными – как с точки зрения собственных интересов, так и с точки зрения стабилизации ситуации в самом Афганистане, - следует указать сооружение транзитного газопровода, сети распределительных газопроводов, а также восстановления линий электропередачи в стране. Самыми большими перспективами, по мнению российского руководства, обладают инфраструктурные проекты, которые должны вернуть Афганистану позиции транзитной страны. По состоянию

на начало 2020 г. целостная система транспортного сообщения в Афганистане отсутствует: дорожное покрытие восстановлено только в Кабуле и его пригородах, а также в некоторых приграничных регионах. Железнодорожное сообщение также развито преимущественно в приграничных районах. То есть, большая часть провинций Афганистана не имеет стабильного сообщения с мировой экономикой. Внутренние провинции страны изолированы от внешнего рынка, и их связь с другими территориями эпизодична.

Наибольшим препятствием для развития российско-афганских отношений является то, что афганское правительство слабо реагирует на те инициативы, которые озвучивает российская сторона. Видимо, суть проблемы в том, что афганское правительство связано негласными договоренностями с третьими сторонами, и проигнорировать такие договоренности оно не в силах. При этом, как и в отношениях с другими странами, для российско-афганских отношений важным аспектом остается обеспечение физической безопасности тех работников, которые будут реализовывать эти проекты на местах.

Очевидно, что для российского руководства было бы актуальным разработать новую программу сотрудничества с афганским правительством. При этом для того, чтобы обойти возможные конфликты с третьими странами, наиболее целесообразным бы было разработать такую программу с учетом возможностей многостороннего сотрудничества: вовлечение одновременно нескольких сторон (стран) в один проект позволяет минимизировать риски, а также избежать непреднамеренного становления интересов.

Несмотря на то, что Китай имеет с Афганистаном общий участок границы, на протяжении длительного времени эта страна оставалась на периферии китайских интересов. Однако, ситуация начала меняться с конца 2000-х годов. На это повлияло, с одной стороны, то, что начиная с этого времени американская политика в этом отношении, которая долгое время была определяющим фактором, начала терпеть

неудачу. С другой стороны, сказалось общее расширение сферы влияния китайских интересов в регионе. Так, в 2008 г. Китай осуществил беспрецедентные для Афганистана инвестиции в его экономику, в течение года вложив 3,5 млрд. долл. в различные инвестиционные проекты [Ширина 2014: 45].

Кроме экономического интереса, у Китая в Центральной Азии вообще и в Афганистане в частности также присутствуют интересы, связанные с региональной стабилизацией. Так, в западных провинциях Китая, которые соседствуют, в том числе, и с афганской территорией, все еще остро стоит вопрос сепаратизма и религиозного экстремизма. Беспоконья в провинции Синьцзян, которые вспыхивают с устойчивой регулярностью, являются важным фактором, который подталкивает китайское правительство к решительным действиям. В том числе и по отношению к очагам такого типа терроризма на территории Афганистана. Факт того, что исламский фундаментализм, также как и исламский терроризм являются обще региональной проблемой, стимулирует китайского руководство более активно вмешиваться в процесс урегулирования ситуации в Афганистане.

В течение периода 2014-2022 гг. для всех стран-участниц ШОС присуща конкретизация позиции касательно афганской проблемы и урегулирования в этой стране, - как военного, так политического и экономического. На протяжении длительного времени одним из «камней преткновения» в афганской проблеме оставался вопрос поиска взаимно приемлемого решения для урегулирования ситуации в регионе в целом. В течение многих лет, пока развевался конфликт в Афганистане, у всех стран, чьи интересы представлены в регионе, возникло собственное видение решения данной ситуации, и собственная концепция реализации такого решения. То есть, для урегулирования ситуации в этой стране важно найти ту формулу, которая бы стала

приемлемой для всех стран, представленных в Центральной Азии.

Заключение. Таким образом. Опираясь на приведенные выше сведения, можно сделать ряд обобщений касательно специфики урегулирования ситуации в Афганистане, а также того, каким образом может в данном случае проявить себя Шанхайская Организация Сотрудничества и ее инициативы:

1) очевидно, что путь ШОС - последовательная реализация конкретных проектов, в первую очередь транспортных, - способна комплексно и положительно повлиять на ситуацию в Афганистане. Как с политической, так и с экономической точки зрения;

2) для более успешной экономической политики по отношению к Афганистану необходимо более четко разграничить ответственность между всеми странами ШОС, а также более тщательно отслеживать интересы между ними. Опыт урегулирования ситуации в Афганистане показал, что только всесторонний учет интересов всех вовлеченных сторон может обеспечить продвижение вперед;

3) для того, чтобы стабилизация в Афганистане продолжалась, необходимо вовлечение в этот процесс всех сторон, которые имеют влияние на страну. При этом для тех стран чье влияние – определяющее, разумно проработать отдельный алгоритм участия в развитии страны. В первую очередь речь идет про Таджикистан и Узбекистан;

4) роль ШОС как главной платформы урегулирования ситуации в Афганистане также заключается в том, чтобы использовать собственный авторитет для укрепления позиций посредников в переговорах. Опыт диалога внутри Афганистана, в том числе между враждующими сторонами показывает, что очень важно добиться доверия между сторонами. К сожалению, за все время конфликта доверие между его участниками пострадало в самой большей степени.

Одним из шагов, который бы способствовал всестороннему улучшению ситуации в Афганистане, а также облегчил

бы миссию самой ШОС, мог бы стать повышенный статус афганской стороны. Имеет смысл предоставить Афганистану большие полномочия в рамках ШОС. При том, что сам Афганистан изъявил желание быть страной-участником ШОС, фактическое положение дел в Афганистане еще не соответствует тем требованиям, которые формально и неформально предъявляются к членам самой ШОС.

При том, что среди стран ШОС в целом установлен консенсус касательно ситуации в Афганистане и того, в каком направлении нужно двигаться для ее разрешения, в целом разногласия на международной арене касательно афганского вопроса очень существенные. При этом основная линия раскола намечается в отношении условного «коллективного Запада» и стран ШОС и тех, кому их позиция в данном вопросе близка. Однако, предыдущий опыт урегулирования афганской проблемы указывает на то, что в приоритете должен быть именно позитивный подход.

Современная ситуация в Афганистане является очень неоднозначной, и в ближайшее время она может усложниться. Вывод западного военного контингента из Афганистана и вообще ослабление

западного влияния в этой стране может привести к тому, что странам ШОС придется более оперативно реагировать на изменение ситуации.

Для самой афганской официальной власти актуальным остается вопрос получения оперативной помощи уже сейчас: речь идет как о финансовой помощи, так и о поддержке на мировой арене. За прошедшие годы сформировалась глубокая зависимость Афганистана от внешнего финансирования и от внешнего влияния в целом. При этом у самих афганских властей есть значительный опыт антикризисного управления, а также наработанная сеть неформальных контактов и управления в стране.

Для стран-участниц ШОС актуальным остается выработка единой позиции по решению афганской проблемы, а также поиск приемлемого формата ее реализации, который бы позволил учитывать интересы всех вовлеченных сторон. При этом важно ценить и то, что именно конструктивная позиция стран, которую можно было наблюдать в течение прошедшего десятилетия, положительно сказалась как на репутации каждой из стран-участниц ШОС, так и всей организации в целом

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Ahmed, Z. S., Ahmed, S., & Bhatnagar, S.* (2019). Conflict or Cooperation? India and Pakistan in Shanghai Cooperation Organization. *Pacific Focus*, 34(1), 5-30.
- Alimov, R.* (2018). The Shanghai Cooperation Organization: Its role and place in the development of Eurasia. *Journal of Eurasian studies*, 9(2), 114-124.
- Алимов Р.К.* Шанхайская организация сотрудничества и Большая Евразия // Вестник международных организаций: образование, наука, новая экономика. 2018. №13. С. 87–95.
- Барский К.М.* Шанхайская организация сотрудничества накануне саммита в Бишкеке: основные задачи момента // *Международная жизнь*. 2013. №5. С. 17–36.
- Гордиенко Д.В.* Шанхайская организация сотрудничества как площадка для диалога по вопросам региональной безопасности // *Национальные интересы: приоритеты и безопасность*. 2015. №37. С. 32–39.
- Khan, J., & Sultana, R.* (2019). Shanghai Cooperation Organization and Afghanistan: An Overview. *FWU Journal of Social Sciences*, 13(2), 1-13.
- Морозов Ю.В., Сафронова Е.И.* Значение гуманитарного сотрудничества России и Китая с центрально-азиатскими партнерами в рамках Шанхайской организации сотрудничества // *Национальные интересы: приоритеты и безопасность*. 2014. С. 34–42.
- Рахимов К.Х.* Шанхайская организация сотрудничества (ШОС) как международная межправительственная организация // *Евразийский юридический журнал*. 2018. №2. С. 46–51.
- Рахимов К.Х., Курьелев К.П.* Роль ШОС в обеспечении безопасности Центральной Азии / - [научная монография.]: Издательские решения, Москва. 2018. - 202 с.
- Рахимов К.Х., Курьелев К.П., Химич Г.А.* Взаимодействие Шанхайской организации сотрудничества с международными и региональными организациями по поддержанию

международного мира и коллективной безопасности // Вопросы национальных и федеративных отношений. Выпуск 9(66). 2020. Том 10. С.2322-2338.

Рахимов К.Х. История создания основных этапов становления и развития ШОС // Альманах Казачество, издательство Некоммерческое партнерство Альманах "Казачество" (Москва), №51, 2021 г. С.52-70.

Чеклина Т.Н. Перспективы сотрудничества стран Шанхайской организации сотрудничества в рамках проекта «Экономический пояс на Великом шелковом пути» // Российский внешнеэкономический вестник. 2015. №2. С. 103–110.

Шилина М.Г. Шанхайская организация сотрудничества как формат политического и экономического взаимодействия государств: реалии и перспективы // Бизнес. Общество. Власть. 2014. №21. С. 41–61.

Шпаковская М.А., Дегтерев Д.А. Ситуация в Афганистане и формирование региональной системы безопасности в Центральной Азии: материалы IX Международной научной конференции. Москва, 18 ноября 2016 г. / под ред. Д.А. Дегтерева, М.А. Шпаковской. – М.: РУДН, 2017. – 164 с.

ШОС в системе безопасности в Евразии: проблемы многостороннего взаимодействия / Рос. акад. наук, Ин-т Дальнего Востока; ред.-сост. Л.Е. Васильев. — М.: ИДВ РАН, 2020. — 240 с.

Юртаев В.И., Rogov A.C. ШОС и БРИКС: особенности участия в процессе евразийской интеграции // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Международные отношения. 2017. Т. 17. № 3. С. 469—482.

REFERENCES

Ahmed, Z. S., Ahmed, S. and Bhatnagar, S. (2019). Conflict or cooperation? India and Pakistan in the Shanghai Cooperation Organization. *Pacific Focus*, 34(1), 5-30.

Alimov R. (2018). Shanghai Cooperation Organization: its role and place in the development of Eurasia. *Journal of Eurasian Studies*, 9 (2), 114-124.

Alimov R.K. Shanghai Cooperation Organization and Greater Eurasia // *Bulletin of International Organizations: Education, Science, New Economy*. 2018. No.13. pp. 87-95.

Barsky K.M. Shanghai Cooperation Organization on the eve of the Bishkek Summit: the main tasks of the moment // *International life*. 2013. No.5. pp. 17-36.

Gordienko D.V. Shanghai Cooperation Organization as a platform for dialogue on regional security issues // *National interests: priorities and security*. 2015. No.37. pp. 32-39.

Khan, J., and Sultana, R. (2019). Shanghai Cooperation Organization and Afghanistan: An overview. *Journal of Social Sciences FWU*, 13 (2), 1-13.

Morozov Yu.V., Safronova E.I. The importance of humanitarian cooperation between Russia and China with Central Asian partners within the framework of the Shanghai Cooperation Organization // *National interests: priorities and security*. 2014. pp. 34-42.

Rakhimov K.H. Shanghai Cooperation Organization (SCO) as an international intergovernmental organization // *Eurasian Law Journal*. 2018. No.2. pp. 46-51.

Rakhimov K.Kh., Kurylev K.P. The role of the SCO in ensuring the security of Central Asia /. - [scientific monograph.]: Publishing Solutions, Moscow. 2018. - 202 p.

Rakhimov K.Kh., Kurylev K.P., Khimich G.A. Interaction of the Shanghai Cooperation Organization with international and regional organizations for the maintenance of international peace and collective security // *Issues of national and federal relations*. Issue 9(66). 2020. Volume 10. pp.2322-2338.

Rakhimov K.H. The history of the creation of the main stages of the formation and development of the SCO // *Almanac Cossacks, publishing house Non-profit partnership Almanac "Cossacks"* (Moscow), No. 51, 2021, pp.52-70.

Chekлина T.N. Prospects for cooperation between the countries of the Shanghai Cooperation Organization within the framework of the project "Economic Belt on the Great Silk Road" // *Russian Foreign Economic Bulletin*. 2015. No.2. pp. 103-110.

Shilina M.G. Shanghai Cooperation Organization as a format of political and economic interaction of states: realities and prospects // *Business. Society. Power.* 2014. No.21. pp. 41-61.

Shpakovskaya M.A., Degterev D.A. The situation in Afghanistan and the formation of a regional security system in Central Asia: Proceedings of the IX International Scientific Conference. Moscow, November 18, 2016 / edited by D. A. Degterev, M. A. Shpakovskaya. – M.: RUDN, 2017. – 164 p.

SCO in the security system in Eurasia: problems of multilateral interaction / Russian Academy of Sciences, Institute of the Far East; ed.-comp. *L.E. Vasiliev.* - M.: IDV RAS, 2020. — 240 p.

Yurtaev V.I., Rogov A.S. SCO and BRICS: features of participation in the process of Eurasian integration // *Bulletin of the Peoples' Friendship University of Russia. Series: International Relations.* 2017. Vol. 17. No. 3. pp. 469-482.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ / INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Рахимов Комрон Хакимджонович, кандидат исторических наук, ассистент-аспирант кафедры теории и истории международных отношений Российского университета дружбы народов, специалист Центра исследований постсоветских стран (ЦИПС), Москва, Россия. E-mail: rahimov_k93@mail.ru

Komron Kh. Rakhimov, Candidate of Historical Sciences, Post-graduate Assistant of the Department of Theory and History of International Relations Peoples' Friendship University of Russia, specialist Center for Research of Post-Soviet Countries (CIS), Moscow, Russia. E-mail: rahimov_k93@mail.ru

Современный исламизм в Казахстане: характеристика, особенности и формы проявления

Б. Д. Искандарзода

*Российский университет дружбы народов, Москва, Россия
iskandarzoda@outlook.com*

Аннотация. После роспуска Советского Союза центральноазиатские государства сталкиваются с духовным-идеологическим кризисом, выразившимся в идеологическом вакууме и отсутствием у новообразованных государств сформированной национальной идентичности и самосознания. Местничество, межэтнические и межплеменные противоречия до сих пор остаются, хоть и в меньшей степени, основным дестабилизирующим фактором в структуре обществ центральноазиатских государств. Ввиду их занятости более важными вопросами строительства государства и решения сложившегося в результате роспуска СССР политического и экономического кризиса, культурно- и духовно-идеологические вопросы отошли на второй план. Власти Центральной Азии не сразу обратили внимание на необходимость скорейшего заполнения, возникшего в еще робком и не до конца сформированном национальном самосознании идеологического вакуума. Уже после обретения независимости страны Центральной Азии охватила страшная волна исламизма, задолго до этого привезенная извне. Нет сомнений, что отдельные страны, как в регионе, так и за его пределами сыграли в этом значительную роль.

Ключевые слова: исламизм, современный исламизм, Казахстан, религиозный терроризм, религиозный экстремизм, радикализация.

Для цитирования: Искандарзода Б. Д. Современный исламизм в Казахстане: характеристика, особенности и формы проявления. Постсоветские исследования. 2022;4(5):386-393.

Contemporary Islamism in Kazakhstan: Characteristics, Specifics, and Forms of Manifestation

Bekhruz D. Iskandarzoda

*Peoples' Friendship University of Russia, Moscow, Russia
iskandarzoda@outlook.com*

Abstract. After the collapse of the Soviet Union, the Central Asian states faced a spiritual and ideological crisis, reflected in an ideological vacuum and the lack of a formed national identity and self-consciousness of the newly formed states. Localism, inter-ethnic and inter-tribal contradictions are still, though to a lesser extent, the main destabilizing factor in the structure of the societies of Central Asian states. As the new actors of international relations are busy with more important issues of state-building and solving the political and economic crisis that developed as a result of the dissolution of the USSR, the cultural and spiritual-ideological issues have been relegated to the back burner. The Central Asian authorities did not immediately pay attention to the need to quickly fill the ideological vacuum that had arisen in the still timid and not fully formed national consciousness. Already after independence, the countries of Central Asia were gripped by a terrible wave of Islamism, which had long before been brought in from outside. There is no doubt that individual countries, both in the region and beyond, played a significant role in this.

Keywords: Islamism, modern Islamism, Kazakhstan, religious terrorism, religious extremism, radicalization.

For citation: Bekhruz D. Iskandarzoda. Contemporary Islamism in Kazakhstan: Characteristics, Specifics, and Forms of Manifestation. *Post-Soviet studies*. 2022;4(5): Postsovetskie issledovaniya = Post-Soviet Studies. 2022;4(5):386-393 (In Russ.).

Современный исламизм в контексте Центральной Азии следует тесно рассматривать в связке с терроризмом и экстремизмом в той связи, что большинство исламистских организаций за исключением некоторых случаев находятся в этих государствах вне закона, т.е. объявлены экстремистскими или террористическими организациями. Отсюда и далее, а именно в контексте Центральной Азии, исламизм будет рассматриваться как одна из форм проявления религиозного экстремизма и терроризма. Одной из других форм проявлений исламизма в контексте Центральной Азии выступает участие выходцев из региона в войнах на Ближнем Востоке на стороне Исламского государства и других запрещенных террористических группировок. По информации Международного центра изучения радикализации и политического насилия, регион стал одним из главных «поставщиков» иностранных боевиков, воевавших на стороне террористических группировок в Сирии и Ираке. Согласно этим данным, выходцы из стран Центральной Азии составляли почти 20% от всех иностранных боевиков, в то время как население этого региона не превышает 5% всего мусульманского населения планеты. По имеющимся оценкам, численность боевиков из Центральной Азии с начала конфликта в 2012 г. превысила 4 тыс. боевиков [Яшлавский 2019: 191-207].

Тем не менее, прежде чем браться за изучение современного исламизма и его проявлений в Казахстане, очень важно обратить внимание на историческое прошлое региона. Непосредственное отношение к вопросу об исламской идентичности в Центральной Азии имеет историческая политическая общность этих стран – Советский Союз и коммунистическая идеология. Несмотря на тот факт, что в Советском Союзе официального запрета на религию не налагалось, тем не менее атеизм активно поддерживался партийными и государственными органами вплоть до горбачевской либерализации 1988 года. По

мнению Саидова, «с победой большевистской революции в России и образованием СССР народы Центральной Азии пережили беспрецедентную смену идеологических ориентиров. Помимо форсированного и противоестественного насаждения коммунистических идей в обществах, фактически находившихся в формации феодализма, регион оказался отрезанным от остального мусульманского мира. В пылу пропагандистской борьбы советская карательная система репрессировала тысячи священнослужителей, уничтожила сотни мечетей и медресе. Многие из них представляли огромную историческую и архитектурную ценность. Даже была объявлена «безбожная пятилетка». В годы Великой Отечественной войны отношение руководства Советского Союза к религии меняется. С одной стороны, для победы над фашизмом государству пришлось задействовать огромную армию, и, конечно, для привлечения верующих необходим был идеологический настрой. В этих случаях используются разные каналы, как идеология – джихад, то есть защита родины от внешних врагов. С другой стороны, Великобритания и США из-за того, что СССР считался атеистической страной, якобы, не хотели оказывать ему помощь в ведении войны против Германии» [Саидов 2013]. Саидов разделяет три периода, в каждый из которых отношение советских властей к исламу приобретает разные формы: первый – война против религии, безбожная пятилетка, сталинские репрессии (с 1917 по 1940 гг.), второй – время, когда власть использовала ислам в своих интересах (с 1940 до конца 1960-х гг.), третий этап – более смягченное отношение к исламу и начало возрождения национального самосознания и религиозного возрождения народов Средней Азии [Саидов 2013]. Четвертым же этапом, который Саидов не перечисляет, можно назвать этап «хаоса», когда религия и религиозная идентичность начинает массово вливаться в политическую и другие сферы общественной жизни в самых изощренных формах, тем

самым претендуя на первичность по отношению к другим идентичностям и господство над ними. Именно четвертый период можно охарактеризовать появлением первых инициатив по политизации ислама.

В то время как первые советские власти предпринимали попытки стирания исламской идентичности, то поздними советскими властями не уделялось должного внимания религиозным настроениям масс, не были предприняты определенные меры по заполнению идеологического вакуума. Нельзя забывать и о том, что многие представители Духовного управления мусульман Центральной Азии и Казахстана (советское религиозное учреждение) жили и обучались в арабских городах, где встречались с исламскими мыслителями и их приверженцами [Назирова 2017]. Назирова считает, что «в 1979 г. [имеется в виду исламская революция в Иране] произошла перемена в псевдоизоляции. Во-первых, исламская революция в Иране пробудила небывалую энергию в силах политического ислама несмотря на то, что подлинное шиитское содержание провозглашенной исламской республики не стало образцом для остальных исламских активистов. Во-вторых, советское вторжение в Афганистан заставило людей в Центральной Азии задуматься над проблемами исламской самобытности и борьбы за исламскую самобытность» [Назирова 2017]. Назирова также указывает, что возникшие в еще в начале XX в. на Ближнем Востоке религиозно-политические организации не имели прямого влияния на советские мусульманские регионы, но это влияние стало ощущаться в середине 1970-х гг., когда выросло новое поколение мусульманских богословов, большая часть которых прошла нелегальное обучение и основало стихийные группы. Именно они, по мнению Назировой, стали «новой интеллектуальной элитой в начавшемся процессе реисламизации» [Назирова 2017]. В каждой из стран исламистский потенциал, копившийся в течение десятилетий, проявился по-разному. В Таджикистане, например, это вылилось в гражданскую войну, где исламизм выступил

в качестве одной из конфликтующих сторон [Искандарзода 2022:30-38].

Казахстан в отличие от других стран постсоветского пространства – Кыргызстана, Таджикистана, Туркменистана и Узбекистана – не отличается преимущественно мусульманским населением.

Конституция определяет страну как светское государство и закрепляет свободу совести и вероисповедания. Эти права могут быть ограничены только законами и только в той мере, в какой это необходимо для защиты конституционного строя, общественного порядка, прав и свобод человека, здоровья и нравственности населения. Ответственным органом по вопросам религии является Комитет по делам религий, относящийся к Министерству информации и общественного развития.

Согласно официальным данным, население Казахстана на 2020 г. составляет 19,1 млн человек. Согласно переписи населения от 2009 г., 96,7% относят себя к той или иной религии. На 2019 год к той или иной религии себя относят уже меньшее количество людей – 92,8% опрошенного населения. Приблизительно 70% религиозного населения Казахстана практикуют суннитский ислам традиционного для региона ханафитского толка. Большую часть населения составляют христиане – 26% от общего числа верующих, подавляющая часть которых относятся к православному христианству. Такой большой процент христианского населения объясняется прежде всего этническим составом Казахстана: к христианам относят себя этнические русские и украинцы, оставшиеся в стране после роспуска СССР, в то время как этнические казахи преимущественно идентифицируют себя как мусульман. Оставшаяся часть верующего населения – 5% – иудеи, буддисты, кришнаиты, бахаиты и саентологи¹. Согласно статистике Комитета по делам религий за первые девять месяцев 2020 г., в стране было зарегистрировано 3 818 религиозных объединений и их филиалов, по сравнению с 3 770 в 2019 г. Духовное

¹ 2020 Report on International Religious Freedom: Kazakhstan. U.S. Department of State.

<https://www.state.gov/reports/2020-report-on-international-religious-freedom/kazakhstan/>

управление мусульман Казахстана (ДУМ) продолжает контролировать открытие и восстановление мечетей. По данным Комитета по делам религий, в стране на 2020 год насчитывалось 2 684 мечети, что на 46 больше, чем сообщалось в 2019 г.

Современному Казахстану присущи разного рода идентичности: основанная на историческом образе жизни казахов идентичность «кочевника», современная национальная (казахская) идентичность, мусульманская и в меньшей степени христианская идентичности, а также немаловажная племенная идентичность (жузы). Христианская идентичность упомянута потому, что весомая часть населения Казахстана, в частности этнические русские и украинцы исповедуют христианство (православие и католицизм). Племенная идентичность занимает важное место в жизни казахского общества. Так, в Казахстане существует Старший, Средний и Младший жузы, которые помимо идентификационной функции, выполняют и политическую. Жузы в свою очередь делятся на несколько родов и племен. Например, первый президент Казахстана – Нурсултан Назарбаев – происходит из рода Шапрашты Старшего жуза. Существуют и племенные союзы: Торе (представители рода Чингисхана, которые правили в Казахском ханстве на протяжении всей своей истории), Ходжа (ведущие происхождение от арабских миссионеров ислама), Толенгит (род казахов, традиционно состоявших на службе у ханов и султанов). Хотя некоторые ученые оспаривают существование клановой лояльности и разделения в политической системе Казахстана, большинство казахов открыто признают, что принадлежность к клану – значительный и часто решающий фактор в общественной жизни казахов. Конкуренция имеет место не только между тремя жузами, но и внутри них: например, в Старшем жузе клан Дулат более влиятелен, чем других, в то время как в Младшем жузе клан Алимұлы соревнуется за влияние с кланами Жетыру и Адай [Karagiannis 2007: 297: 297-322].

Эммануэль Карагьянис в своей работе «The Rise of Political Islam in Kazakhstan: Hizb Ut-Tahrir Al Islami» пишет, что исламизация Казахстана за всю его историю происходила всего два раза, двумя волнами: 1-ая волна, когда арабские войска, возглавляемые Кутейб Ибн Муслимом, завоевали южные территории современного Казахстана и обратили местное население в ислам; 2-ая волна, длившаяся с XIII по XIX вв., когда исламские миссионеры распространяли ислам по оставшейся территории страны [Karagiannis 2007: 297: 297-322]. Э. Карагьянис считает, что ввиду кочевого образа жизни казахов с ее постоянными перемещениями на большие расстояния и отсутствие постоянного места жительства, в Казахстане не смогла сформироваться вера, ориентированная на мечеть. Казахские племена сохраняли свой кочевой образ жизни дольше, чем любые другие этнические группы Центральной Азии. Он также считает, что крах коммунизма привел к идеологическому вакууму во всей Центральной Азии, в том числе в Казахстане. Назарбаев пытался заполнить этот вакуум путем воспитания патриотизма среди этнических казахов. С этой целью казахские власти приступили к «казахизации» государства, отдавая предпочтение титульной группе в политической и культурной сферах. Однако усилия по формированию нации не привели к искоренению культурных различий между казахами. В силу исторических факторов южные казахи в языковом, религиозно и культурно находились под узбекским влиянием, в то время как казахи из северного Казахстана и Алматы были сильно «русифицированы». Рост Хизб ут-Тахрир¹ на юге Казахстана также имеет этническое измерение. В южном Казахстане проживает 350 тысяч узбеков, что составляет около 20% местного населения. Однако узбекское меньшинство недостаточно представлено в государственных учреждениях, а высшие государственные должности, как правило достаются этническим казахам. Хизб ут-Тахрир стала популярной среди этнических узбеков, потому что она не делает акцент на

¹ Организация запрещена в России.

этнической принадлежности и пропагандирует мусульманскую солидарность. Это знакомое послание для нерусских этнических меньшинств, так как они 70 лет находились под воздействием интернационалистской пропаганды СССР, которая преуменьшала значение национализма и продвигала социалистическую солидарность.

Первые проявления казахстанского исламизма условно можно связать с 1998 г., когда в южной части страны появились первые эмиссары Хизб-ут-тахрир. Хизб-ут-тахрир была основана в 1953 г. в Восточном Иерусалиме судьей местного шариатского суда Такиюддином ан-Набхани. Организация рассматривает себя в качестве политической партии, основанной на религии, а не религиозной организацией. Хизб-ут-тахрир – транснациональная организация со штаб-квартирой в Лондоне. Сегодня организация насчитывает тысячи членов по всему миру, включая людей из США и Западной Европы. Движение стремится возродить исторический халифат во всем мире с целью объединить мусульман в одно государство. Хизб-ут-Тахрир действует через сеть подпольных ячеек. На самом низком уровне члены организации и новобранцы объединяются в кружки (халка) по пять человек. Глава каждого кружка (мушриф) руководит его членами, которые изучают идеологию группы. На районном уровне существует местный комитет, лидер которого называется накиб, который отвечает за управление делами группы в соответствующем городском центре и прилегающих к нему деревнях. На провинциальном уровне существует комитет, возглавляемый представителем провинции (му'тамад), который осуществляет надзор за деятельностью группы. Му'тамад назначается Центральным комитетом (ладжнат аль-кияда) партии во главе с верховным лидером (амиром) Хизб-ут-Тахрир. Внутренняя дисциплина и подчинение центральному руководству являются чрезвычайно необходимыми для такой пирамидоподобной группы, чтобы избежать проникновения «чужаков» и сохранить идеологическую целостность. Существует целый ряд дисциплинарных мер

для членов, нарушающих правила, самым суровым наказанием является исключение [Karagiannis 2007: 297: 297-322]. Хизб-ут-тахрир придерживается целой программы действий по достижению своей цели и разделяет программу действий на отдельные этапы:

— первый этап: нахождение и культивирование тех, кто разделяет идеи и методы организации (вербовка новых членов Хизб-ут-тахрир);

— второй этап: взаимодействие с уммой с целью поощрения уммы к распространению ислама, чтобы она работала над установлением ислама в жизни, государстве и обществе (исламизация общества);

— третий этап: создание исламского государства, внедрение ислама в целом и всесторонне, послание ислама миру (т.е. захват государственной власти и джихад против неверующих) [Karagiannis 2007: 297: 297-322].

Эркин Рахматуллаев отмечает, что «на этом фоне рецепты выхода из кризиса, предложенные «Хизб-ут-Тахрир» и подобными ей партиями совершенно неожиданно оказались привлекательными тем, что, объясняя все беды действующими западными и иными неисламскими моделям экономического развития предлагали панацею от всех них – Халифат» [Махмадиев 2012].

Э. Карагьянис предполагает, что деятельность Хизб-ут-тахрир в Казахстане пока находится на первом этапе своего развития. 6 июля 2001 г., в 61-й день рождения первого президента Казахстана Назарбаева, листовки Хизб-ут-Тахрир появились в тысячах почтовых ящиков в Алматы. Группа распространила свою деятельность даже на северный Казахстан, который населен преимущественно русскими и русскоязычными казахами. В ноябре 2003 г. трое мужчин были арестованы в центральной мечети в северном городе Павлодаре за распространение листовок Хизб-ут-Тахрир. Э. Карагьянис, ссылаясь на источник в ОБСЕ, утверждает, что в «павлодарском инциденте» замешаны новоприбывшие выходцы из Южного Казахстана [Karagiannis 2007: 297: 297-322].

8 февраля 2005 г. казахстанская полиция в Алматы закрыла самодельную типографию Хизб ут-Тахрир и арестовала двух членов группы и конфисковала 12 000 листовок. Это произошло после ареста двумя неделями ранее около 40 членов Хизб ут-Тахрир, которые провели демонстрацию у центральной мечети Алматы против Духовного управления мусульман Казахстана, который они считают чрезмерно зависимым от властей [Karagiannis 2007: 297: 297-322]. Долгое время казахские власти игнорировали деятельность этой организации на территории страны, однако в 2004 г., когда члены Хизб-ут-тахрир были в очередной раз замечены в распространении листовок, казахстанские правоохранительные органы возбудили более 180 уголовных дел. В марте 2005 г. городской суд г. Астаны (современный Нурсултан) удовлетворил запрос Генерального прокурора страны на признание Хизб-ут-тахрир экстремистской организацией.

Согласно казахстанскому законодательству, все мечети должны быть зарегистрированы в Министерстве юстиции и подчиняться юрисдикции контролируемого государством Духовного управления мусульман (ДУМ, ДУМК). Зимой 2004 г. ДУМ начало кампанию по контролю над незарегистрированными мечетями в районах Южного Казахстана, населенных узбеками. Этнические узбеки обычно посещают свои собственные мечети в регионе, где есть имамы, говорящие на узбекском языке. Похоже, что более 100 из 500 мечетей в регионе не относятся к ДУМК. Вполне вероятно, что Хизб ут-Тахрир использовал эти самые незарегистрированные мечети в качестве мобилизационных ресурсов для обретения поддержки среди местного населения. Однако группа больше полагается на неформальные институты, чем на мечети. Активисты Хизб ут-Тахрир мобилизуют свои силы через дружеские и соседские сети. В Южном Казахстане, как и в большинстве стран Центральной Азии, мужчины-мусульмане часто образуют тесные группы –

независимо от того, связаны они родственными узами или нет, – которые регулярно встречаются для приема пищи или проведения общественных мероприятий в чайханах и частных домах. Такие неформальные сети используются Хизб ут-Тахрир в качестве ресурсов для мобилизации.

Исламизм проявляется и в самых радикальных формах – в виде терактов и террористической деятельности в целом. Если Хизб-ут-тахрир опирается в основном на манипулятивные методы и «промывание мозгов», то такие организации как Джунд-аль-Халифат предпочитают мягкой силе терроризм. 31 октября 2011 г. в городе Атырау прогремели два взрыва, ответственность взяла на себя группировка Джунд-аль-Халифат. 12 ноября 2011 г. в г. Таразе джихадистом совершен теракт, в результате которого погибли 7 человек, в том числе пять сотрудников правоохранительных органов. Вышеупомянутые теракты 2011 г. связаны с принятием властями Казахстана закона «о религии», против которого выступила террористическая группировка. Так, Джунд-Аль-Халифат угрожали властям Казахстана актами насилия, если последние не откажутся от принятого закона. Чуть позже, уже 5 июня 2016 г. исламисты совершают теракт в Актобе: погибло 25 человек¹. На этом теракты не прекращаются, однако для убедительности достаточно и одного того факта, что теракты имели или имеют место быть.

Одной из других форм проявления исламизма в Казахстане является экспортный (внешний) исламизм, т.е. участие выходцев из Казахстана в войнах в Сирии, Ираке и Ливии на стороне террористических исламистских группировок, декларирующих своей целью «установление всемирного халифата». В отличие от других государств Центральной Азии, согласно докладу International Crisis Group, количество боевиков-выходцев из

¹ Нападение неизвестных произошло в Актобе: есть жертвы // 24.kz, 5 июня 2016. URL:

<http://24.kz/ru/news/incidents/item/123277-aktobe-est-zhertvy>

Казахстана не превышает 400 человек (с учетом населения в 19 млн человек)¹.

Таким образом, современный исламизм в Казахстане проявляется в основном в деятельности зарубежных исламистских организаций по типу Хизб-ут-тахрир, успешно пропагандирующих свою идеологию преимущественно на территории Южного Казахстана среди этнических узбеков, принявших на себя роль «угнетенного меньшинства». Чаще всего лишены правовой защиты меньшинства поддаются радикализации, а в случае Центральной Азии – исламизации. В меньшей степени проявляется исламизм и в участии казахстанцев в деятельности вооруженных террористических формирований за рубежом – припл. 400 чел.

Градус исламизма в Казахстане, с другой стороны, уменьшает и мультикультурная среда (мост «ханафизм-православие»). Сами противоречия в социальной структуре казахстанского общества в основном направлены на «межжузные» и межплеменные противоречия, нежели чем на противоборство светского и исламистского идентичностей.

Примечательно и то, что в отличие от других стран Центральной Азии, исламизм в Казахстане не приобретал формы активного участия в политической жизни страны.

Говоря о причинах роста исламизма в регионе в целом, некоторые авторы считают, что радикализация населения и усиление исламистских настроений непосредственно связаны с социально-экономическим положением личности. Однако ошибочно

предполагать, что только два этих фактора сами по себе приводят к тому, что человек начинает импонировать исламистским идеям. Есть большое количество людей, живущих за гранью нищеты, но это отнюдь не делает их исламистами. Есть и финансово обеспеченные люди, экономическое положение которых нельзя назвать сложным, но тем не менее, они готовы проявить самое активное участие в продвижении и финансировании исламизма. К тому же, бедность и нищета в других регионах мира, например, не влечет за собой радикализацию и рост религиозного экстремизма. Тому подтверждение выводы Э. Карагьяниса в исследовании, посвященном причинам роста интереса к Хизб-ут-тахрир в Казахстане. Так, Карагьянис убежден, что если рассматривать исламизм в Казахстане с точки зрения системно-функционального метода, то причиной роста исламистских настроений является роспуск Советского Союза и неспособность казахстанских властей решать накопившиеся социально-экономические проблемы. Тем не менее, одно наличие социально-экономических проблем не в состоянии объяснить рост интереса к Хизб-ут-тахрир, основная аудитория которого – Южный Казахстан, в то время как в некоторых других регионах социально-экономические условия гораздо хуже.

Конечно, социально-экономический фактор играет немаловажную роль в радикализации населения, но однозначно не является единственным. Вопрос остается открытым для дальнейшего изучения.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Emmanuel Karagiannis (2007) The Rise of Political Islam in Kazakhstan: Hizb Ut-Tahrir Al Islami, Nationalism and Ethnic Politics, 13:2, 297-322.
- Искандарзода, Б. Д. Внешнеполитические факторы и урегулирование гражданского конфликта в Таджикистане // Постсоветские исследования. – 2022. – Т. 5. – № 1. С. 30-38.
- Махмадиев Н.Д. Социальные корни религиозного экстремизма в Таджикистане: диссертация ... кандидата философских наук: 09.00.11 / Институт философии и права им. акад. Богоутдинова Академии наук Республики Таджикистан. – Душанбе, 2012. – 167 с.
- Назирова Н.Д. Проблемы политического ислама и конфликты в государствах Центральной Азии: диссертация ... кандидата политических наук: 23.00.04. – Институт философии,

¹ International Crisis Group. Syria Calling: Radicalization in Central Asia. International Crisis Group, 2015, <https://jstor.org/stable/resrep31820>.

политологии и права им. А. Баховаддинова Академии наук Республики Таджикистан. – Душанбе, 2017. – 157 с.

Саидов Ш. Ш. Исламский фактор в политических процессах Центральной Азии // Вестник ТГУПБП. 2013. №1 (53).

Яшлавский А. Центральная Азия: проблемы возвращения из «горячих точек» сторонников экстремистских группировок. Россия и новые государства Евразии, 2019, № III (XLIV), сс. 191-207.

REFERENCES

Emmanuel Karagiannis (2007) The Rise of Political Islam in Kazakhstan: Hizb Ut-Tahrir Al Islami, Nationalism and Ethnic Politics, 13:2, 297-322.

Iskandarzoda, B. D. Vneshnepoliticheskie faktory i uregulirovanie grazhdanskogo konflikta v Tadjikistane // Postsovetskie issledovaniya. – 2022. – Т. 5. – № 1. – S. 30-38.

Mahmadiev N.D. Social'nye korni religioznogo ekstremizma v Tadjikistane: dissertaciya ... kandidata filosofskih nauk: 09.00.11 / Institut filosofii i prava im. akad. Bogoutdinova Akademii nauk Respubliki Tadjikistan. – Dushanbe, 2012 – 167 s.

Nazirov N.D. Problemy politicheskogo islama i konflikty v gosudarstvah Central'noj Azii: dissertaciya ... kandidata politicheskikh nauk: 23.00.04. – Institut filosofii, politologii i prava im. A. Bahovaddinova Akademii nauk Respubliki Tadjikistan. – Dushanbe, 2017. – 157 s.

Saidov SH. SH. Islamskij faktor v politicheskikh processah Central'noj Azii // Vestnik TGUPBP. 2013. №1 (53).

YAshlavskij A. Central'naya Aziya: problemy vozvrashcheniya iz «goryachih toчек» storonnikov ekstremistskikh gruppirovok. Rossiya i novye gosudarstva Evrazii, 2019, № III (HLIV), ss. 191-207.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ/INFORMATION ABOUT THE AUTHORS

Искандарзода Бехруз Дилшод – **Bekhruz D. Iskandarzoda** – Department of кафедра теории и истории международных отношений Российского университета дружбы народов (РУДН). E-mail: iskandarzoda@outlook.com
Theory and History of International Relations, Peoples' Friendship University of Russia (PFUR). E-mail: iskandarzoda@outlook.com

ЗАПАДНЫЙ ФЛАНГ СНГ / THE WESTERN FLANK OF THE CIS

Научная статья / Research article

Проблема распространения китайского языка в Беларуси (2012–2022 гг.)

Цзян Шиван (Китай)

Даляньский университет иностранных языков, Далянь, КНР

E-mail: 2051440989@qq.com

Аннотация. Появление китайского языка в учебных заведениях Республики Беларусь – отражение специфики и особенностей современных общецивилизационных процессов, последовательного продуктивного развития белорусско-китайских отношений. Во втором десятилетии XXI в. был дан новый импульс продвижению китайского языка в системе белорусского образования. Речь идет о подключении Беларуси к реализации инициативы «Один пояс, один путь». Успешность нашего участия в ней во многом будет зависеть от владения белорусскими специалистами китайским языком, готовности белорусской стороны использовать его как средство разностороннего информационного обмена в профессиональных контактах, от эффективного обеспечения различных видов коммуникации, а также, как убедительно свидетельствует сегодняшний день, от эффективного использования как средства познания в процессе образования. Соответственно, перед белорусской школой были поставлены задачи научить целевую аудиторию основам общения, обеспечить на этапе завершения школьного образования такой уровень владения разговорными нормами китайского языка, который позволит им в будущем успешно продолжать осваивать его в сфере избранной профессиональной деятельности. Важным шагом в придании изучению китайского языка массового характера стало подписание в 2018 г. Соглашения между Правительством Китайской Народной Республики и Правительством Республики Беларусь о взаимном признании документов об образовании и документов об ученых степенях, проводят совместное высшее обучение, и число иностранных студентов из двух стран увеличивается с каждым годом. В Беларуси китайский язык включен в перечень пяти иностранных языков, выбранных абитуриентами для прохождения централизованного тестирования, и учрежденные Китаем 6 Институтов Конфуция и 2 Класса Конфуция отлично функционируют. Изучение китайского языка, таким образом, стало носить в Беларуси системный характер. В рамках настоящего исследования автор рассмотрит как основные достижения в продвижении китайского языка в Республике Беларусь, так и ключевые сложности, характерные для обоюдного гуманитарного сотрудничества.

Ключевые слова: Беларусь, Китай, китайский язык, языковая политика, лингвистическая политика, двуязычие, многоязычие.

Для цитирования: Цзян Шиван. Проблема распространения китайского языка в Беларуси (2012–2022 гг.). Постсоветские исследования. 2022;4(5):394-404.

The problem of the spread of the Chinese language in Belarus (2012-2022)

Jiang Shiwang (China)

Dalian University of Foreign Languages, Dalian, China

E-mail: 2051440989@qq.com

Abstract. The appearance of the Chinese language in educational institutions of the Republic of Belarus is a reflection of the specifics and peculiarities of modern civilizational processes, the consistent productive development of Belarusian-Chinese relations. In the second decade of the XXI century, a new impetus was given to the promotion of the Chinese language in the Belarusian education system. We are talking about connecting Belarus to the implementation of the "One Belt, One Road" initiative. The success of our participation in it will largely depend on the Belarusian

specialists' proficiency in Chinese, the readiness of the Belarusian side to use it as a means of versatile information exchange in professional contacts, on the effective provision of various types of communication, and also, as today convincingly testifies, on effective use as a means of cognition in the educational process. Accordingly, the Belarusian school was tasked to teach students the basics of communication, to ensure at the stage of completion of school education such a level of proficiency in conversational norms of the Chinese language that will allow them to successfully continue to master it in the future in the field of their chosen professional activity. An important step in giving the study of the Chinese language a mass character was the signing in 2018 of an agreement between the Government of the People's Republic of China and the Government of the Republic of Belarus on mutual recognition of educational documents and documents on academic degrees, joint higher education is conducted and the number of foreign students from the two countries is increasing every year. In Belarus, Chinese is included in the list of five foreign languages chosen by applicants for centralized testing, and the 6 Confucius Institutes and 2 Confucius Classes established by China are functioning perfectly. Thus, the study of the Chinese language has become systematic in Belarus. Within the framework of this study, the author will consider both the main achievements in the promotion of the Chinese language in the Republic of Belarus and the key difficulties characteristic of mutual humanitarian cooperation.

Keywords: Belarus, China, Chinese language, language policy, linguistic policy, bilingualism, multilingualism

For citation: Jiang Shiwang. The problem of the spread of the Chinese language in Belarus (2012-2022). *Postsovetskie issledovaniya = Post-Soviet Studies*. 2022;4(5):394-404. (In Russ.)

Социальные предпосылки разработки языковой политики в 2012–2021 гг. в РБ

После начала украинского кризиса в конце 2013 г. Евразийский регион пережил ряд крупных событий, таких как государственный переворот на Украине, вхождение Крыма в состав Российской Федерации и подписание Минского соглашения о прекращении огня и т.д. Это результат глубоких изменений во взаимоотношениях между Россией, США, Европой, Украиной и многопартийных игр. Как страна, соседствующая с Россией, Европой и Украиной, Беларусь неизбежно подвергается влиянию, вызванному украинскому конфликту. Обстановка в Республике Беларусь и за рубежом также изменилась.

Под влиянием кризиса на Украине, обвала мировых цен на нефть и западных санкций российская экономика пережила более двух лет темноты со второй половины 2014 г., а темпы ее экономического роста упали до самого дна. Учитывая зависимость белорусской экономики от российской экономики, российский экономический кризис оказал огромное влияние на белорусскую экономику. Резкая девальвация российского рубля снизила покупательную способность российских компаний, а

периодическое введение правительством России контролируемых торговых ограничений привело к резкому сокращению экспорта Беларуси в нее и увеличению товарных запасов. И Россия, которая находится в особых обстоятельствах, больше не может оказывать Беларуси большую экономическую помощь, как раньше. Столкнувшись со все более тяжелой экономической ситуацией, Беларусь срочно нуждается в новых экспортных рынках, новых оказывающих ей помощь странах и новых проектах многостороннего сотрудничества¹.

На этом фоне жесткие отношения Беларуси с Европой и США ослабли, особенно в экономической сфере. Беларусь подала сигнал доброй воли ЕС, продолжив участвовать в мероприятиях «Восточного партнерства», инициированных ЕС, с целью получения финансовой и технической поддержки от ЕС. Однако следует отметить, что до сих пор отношения Беларуси с Европейским союзом не достигли

¹ Рыгор А., Дмитрий Б. Белорусско-российские отношения на фоне конфликта в Украине [Электронный ресурс] / Режим доступа: <https://belarusdigest.com/papers/belarus-russia-relations-ru.pdf> (Дата обращения 27.03.2022)

существенного прогресса. Обе стороны не создали правовой основы для нормализации отношений, и не было никакого прогресса в упрощении визового процесса. Различия между Беларусью и Западом в политической системе, идеологии, ценностях и культуре, а также наличие российских факторов заставят Беларусь уделять больше внимания неполитическому экономическому сотрудничеству с западными странами.

Таким образом, с момента украинского кризиса содействие экономическому росту, стабилизация социальной ситуации и обеспечение национального суверенитета, независимости и безопасности были основными задачами, стоящими перед Беларусью. Республика Беларусь уже давно придерживается прагматичной и независимой внешней политики. Изменения в международной ситуации в XXI в. побудили Беларусь усилить свое развитие в «нерусском направлении». Однако, учитывая зависимость Республики Беларусь от российской экономики и безопасности, Беларусь продолжит поддерживать тесное и равноправное партнерство с Россией на основе максимальной автономии. В то же время внешняя политика Республики Беларусь явно тяготеет к требованиям многостороннего развития. С одной стороны, Беларусь укрепила и развила свои отношения с Россией, продолжила участвовать в возглавляемом Россией процессе экономической и военной интеграции в рамках СНГ и укрепила свою независимость, стремясь получить больше экономических выгод и гарантий безопасности для себя. С другой стороны, Беларусь привержена улучшению отношений с Западом, сохранению нейтралитета в вопросе Украины и укреплению отношений со странами СНГ и другими развивающимися странами для обогащения содержания диверсифицированной дипломатии.

Тенденция «мягкой» белорусизации в языковой политике

Украинский кризис в конце 2013 г. в какой-то степени укрепил национальное самосознание Республики Беларусь. Белорусский язык, как важный фактор формирования национальной идентичности,

начал привлекать внимание белорусского правительства. В последние годы правительство продолжает продвигать процесс формирования национальной идентичности, пересматривает свою информационную и культурную политику и уделяет внимание повышению статуса белорусского языка. Президент Республики Беларусь А. Лукашенко выступает примером в своих делах и начал публично выступать по-белорусски. Белорусское государственное телевидение одну за другой запускало программы на белорусском языке, и некоторые известные иностранные фильмы также были переведены на белорусский язык для выпуска. Рыночная доля книг на белорусском языке также увеличилась.

Современное состояние языковой политики в Республике Беларуси может быть охарактеризовано с опорой на средства массовой информации Беларуси. Исследовав перечень печатных СМИ Республики Беларусь на 1 полугодие 2018 г. были получены следующие данные: 10,3% печатных СМИ издается на белорусском языке¹; государственное телевидение в Беларуси представлено всего 11, из них 7 транслируют на обоих государственных языках, 3 – только на русском, только на белорусском – 1 телеканал. С каждым годом растет количество книг, выпущенных на белорусском языке. По данным Министерства информации Республики Беларусь за 2017 г. было выпущено 1314 наименований книги брошюр на белорусском языке². Для популяризации белорусского языка среди населения были установлены такие щиты как «Маё першае слова», «Смак беларускай мовы» и «Нашы суседзі з Чырвонай кнігі» [Марисич, Пилипенко 2018].

¹ Перечень печатных СМИ Республики Беларусь на 1 полугодие. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.belpost.by/services/subscription/kat1-18/>. (Дата обращения 06.03.2022)

² Министерство Информации Республики Беларусь. Количественные показатели выпуска изданий в республике. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.mininform.gov.by/ru/knigoizdanie-ru/>. – Дата доступа: 15.03.2018. (Дата обращения 06.03.2022)

Кроме того, в последние годы названия улиц в белорусских городах стали белорусскоязычными. Остановки общественного транспорта объявляются на белорусском языке, а бегущая информационно-рекламная строка на электронных табло в метро, автобусах, троллейбусах и трамваях теперь - белорусскоязычная. Появилась и наружная реклама на белорусском.

Ассоциация белорусского языка (Таварыства беларускай мовы імя Францішка Скарыны) является важным учреждением для продвижения белорусского языка и белорусской национальной культуры. Ассоциация белорусского языка - неправительственная организация, занимающаяся защитой, возрождением и популяризацией белорусского языка и белорусской национальной культуры, а также культурной и образовательной деятельностью. В продвижении белорусского языка образование является одним из важнейших направлений. Однако в случае двуязычного образования функции и сфера использования белорусского языка очень ограничены. В Беларуси насчитывается 51 университет, но ни один из них не преподаёт полностью на белорусском языке. В высших учебных заведениях, за исключением факультета белорусского языка и факультета истории Беларуси, курсы на других факультетах преподаются только на русском языке. В целях укрепления статуса белорусского языка в образовании Ассоциация белорусского языка в 2018 г. зарегистрировала частный университет в Минске — Университет Нила Гилевича (Універсітэт імя Ніла Гілевіча). Университет может преподавать только на белорусском языке. Целью создания Университет имени Нила Гилевича является предоставление молодым белорусам возможности получать высшее образование на белорусском языке и обеспечение кадрового и научного потенциала для инновационного развития Республики Беларусь на основе сочетания национальных традиций белорусского народа и международного опыта. В последние годы преподавательский состав Университета

имени Нила Гилевича усердно работает над получением разрешений на проведение различных образовательных мероприятий. Хотя Ассоциация белорусского языка и другие соответствующие учреждения прилагают все усилия для содействия использованию белорусского языка, большинство текущих курсов в Беларуси в университетах по-прежнему сосредоточены на русском языке.

Всё это отнюдь не блокирует давно уже сложившуюся и отчётливо выраженную белорусскую специфику – неэтническое отношение подавляющего большинства населения к русскому языку. И именно благодаря этой специфике современный Минск, равно как и все другие крупные белорусские города - Гомель, Витебск, Могилев, Брест, Гродно - несмотря на нынешнюю «секторальную» белорусизацию, - всё равно более русскоязычные, нежели, к примеру, современные Москва, Санкт-Петербург, Новосибирск или Владивосток [Буев, Буховец 2018].

Вместе с тем нынешний белорусский политический режим неоднократно уже обвинялся некоторыми российскими СМИ и общественными деятелями в исподволь приводящейся политике «мягкой» белорусизации, по терминологии одних, и даже «ползучей националистической» по утверждению других. Общим для тех и для других является обвинение администрации президента А. Лукашенко в том, что при её потворстве «в стране усиливается (белорусский) национализм, в том числе и на государственном уровне», а среди госчиновников становится «всё больше носителей националистических убеждений» [Буев, Буховец 2018].

Продвижение белорусского языка является одной из важных мер «мягкой» белорусизации в Республике Беларусь. Однако, по сравнению с движением распространения белорусского языка в начальные три года независимости Республики Беларусь, текущей политикой по продвижению белорусского языка, правительство не разработало специальных законов и не назначило специальных государственных органов для разработки и

реализации такой политики. Это также является причиной того, почему нынешнюю языковую политику называют «мягкой».

Отношения между КНР и РБ в 2012–2021 гг.

В 2013 году президент РБ А. Лукашенко совершил государственный визит в Китай. В ходе визита президент Республики Беларусь А. Лукашенко и председатель КНР Си Цзиньпин подписали «Совместную декларацию Китайской Народной Республики и Республики Беларусь об установлении всестороннего стратегического партнерства»¹. Это важный признак официального установления всеобъемлющего стратегического партнерства между двумя странами. Кроме того, обе стороны также подписали документы о двустороннем сотрудничестве во многих других областях, что ознаменовало вступление в новый период китайско-белорусских отношений. Президент А. Лукашенко положительно отреагировал на инициативу Председателя КНР Си Цзиньпина о совместном строительстве «Пояса и пути», предложенную в 2013 г. Практика реализации концепции «Пояса и пути» открыла новые возможности для сотрудничества между Китаем и Беларусью. Только в 2014 г. объем торговли между Китаем и Беларусью достиг 3,2 млрд долларов, что в сто раз больше по сравнению с объемом торговли в 1990-х годах. Для Беларуси инициатива «Пояса и пути» является не только лучшим выбором для ослабления внутреннего экономического давления, но и приоритетом «всестороннего стратегического партнерства» между двумя сторонами. В 2014 г. Китай посетил премьер-министр Республики Беларуси М. Мясникович. Тогда премьер-министры двух стран приняли Комплексную программу развития

стратегического партнерства на 2014–2018 гг. и ряд других двусторонних документов².

Во время визита председателя КНР Си Цзиньпина в Республику Беларусь в 2015 г. обе стороны подписали «Договор о дружбе и сотрудничестве между Республикой Беларусь и Китайской Народной Республикой»³, который вступил в силу в мае 2015 г. В 2018 г. обмены между Китаем и Беларусью на всех уровнях были частыми и тесными, а сотрудничество в различных областях в рамках строительства «Пояса и пути» было всесторонне углублено. В 2019 г. главы государств Китая и Беларуси провели две встречи. Во время встречи с президентом А. Лукашенко председатель Си Цзиньпин подчеркнул, что в будущем Китай и Беларусь должны продолжать продвижение национальных стратегий развития и укреплять увязку в рамках инициативы «Пояса и пути», наращивать усилия по созданию китайско-белорусских индустриальных парков и углублять сотрудничество в области образования, туризма и инвестиций⁴. Президент А. Лукашенко тоже подчеркнул, что Республика Беларусь будет участвовать и твердо поддерживать двухстороннее и многостороннее сотрудничество в рамках «Пояса и пути», и надеется, что китайско-

²

李克强同白俄罗斯总理米亚斯尼科维奇会谈时强调深化合作 密切协调 推进中白全面战略伙伴关系发展 (mfa.gov.cn) [В ходе переговоров с премьер-министром Беларуси Ли Кэцзян Мясниковичем подчеркнул важность углубления сотрудничества и тесной координации в целях содействия развитию всеобъемлющего стратегического партнерства между Китаем и Беларусью. [Электронный ресурс] / Режим доступа:

<https://www.mfa.gov.cn/ce/cese/chn/xwdt/t1120811.htm> (Дата обращения 06.04.2022)]

³ Договор о дружбе и сотрудничестве между Республикой Беларусь и Китайской Народной Республикой (г. Минск, 10 мая 2015 года) (zakon.kz) [Электронный ресурс] / Режим доступа: https://online.zakon.kz/Document/?doc_id=36434014& (Дата обращения 06.04.2022)

⁴ 习近平会见白俄罗斯总统[N]. 光明日报, 2019-04-26(01). [Председатель КНР Си Цзиньпин встретился с Президентом Республики Беларусь А Лукашенко [Электронный ресурс] / Режим доступа: http://news.gmw.cn/2019-04/26/content_32780404.htm. (Дата обращения 07.04.2022)]

¹ Совместная декларация Китайской Народной Республики и Республики Беларусь об установлении всестороннего стратегического партнерства_russian.china.org.cn [Электронный ресурс] / Режим доступа: http://russian.china.org.cn/exclusive/txt/2013-07/17/content_29440117.htm (Дата обращения 07.04.2022)

белорусский индустриальный парк могут сыграть образцовую роль в содействии строительству «Пояса и пути» по всей Евразии¹. В 2020 г. А. Лукашенко еще раз победил на всеобщих выборах Республики Беларусь, набрав 80,1% голосов. Президент Си Цзиньпин направил президенту А. Лукашенко поздравительную телеграмму в первую очередь. В то же время он отметил, что «Китай придает большое значение развитию отношений с Беларусью, и выразил надежду на продолжение работы с президентом А. Лукашенко по продвижению всеобъемлющего стратегического партнерства между КНР и РБ и упорно трудиться для совместного развития Китая и Беларуси и улучшения жизни двух народов.»² 3 декабря 2021 г. президент Республики Беларусь А. Лукашенко подписал Указ Президента о развитии двусторонних отношений Республики Беларусь с Китайской Народной Республикой³, направленный на расширение связей между Беларусью и Китаем в различных регионах, содействие техническому сотрудничеству между двумя странами в цифровой экономике, информации, связи и других областях, а также дальнейшее углубление стратегического партнерства между Республикой Беларусью и Китайской

Народной Республикой в широких областях с 2021 по 2025 год.

Сотрудничество в области образования на данном этапе в основном отражается в создании двустороннего механизма образовательного сотрудничества. В 2014 г. Китай и Беларусь учредили новый межправительственный комитет по сотрудничеству на уровне заместителей премьер-министров. Комитет состоит из 5 подкомитетов - подкомитетов по экономике и торговле, науке и технике, безопасности, образованию и культурному сотрудничеству. Подкомитет по образовательному сотрудничеству двух стран отвечает за планирование, координацию и руководство обмены и сотрудничеством в сфере образовательных дел. Каждый год обе стороны проводят регулярные встречи для углубленного обмена мнениями о текущей ситуации и перспективах китайско-белорусского сотрудничества в области образования, правовых основах образовательного сотрудничества, а также о сотрудничестве на уровне университетов, о работе и перспективах развития Института Конфуция в высших учебных заведениях Беларуси, о правилах работы Комитета по образовательному сотрудничеству обеих стран и плане работы на следующий год и т.д.

Потребности как Китая, так и Беларуси в укреплении образовательного сотрудничества очень актуальны. Однако создание Китайско-белорусского подкомитета по образованию было недолго и его функции ограничено. В основном он сосредоточен на подготовке и проведении ежегодных совещаний, разработке регламентов работы и годовых планов работы, а также подписание протокола заседания. Число должностных лиц, ответственных за реализацию проектов сотрудничества в области образования в посольствах двух сторон, невелико. Китайско-белорусское сотрудничество в области образования нуждается в расширении и углублении сотрудничества в научных исследованиях, студенческих обменах, разработке предметов и преподавании языков. Это зависит от

¹ 习近平会见白俄罗斯总统[N]. 光明日报, 2019-04-26(01). [Председатель КНР Си Цзиньпин встретился с Президентом Республики Беларусь А Лукашенко [Электронный ресурс] / Режим доступа: http://news.gmw.cn/2019-04/26/content_32780404.htm. (Дата обращения 07.04.2022)]

² 习近平致电祝贺卢卡申科当选白俄罗斯总统. 来源: 中华人民共和国外交部网 [Си Цзиньпин позвонил, чтобы поздравить Лукашенко с избранием на пост Президента Беларуси [Электронный ресурс] / Режим доступа: https://www.fmprc.gov.cn/web/gjhdq_676201/gj_676203/oz_678770/1206_678892/xgxw_678898/t1805167.shtm1 (Дата обращения 07.04.2022)]

³ Директива № 9 от 3 декабря 2021 г. О развитии двусторонних отношений Республики Беларусь с Китайской Народной Республикой | Официальный интернет-портал Президента Республики Беларусь (president.gov.by) [Электронный ресурс] / Режим доступа: <https://president.gov.by/ru/documents/direktiva-no-9-ot-3-dekabrya-2021-g> (Дата обращения 07.04.2022)

дальнейшего совершенствования работы Подкомитета по образованию и постепенного продвижения вперед путем создания соответствующих рабочих механизмов. Обеим странам необходимо увеличить число направлений Подготовки по образованию для удовлетворения все более разнообразных потребностей образовательного сотрудничества между двумя странами.

Ускоренное распространение китайского языка в РБ и существующие проблемы

Благодаря непрерывному и всестороннему продвижению проекта «Пояс и путь» более тесные экономические обмены и политическое сотрудничество были построены между Китаем и Беларусью, за что скорость и широта распространения китайского языка в Беларуси возросли. В ответ на растущий спрос на китайский язык в Беларуси Ханьбань Китая и связанные с ним китайские учреждения сотрудничают с рядом белорусских университетов в создании институтов Конфуция и классов Конфуция для подготовки талантов, владеющих китайским языком и распространения китайской традиционной культуры. 20 декабря 2017 г. был создан четвертый Институт Конфуция в Беларуси - Института Конфуция в Гомельском государственном университете имени Ф. Скорины. Это первый Институт Конфуция, созданный за пределами столицы Минска. 24 мая 2019 г. при соглашении Ханьбаня Китая с еще другими белорусским учебным заведениям Брестским государственным университетом имени А. С. Пушкина, был официально создан пятый институт Конфуция в Беларуси.

8 сентября 2017 г., во время открытия Центра китайской культуры и письменности на базе столичной гимназии №12 министр образования И. Карпенко сообщил, что в Беларуси планируется введение китайского языка как учебного предмета на уровне общего среднего, профессионально-технического и среднего специального образования. По его словам, в условиях динамично развивающихся экономических и политических отношений между

Беларусью и КНР китайский язык привлекает повышенный интерес и становится особенно востребованным. «Перед белорусским образованием стоит задача расширения изучения китайского как учебного предмета».¹ Однако на самом деле, в настоящее время преподавание китайского языка в Беларуси осуществляется во основном в системе высшего и среднего образования.

2 марта 2018 г. в Минском государственном лингвистическом университете состоялось торжественное открытие первого в Республике Беларусь факультета китайского языка и культуры. Факультет начал свою работу с января 2018 г. и нацелен готовить преподавателей, переводчиков и специалистов по межкультурной коммуникации в сфере образования, торговля, культуры и туризма. Факультет китайского языка и культуры имеет тесные контакты с Восточно-Китайским педагогическим университетом, Пекинским университетом иностранных языков, Тяньцзиньским университетом иностранных языков и Шанхайским университетом иностранных языков².

После апробации первых учебных пособий, рабочих консультаций МГЛУ с китайскими коллегами, последующей доработки, вторичной апробации, изучения опыта России, Таджикистана, Турции и Южной Кореи результаты были вынесены на суд специалистов Китая. В результате этой большой работы в 2012/2013 учебном году китайский язык был включен в единую учебную программу «Иностранные языки»³

¹ В Беларуси будет расширяться изучение китайского языка как учебного предмета - Карпенко (belta.by) [Электронный ресурс] / Режим доступа: <https://www.belta.by/society/view/v-belarusi-budet-rasshirjatsja-izuchenie-kitajskogo-jazyka-kak-uchebnogo-predmeta-karpenko-265668-2017/> (Дата обращения 08.04.2022)

² 明斯克国立语言大学成立白俄罗斯首个中文系-国际在线[EB/OL]. [В Минском государственном лингвистическом университете создана первая в Беларуси кафедра китайского языка. [Электронный ресурс] / Режим доступа: <http://news.cri.cn/20190912/4efd585b-29af-8cbf-cf26-de466dbe17d1.html?msclid=bfcc5269b1f211ec8ef8ac6512170eed> (Дата обращения 08.04.2022)]

³ Учебная программа «Иностранные языки»

для учреждений общего среднего образования. Началась серьезная системная методическая работа над вторым поколением школьных учебников и далее – над созданием полноценного современного учебно-методического комплекса.

Минский государственный лингвистический университет всегда был центром преподавания и продвижения китайского языка в Беларуси. В обзоре работы по обучению китайскому языку с нуля за более чем десять лет, Н.П. Баранова отметила, что за прошедшие годы изучение китайского языка уже достигла определенных результатов. Под руководством разработчиков и специалистов, сейчас в Беларуси уже разработан образовательный стандарт по китайскому языку, создана необходимая нормативно-планирующая документация, подготовлено первое пилотное поколение национальных учебников [Баранова 2019].

По словам Н.П. Барановой, с каждым годом в Беларуси делаются определенные шаги к распространению китайского языка. В период с 2016 по 2021 год число учащихся на китайском языке в системе среднего образования увеличилось с 400 до 1200 человек¹. С 2013/2014 учебного года школьники, изучающие китайский язык, начали принимать участие в республиканском конкурсе исследовательских работ учащихся. В 2014/2015 учебном году впервые прошла республиканская олимпиада по китайскому языку. А с 2015 г. стало возможным сдавать китайский язык на ЦТ. В 2017 г., когда первые группы школьников, изучавших китайский язык, завершили общее среднее образование, были подготовлены контрольно-измерительные материалы для выпускного экзамена, разработаны методические рекомендации для учителей

по оцениванию уровня сформированности иноязычной коммуникативной компетенции с учетом специфики китайского языка.

Кроме того, с 2010 г. организуются летние лагеря по обучению разговорному китайскому языку. Ежегодно проводится республиканский отборочный тур международного конкурса «Китайский мост» среди учащихся школ и студентов высших учебных заведений. Все эти меры стимулировали внутренний интерес к изучению китайского языка и знакомству с китайской культурой.

Кроме вышеуказанных, на основе взаимного доверия и дружбы Подкомитет китаяско-белорусского культурного сотрудничества играет активную роль в продвижении проведения культурных мероприятий, прилагает усилие для постоянного расширения новых каналов по культурному обмену между двумя странами. В последние годы две страны настаивали на проведении крупномасштабных мероприятий по культурному обмену друг с другом, таких как культурные фестивали и культурные сезоны; поддержка прямых обменов между учреждениями культуры и искусства и местными дружественными организациями двух стран, чтобы стимулировать энергичное развитие сотрудничества между двумя сторонами в области культурных индустрий. Сотрудничество в области культуры не только стимулирует интерес белорусских граждан к пониманию китайской культуры, но и играет важную роль в содействии развитию преподавания китайского языка в Беларуси.

Проводимая работа по распространению китайского языка в Беларуси будет успешной и даст ожидаемый результат, если своевременно можно справиться с требующими решения вопросами, которые обозначились к сегодняшнему дню:

Реализация аккредитованных образовательных программ по китайскому языку в высших учебных заведениях. Сегодня такие программы есть только в МГЛУ и БГУ. Можно изучать китайский язык в других учреждениях высшего образования, но не на уровне программ,

(английский, немецкий, французский, испанский, китайский) 2012 года. [Электронный ресурс] / Режим доступа:

https://adu.by/wpcontent/uploads/2014/umodos/yyp/in_jas.pdf?ysclid=12bt181pui (Дата обращения 08.04.2022)

¹ Образование в Республике Беларусь, 2021 (belstat.gov.by) [Электронный ресурс] / Режим доступа: https://www.belstat.gov.by/ofitsialnaya-statistika/publications/izdania/public_brochures/index_4_1468/? (Дата обращения 08.04.2022)

предусмотренных образовательным стандартом.

Обеспечение профессионального становления и повышения квалификации белорусских учителей китайского языка. Сегодня их пока немного. Все они работают в разных школах. Все молодые. Все нуждаются в высококачественной методической помощи и поддержке, в том числе по таким актуальным вопросам, как овладение технологиями коммуникативно ориентированного обучения китайскому языку по развитию у учащихся языковой способности в единстве речевосприятия и речепорождения; по преодолению трудностей обучения китайскому языку как средству общения в искусственной языковой среде; по использованию потенциала учебного предмета для формирования гуманистических ценностей и ориентаций учащихся, обогащения их духовного мира и др.

Модели образовательного сотрудничества между двумя сторонами еще предстоит диверсифицировать, а количество и качество проектов межправительственного сотрудничества и проектов междууниверситетского сотрудничества еще предстоит улучшить. В настоящее время все еще очень мало многостороннего сотрудничества в области образования между Китаем, Беларусью и третьими сторонами, включая многостороннее сотрудничество в области образования в рамках ШОС. Сотрудничество между образовательными учреждениями в основном носит университетский характер, а сотрудничество между профессиональными учебными заведениями относительно невелико. Кроме того, педагоги и научное сообщество двух сторон еще не знакомы с системами, нормативными актами, а также методами обучения друг друга. Им не хватает результатов сравнительных исследований сходств и различий систем образования двух стран и результатов анализа образовательного сотрудничества. Поэтому необходимо разработать оригинальные

проекты образовательного сотрудничества, отвечающие особенностям и потребностям национальных условий Китая и Беларуси.

Институты Конфуция и классы Конфуция должны играть большую роль в удовлетворении потребностей в изучении китайского языка. Все институты Конфуция в Беларуси в основном полагаются на китайское финансирование, и все они используют совместную модель. Чтобы удовлетворить потребности преподавания китайского языка в Беларуси, существующим институтам Конфуция в Беларуси необходимо усилить финансовую безопасность и предоставить китайскому декану институтов большую гибкость в управлении фондами. С точки зрения функционирования и управления, в дополнение к учету потребностей Беларуси, китайскому декану необходимо предоставить больше автономии. Кроме того, китайские деканы, китайские преподаватели-экспатрианты и волонтеры должны быть стандартизированы с точки зрения квалификационного отбора и служебной аттестации. Названия должностей, продвижение по службе и заработная плата экспатриантов должны обеспечивать соответствующие гарантии, чтобы направленный персонал мог быстро адаптироваться к рабочим потребностям и работать со спокойной душой. Кроме того, многие средние школы в Беларуси хотят создать классы Конфуция, но белорусская система образования имеет строгие правила создания классов Конфуция, и получить разрешение на создание классов Конфуция непросто.

Самое важное, преподавание китайского языка в Республике Беларусь сейчас только началось, и по-прежнему ощущается нехватка соответствующих ресурсов учителей, учебных материалов и т.д., а неопределенные перспективы трудоустройства студентов влияют на решительность учеников, студентов и родителей в выборе китайского языка как первый или второй иностранный язык.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- 当代白俄罗斯与中国语言政策对比分析[D]. 天津大学,2015. [Лизавета Пушкинская. Сравнительный анализ языковой политики современных Республики Беларусь и КНР. науч. рук. Ду Фан; Даляньский технологический университет. – М., 2021. – 26 с.]
- 赵会荣. 中白教育合作的现状与前景[J].俄罗斯学刊,2017, (05):54-60. [Чжао Хуэйжун. Текущая ситуация и перспективы китайско-белорусского сотрудничества в области образования. // Русский Журнал. 2017. №5. 54 с.]
- 王哲.白俄罗斯东方学发展概观[J].焦作大学学报·2007(4):4 [Ван Чжэ. Обзор развития востоковедения в Беларуси. // Научный журнал Университета Цзяоцзуо. 2007. №4. 4 с.]
- Криштапович Л.Е., Филиппов А.А. Стратегия взаимодействия/ Белорусско-китайское партнерство и интеграция. Белорусская думка. – 2012. – №1. – 29–30 с.
- Марисич К. В., Пилипенко С. А. Языковая политика Беларуси в разные исторические периоды // – М.: БрГУ имени А. С. Пушкина, 2018. – 122 с.
- Буев А.Л., Буховец О.Г. Государственный билингвизм. Положение русских и русскоязычие в Республике Беларусь. // Современная Европа. 2018. №3. 81 с.
- Баранова Н.Б. Китайский язык в системе образования Республики Беларусь // Вынікі Года адукацыі Беларусі ў Кітаі. 2019. № 6. 32 с.
- Ян Синцзюнь Послы мира из Китая. О деятельности институтов Конфуция в Беларуси // Белорусская думка. – 2018. – №7. – 97 с.
- 李宝贵, 李辉.«一带一路»沿线国家孔子学院发展现状、问题及对策研究——以白俄罗斯孔子学院为案[J]辽宁师范大学学报(社会科学版),2016(6):11 [Ли Баогуй, Ли Хуэй. Исследование состояния развития, проблем и мер противодействия Институтам Конфуция в странах вдоль «Пояса и пути» - На примере Белорусского Института Конфуция // Журнал Ляонинского педагогического университета (издание по общественным наукам). 2016. № 6. 11 с.]
- 娜吉亚. 白俄罗斯小学初级汉语教学的调查与分析[D]. 天津大学,2015. [Нагия. Исследование и анализ элементарного преподавания китайского языка в начальных школах Беларуси. науч. рук. Ван Юфэн; Тяньцзиньский университет. – М., 2012. – 6 с.]

REFERENCES

- 当代白俄罗斯与中国语言政策对比分析[D]. 天津大学,2015. [*Lizaveta Pushkinskaya*. *Sravnitel'nyj analiz yazykovoj politiki sovremennyh Respubliki Belarus' i KNR*. nauch. ruk. Du Fan; Dal'yan'skij tekhnologicheskij universitet. – M., 2021. – 26 s.]
- 赵会荣. 中白教育合作的现状与前景[J].俄罗斯学刊,2017, (05):54-60. [*CHzhao Huejzhun*. *Tekushchaya situaciya i perspektivy kitajsko-belorusskogo sotrudnichestva v oblasti obrazovaniya*. // *Russkij Zhurnal*. 2017. №5. 54 s.]
- 王哲.白俄罗斯东方学发展概观[J].焦作大学学报, 2007(4):4 [*Van CHzhe*. *Obzor razvitiya vostokovedeniya v Belarusi*. // *Nauchnyj zhurnal Universiteta Czyaoczuo*. 2007. №4. 4 s.]
- Krishtapovich L.E., Filippov A.A.* *Strategiya vzaimodejstviya/ Belorussko-kitajskoe partnerstvo i integraciya*. Belorusskaya dumka. – 2012. – №1. – 29–30 s.
- Marisich K.V., Pilipenko S.A.* *Yazykovaya politika Belarusi v raznye istoricheskie periody* // – M.: BrGU imeni A. S. Pushkina, 2018. – 122 s.
- Buev A.L., Buhovec O.G.* *Gosudarstvennyj bilingvizm. Polozhenie russkih i russkoyazychie v Respublike Belarus'*. // *Sovremennaya Evropa*. 2018. №3. 81 s.
- Baranova N.B.* *Kitajskij yazyk v sisteme obrazovaniya Respubliki Belarus'* // *Vyniki Goda adukacyi Belarusi ŷ Kitai*. 2019. № 6. 32 s.
- YAn Sinczyun'* *Posly mira iz Kitaya. O deyatel'nosti institutov Konfuciya v Belarusi* // *Belorusskaya dumka*. – 2018. – №7. – 97 s.

李宝贵, 李辉.«一带一路»沿线国家孔子学院发展现状、问题及对策研究——以白俄罗斯孔子学院为案[J]辽宁师范大学学报(社会科学版),2016(6):11 [Li Baoguj, Li Huej. Issledovanie sostoyaniya razvitiya, problem i mer protivodejstviya Institutam Konfuciya v stranah vdol' «Poyasa i puti» - Na primere Belorusskogo Instituta Konfuciya // ZHurnal Lyaoninskogo pedagogicheskogo universiteta (izdanie po obshchestvennym naukam). 2016. № 6. 11 s.]

娜吉亚. 白俄罗斯小学初级汉语教学的调查与分析[D]. 天津大学,2015. [Nagiya. Issledovanie i analiz elementarnogo prepodavaniya kitajskogo yazyka v nachal'nyh shkolah Belarusi. nauch. ruk. Van YUfen; Tyan'czin'skij universitet. – M., 2012. – 6 s.]

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ / INFORMATION ABOUT THE AUTHORS

Цзян Шиван, магистр в области «Международных отношений». Далянь, КНР. E-mail: ozodbek.abdurasulov@bk.ru
Jiang Shiwang, Master of International Relations. Dalian, China. E-mail: ozodbek.abdurasulov@bk.ru

Проблемные аспекты взаимоотношений Украины и Польши и возможные сценарии их развития

А. Ягмыров

*Российский университет дружбы народов, Москва, Россия
1032185304@pfur.ru*

Аннотация. Объектом изучения настоящей статьи являются украино-польские отношения с учетом противоречий, исторически накопившихся между этими странами в течение последних десятилетий. Польша, исторически стремясь вовлечь Украину в свою внешнеполитическую орбиту и тем самым увеличить свой вес в ЕС и НАТО, всячески поддерживала оба украинских Майдана (2004 и 2014 гг.) и критиковала Россию. Последовательно заявляя о необходимости расширения санкций против России, Польша окончательно пришла к самопозиционированию в качестве главной «русофобской силы» в Европе. В статье также анализируется роль польского национального меньшинства на Украине. Сегодня на Украине оно занимает в структуре польско-украинского сотрудничества важное место. От качества межгосударственных отношений зависит возможность реализации потребностей польского меньшинства. Также межгосударственное сотрудничество способствует установлению контактов между польским и украинским обществами в целом. За последние два десятилетия Польша и Украина предприняли ряд мер по сближению, в результате которых появились возможности безвизового пересечения границы гражданами Польши и Украины, легальной сезонной занятости для граждан Украины в Польше, сеть польских консульских учреждений на Украине, развитое международное железнодорожное и автобусное сообщение. По данным Института общественных дел Польши, каждый десятый гражданин Украины посетил Польшу после 1991 г. Однако, это же обстоятельство привело и к тому, что львиная доля оттока наиболее экономически активной и образованной части населения Украины приходится именно на Польшу. Еще одним немаловажным аспектом политических отношений Польши и Украины является политика безопасности. Сотрудничество Польши и Украины в сфере безопасности имело своей целью расширение НАТО на восток и последующую интеграцию Украины в структуры Североатлантического альянса. В то же время подобная политика на практике уже привела к тяжелейшей эскалации на европейском континенте как минимум с момента инициированных НАТО бомбардировок Югославии в марте 1999 г., как максимум – и вовсе после с момента окончания Второй мировой войны в Европе. Все обозначенные выше векторы украино-польских взаимоотношений содержат в себе серьезные противоречия, исторические корни которых уходят в XX в., а, возможно, даже в XVII в. С применением в рамках исследования методологии исторической и политической наук автор попытается выявить наиболее проблемные аспекты и предложить рабочие сценарии их развития.

Ключевые слова: Украина, Польша, международные отношения, история, безопасность, НАТО, ЕС.

Для цитирования: Ягмыров А. Проблемные аспекты взаимоотношений Украины и Польши и возможные сценарии их развития. Постсоветские исследования. 2022;4(5):405-412.

Problematic aspects of Ukraine-Poland relations and possible scenarios for their development

Arslan Yagmyrov

*RUDN University, Moscow, Russian Federation
1032185304@pfur.ru*

Abstract. The object of the study of this article is the Ukrainian-Polish relations, taking into account the contradictions that have historically accumulated between these countries over the past decades. Poland, historically striving to involve Ukraine in its foreign policy orbit and thereby increase its weight in the EU and NATO, strongly supported both Ukrainian Maidan (2004 and 2014) and criticized Russia. Consistently declaring the need to expand sanctions against Russia, Poland has finally come to self-position as the main «Russophobic Power» in Europe. The article also analyzes the role of the Polish national minority in Ukraine. Today in Ukraine it occupies an important place in the structure of Polish-Ukrainian cooperation. The possibility of realizing the needs of the Polish minority depends on the quality of interstate relations. Interstate cooperation also contributes to the establishment of contacts between Polish and Ukrainian societies in general. Over the past two decades, Poland and Ukraine have taken a number of measures for rapprochement, as a result of which there were opportunities for visa-free border crossing by citizens of Poland and Ukraine, legal seasonal employment for citizens of Ukraine in Poland, a network of Polish consular offices in Ukraine, developed international rail and bus services. According to the Institute of Public Affairs of Poland, every tenth citizen of Ukraine visited Poland after 1991. However, the same circumstance has also led to the fact that the lion's share of the outflow of the most economically active and educated part of the population of Ukraine falls on Poland. Another important aspect of the political relations between Poland and Ukraine is the security policy. Cooperation between Poland and Ukraine in the field of security was aimed at the expansion of NATO to the east and the subsequent integration of Ukraine into the structures of the North Atlantic Alliance. At the same time, such a policy in practice has already led to a severe escalation on the European continent at least since the NATO-initiated bombing of Yugoslavia in March 1999 and at most after the end of World War II in Europe. All the vectors of Ukrainian-Polish relations outlined above contain serious contradictions, the historical roots of which go back to the twentieth, and perhaps even to the XVII century. Using the methodology of historical and political sciences in the framework of the study, the author will try to identify the most problematic aspects and propose working scenarios for their development.

Keywords: Ukraine, Poland, international relations, history, security, NATO, EU.

For citation: Arslan Yagmyrov Problematic aspects of Ukraine-Poland relations and possible scenarios for their development. *Postsovetskie issledovaniya – Post-Soviet Studies*. 2022;4(5):405-412. (In Russ.)

«Войны памяти» в украинско-польских отношениях

Отношения между Украиной и Польшей осложняются некоторыми проблемами, которые в последнее время усугубляются внутренними и внешними факторами. Особенно болезненными в общественном сознании были и остаются взаимные претензии и обвинения, связанные с противостоянием украинцев и поляков во время Второй мировой войны (Волынская трагедия) и печально известной Висленской операцией.

Причины и последовательность печально известных событий, а также масштабы волынских событий: от 30 тыс. до 100 тыс. (по другим данным – до 500 тыс. [Мотука 2011: 14] погибших поляков, по данным польской стороны, и от 15 до 20

тыс. по оценкам украинских историков, остаются противоречивыми для ученых и политиков [Боляновський 2018: 131]. Даже названия этих событий различаются в украинской и польской историографии (Волынская трагедия и Волынская резня соответственно). Новаторские попытки понять масштабы трагедии были предприняты в 1992 г., когда польская делегация прибыла на Украину для проведения полевых исследований.

С 1997 г. на Украине также начались исторические поиски по этой теме в рамках Правительственной комиссии по проблеме ООН-МАУ. Кроме того, с конца 1990-х гг. совместная комиссия украинских и польских историков активно занимается исследованиями по этой теме. Работа этой комиссии выявила радикальные различия в

интерпретации и оценке масштабов трагедии польскими и украинскими специалистами, в частности, тенденцию к преувеличению или преуменьшению числа жертв с обеих сторон, а также споры относительно последовательности событий и причинно-следственных связей. Несмотря на существующие разногласия, на политическом уровне были достигнуты некоторые компромиссы. Так, в 1997 г. было опубликовано Совместное заявление Президентов Украины и Республики Польша «За взаимопонимание и единство», где стороны согласились, что сокрытие и одностороннее толкование фактов не смягчат боль жертв и их родственников и не будут способствовать углублению взаимопонимания между нашими народами, а также подчеркнули важность преодоления горечи в исторической памяти многих украинцев и поляков¹.

В 2003 г. была принята еще одна Совместная декларация «О примирении в 60-ю годовщину трагических событий на Волыни», где оба президента воздали должное жертвам кровавых братоубийственных конфликтов и выразили сочувствие их семьям, а также подчеркнули необходимость совместного поиска исторической правды о трагедии на Волыни и публичного морального осуждения виновных в преступлениях, совершенных против украинского и польского народов [Siedemdziesiąta rocznica 2017].

Несмотря на позитивные шаги на пути к историческому примирению, дальнейший путь к этому процессу был довольно неоднозначным. Так, в июле 2009 г. Сейм Польши в своей резолюции заявил, что ОУН-УПА² в 1941–1943 гг. проводила антипольскую кампанию – массовые убийства этнического и геноцидного характера. Эта формулировка была повторена в 2013 г., когда Сейм Польши принял резолюцию, посвященную 70-летию Волынской трагедии. Этот документ был принят 263 голосами, 33 были «против», 146

воздержались. Более того, оппозиционные партии, члены которых проголосовали против или воздержались, подчеркнули жесткий вариант резолюции. Реакция Польши на присвоение С. Бандере звания «Герой Украины» в 2010 г. была неоднозначной. Например, Европейский парламент по представлению польских представителей официально выразил сожаление по поводу этого решения³. В то же время глава делегации

В последние годы желание украинской политической элиты помириться с Польшей в вопросе оценки исторических событий стало еще более значительным. Так, в 2014 г. президент Украины П. Порошенко во время выступления в польском парламенте выразил свои извинения за волынскую трагедию. А в начале июня 2016 г. известные украинцы, среди которых президенты Украины Л. Кравчук и В. Ющенко, глава УПЦ т.н. Киевского Патриархата Филарет, глава Украинской греко-католической церкви С. Шевчук, обратились с открытым обращением к лидерам Польши и всему польскому обществу с извинениями за Волынская трагедия и призывает украинцев и поляков относиться друг к другу как к братьям.

Ответом на это обращение стало открытое письмо под названием «Братья-украинцы», опубликованное в польской прессе, подписанное 40 авторитетными представителями польского народа, среди которых три президента: Л. Валенса, А. Квасьневский и Б. Коморовский, многие польские политические, общественные и культурные лидеры и журналисты. В ответном письме польская сторона поблагодарила украинцев «ради того, чтобы не ограничивать их ответственность за несправедливости, совершенные поляками в 1940-х гг.», а также почтила память жертв «братоубийственных польско-украинских конфликтов» и извинилась за «несправедливости, причиненные» поляками нашим «братьям-украинцам».

¹ Спільна заява Президентів України і Республіки Польща "До порозуміння і єднання" // Верховна Рада України URL: https://zakon.rada.gov.ua/go/616_005 (дата обращения: 11.03.2022).

² Организация запрещена в РФ.

³ Joint Motion For A Resolution on the situation in Ukraine // European Parliament URL: https://www.europarl.europa.eu/doceo/document/RC-7-2010-0116_EN.html (дата обращения: 11.03.2022).

Несмотря на декларируемое стремление к примирению, оценка трагических событий на Волыни время от времени становится предметом спекуляций, как украинской, так и польской стороны. Например, в феврале 2016 г. лидер польской проправительственной партии «Право и справедливость» Я. Качиньский заявил в интервью одному из польских изданий, что во время Второй мировой войны украинцы «превзошли немцев в своей жестокости по отношению к полякам». Он также отметил, что чрезмерная «бандеризация» в стране может помешать евроинтеграционным процессам: «Это вопрос определенного выбора Украины. Я четко сказал господину Порошенко, что он не присоединится к Европе с Бандерой. Мне это ясно, и мы проявили столько терпения, но всему есть пределы»¹. Хотя очевидно, что это заявление не имеет ничего общего с официальной позицией Европейского союза, оно, тем не менее, демонстрирует способность польской политической элиты использовать методы шантажа для влияния на внутреннюю политику Украины. Такие взгляды в Польше не преобладают; есть много поляков, политических и научных элит, которые подчеркивают право Украины быть независимой и свободной в оценке своего прошлого и в решении своего будущего. Тем не менее, некоторые эксперты из Европы и, по сути, с Украины говорят, что необходимо пересмотреть историческую науку и исторические контексты, которые связаны с МАУ – в частности, «подрывную деятельность» Второй мировой войны и поиск другой позитивной интерпретации роли С. Бандеры в борьбе за независимость Украины.

Таким образом, было предпринято много успешных шагов для украинско-польского понимания, гармонизации и интерпретации общей истории. Однако результат в этом важном для обоих народов вопросе еще не достигнут. Стоит надеяться, что в будущем обе стороны найдут

возможность выработать и согласовать решение этой важной проблемы, которое будет согласовано обеими сторонами.

Еще одним проблемным вопросом двусторонних отношений является обустройство мест национальной памяти, особенно кладбищ жертв войны и политических репрессий. В 1994 г. было подписано Межправительственное соглашение об охране мест памяти и захоронения жертв войны и политических репрессий². Подписание этого документа ускорило процесс организации охраны мест национальной памяти. Так, в 2000 г. в Харькове был открыт Мемориальный комплекс польским офицерам, расстрелянным НКВД в 1940 г. Более сложным был вопрос с захоронением львовской Орляты на Лычаковском кладбище Львова. Желание польской стороны восстановить польские исторические пантеоны на украинской территории было воспринято украинским населением как требование поляков вернуться на «кресийскую землю».

Более 10 лет продолжались сложные польско-украинские переговоры, которые продемонстрировали диаметрально разные взгляды сторон на проблему реконструкции и открытия комплекса. Наконец, в июне 2005 г. при участии президентов Польши и Украины на Лычаковском кладбище были открыты Мемориал погибших солдат Украинской Галицкой армии и Мемориал Орляте. Долгое время ситуация с украинскими захоронениями в Польше оставалась сложной. За более чем полвека были уничтожены целые кладбища и могилы с украинской символикой. Обелиск жертвам операции «Висла» рассматривался как незаконный, могилы солдатам МАУ с соответствующими надписями считались уничтоженными, таблички были демонтированы³. Однако времена

¹ Україна з Бандерою до Європи не увійде – Качинський // URL: <https://www.eurointegration.com.ua/news/2017/02/6/7061227/> (дата обращения: 11.03.2022).

² Угода між Урядом України і Урядом Республіки Польща про збереження місць пам'яті і поховання жертв війни та політичних репресій // Верховна Рада України URL: https://zakon.rada.gov.ua/go/616_014 (дата обращения: 11.03.2022).

³ Воїнам УПА чи «повстанцям»? Як поляки реагують на меморіальні написанням Республіки Польща про

изменились, и с 1989 г. украинские общины в Польше начали постепенно восстанавливать такие захоронения. Так, в конце 1990-х и начале 2000-х гг. было восстановлено военное кладбище сечевых стрелцов в Пикуличе, недалеко от Перемышля. В 2000 г. здесь были перезахоронены 47 солдат МАУ, сосланных из других деревень. С 1995 г. украинская община в Перемышле пыталась упорядочить заброшенное кладбище с украинскими захоронениями в селе Павлоком.

После многолетних усилий в 2006 г. при участии президентов обеих стран был открыт мемориальный комплекс, посвященный жителям деревни Павлокомы, убитым в 1945 г. армией Крайовы. Поиск и упорядочение украинских захоронений в Польше осуществляется усилиями украинской общины Польши и волонтеров, поскольку Украина не выделяет значительных средств на этот процесс. Следовательно, речь не идет о составлении полного реестра украинских захоронений в Польше. Тем не менее, украинская сторона многое сделала для восстановления памяти погибших и организации украинских захоронений на польской территории.

Учитывая исследования, изложенные в этой части, можно сделать следующий вывод. При наличии политической воли и последовательности решений Украина и Польша способны преодолеть существующие противоречия и еще больше укрепить сотрудничество в различных сферах межгосударственных отношений.

Ирредентизм Польши на Западной Украине в контексте языковой политики Киева.

Еще одним проблемным вопросом является обеспечение прав украинцев в Польше и поляков на Украине. Сегодня в Польше проживает примерно 145 тыс. поляков, по разным данным от 150 тыс. до 500 тыс. украинцев постоянно проживают, а также более 800 тыс. рабочих находятся на польской территории. Из-за переселения и

изменения границ после Второй мировой войны польские и украинские меньшинства обычно не живут близко к границе и не составляют большинства ни в одной территориальной единице, что нетипично для Центральной и Восточной Европы.

Поскольку функционирование украинской общины в Польше и Польши на Украине является сложным вопросом и требует отдельного изучения, стоит рассмотреть лишь несколько узких вопросов, например, в Польше действует несколько десятков украинских неправительственных организаций, крупнейшими из которых являются Украинская ассоциация поляков, Союз украинцев в Подляшье, Ассоциация Лемко, Украинское общество, Ассоциация учителей Украины, Фонд украинской культуры, Союз украинских женщин Польши. В Польше насчитывается 5 комплексов школ с изучением определенных предметов на украинском языке, а также 140 единиц обучения украинскому языку. С 2007 г. в Варшаве действует междугородняя школа украинского языка. Там учатся более 100 детей трудовых мигрантов с Украины и из украинских семей польских граждан. В связи с событиями на Востоке Украины значительно увеличилось число украинцев, работающих или обучающихся в Польше. Хотя украинцы работают в основном на низкоквалифицированных должностях – в строительстве, сфере услуг и торговли, сельском хозяйстве и производстве, в последнее время увеличилось количество специалистов в области IT-технологий, врачей и других¹.

Население и руководство Польши в целом положительно относятся к потоку украинских мигрантов, и этому есть несколько причин: экономика страны стремительно развивается, страна уже несколько лет переживает демографический спад, а украинцы близки полякам культурно и ментально. Кроме того, украинцы частично заполнили демографические ниши поляков, которые возникли, когда миллионы

збереження місць пам'яті і поховання жертв війни та політичних репресій // Українська правда URL: <http://www.istpravda.com/> (дата обращения: 11.03.2022).

¹ The Language Issue In Ukraine An Attempt At A New Perspective // OSW URL: http://aei.pitt.edu/58393/1/prace_40_en_0.pdf (дата обращения: 11.03.2022).

польских граждан покинули страну в поисках лучшей жизни, в основном в Западную Европу. Однако вопрос трудовой миграции украинцев в Польшу в последнее время приобрел политический характер.

Так, с середины 2015 г. польские политики начали использовать термин «беженец» по отношению к украинцам, приехавшим в Польшу на заработки. В первую очередь это было связано с попытками избежать квот на расселение беженцев из Азии и Африки. Однако после переговоров между двумя странами на дипломатическом уровне и публикаций в польских СМИ о том, что только 18 украинцев фактически получили статус беженца в 2015–2016 гг., польские политики стали избегать подобных штампов. Фактор украинства как угроза польским националистам и радикальным силам, которые протестуют против присутствия любых иностранцев в стране, все еще используется. В польских СМИ часто появляются публикации о том, что трудовые мигранты с Украины привозят в Польшу инфекционные заболевания, многие из которых являются бывшими преступниками, что украинцы сбрасывают оплату труда в Польше и забирают рабочие места у поляков¹.

Все это усугубляет сложные отношения между украинцами и поляками и требует комплексного, умеренного решения для снижения напряженности между представителями наших народов. Что касается польского этнического меньшинства на Украине, то оно сталкивается с меньшими проблемами. С конца 1980-х гг. на Украине функционируют более 50 польских неправительственных организаций, среди которых следующие: Союз польских поляков, Польское общество польской культуры, Польское культурно-просветительское общество в Тернополе,

Общество возрождения польской культуры им. Я. Славского в Кременце, Общество польской культуры им. А. Мицкевича в Киеве, Общество польской культуры им. А. Мицкевича в Черновцах, Фонд Ф. Общество польской культуры имени Карпинского в Ивано-Франковске, Общество польской культуры Волынского края имени Евы Филинской в Луцке, Общество польской культуры имени Владислава Станислава Реймонта в Ровно и другие.

В настоящее время самой большой проблемой, которая волнует польскую общину на Украине, является «языковой» вопрос – Закон «Об образовании», принятый в сентябре 2017 г., запрещает преподавание на языках национальных меньшинств и коренных народов. Остается только возможность создать классы в украинских школах, где обучение будет вестись на языке национального меньшинства наряду с государственным языком. Изучение языка коренных народов или национальных меньшинств гарантируется в школах или через национальные культурные общества. Этот закон вызвал неоднозначную реакцию в мировом сообществе. Как ни странно, позиция Польши в этом отношении была умеренной. В заявлении Министерства иностранных дел Польши говорится, что изменения в украинском законодательстве не стали неожиданностью для польской стороны, но министерство будет внимательно следить за выполнением закона и примет все необходимые меры, чтобы поляки на Украине могли учиться на своем родном языке. Такая умеренная реакция, вероятно, связана с относительно небольшим числом студентов (1785 человек), изучающих польский язык. Следовательно, проблемы, с которыми сталкивается украинская диаспора в Польше и польская диаспора на Украине, совершенно различны по своему характеру [Delwaide 2020: 32-33].

Таким образом, решение вышеотмеченных проблем в первую очередь связано с политической ситуацией внутри страны. Положительным моментом является культурная и ментальная целостность украинцев и поляков, которая позволяет им

¹ Mediated Europe's Discourse and Power in Ukraine, Russia and Poland during Euromaidan // SÖDERTÖRN DOCTORAL DISSERTATIONS URL: <https://www.diva-portal.org/smash/get/diva2:1158959/FULLTEXT02> (дата обращения: 11.03.2022).

вполне комфортно сосуществовать в рамках национальных сообществ.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Delwaide J.* (2020). Identity and Geopolitics: Ukraine's Grappling with Imperial Legacies. *Harvard Ukrainian Studies*. 32-33.
- Motyka G.* *Od rzezi wołyńskiej do Akcji «Wisła»*. *Konflikt polsko-ukraiński 1943–1947*. Kraków, 2011. P. 14.
- Siedemdziesiąta rocznica zbrodni wołyńskiej: brak zrozumienia na Ukrainie // PISM URL: [https://www.files.ethz.ch/isn/167710/Biuletyn%20PISM%20nr%2075%20\(1051\),%2017%20lipca%202013%20r.pdf](https://www.files.ethz.ch/isn/167710/Biuletyn%20PISM%20nr%2075%20(1051),%2017%20lipca%202013%20r.pdf)
- Боляновський А.* Проблема кількості польських жертв Волинської трагедії 1943 року, Україна-Польща: історична спадщина і суспільна свідомість. Вип. 6(2018). 131.
- Васильева Г.М.* «Войны памяти» в измерении эпохи. В сборнике: *Война и личность: роль и место личности в истории войн. материалы Всероссийской (с международным участием) научной конференции, посвященной 100-летию Брусиловского прорыва*. Под редакцией В. И. Баяндина и А. В. Запорожченко. 2016. С. 44-47.
- Кондорский Б.М.* Характер восприятия волинской резни современными украинскими историками. В сборнике: *Военная история России: проблемы, поиски, решения. материалы Международной научной конференции, посвященной 75-летию Победы в Великой Отечественной войне: в 3 ч.* 2020. С. 127-136.
- Котиева В.М.* Героизация «подвигов» ОУН-УПА в учебниках истории Украины после 2014 г. В сборнике: *Войны памяти вместо памяти о войне: исторические уроки прошлого и политические вызовы современности. сборник материалов Всероссийской научно-практической конференции с международным участием, посвященной 80-й годовщине начала Великой Отечественной войны*. Ростов-на-Дону, 2021. С. 149-154.
- Курьлев К.П.* Польша как провайдер Украины в Европу: ожидания и разочарования // В сборнике: *Современный мир и национальные интересы Республики Беларусь. Материалы международной научной конференции*. Редколлегия: Е.А. Достанко (гл. ред.) [и др.]. Минск, 2021. С. 191-197.
- Лагно А.Р.* Память, история, политика в Польше и на Украине: подходы к интерпретации переселенческо-депортационных акций 1944-1947 гг. В книге: *Славянский мир: общность и многообразие. Тезисы конференции молодых ученых в рамках Дней славянской письменности и культуры*. Отв. редакторы Е.С. Узенёва, О.В. Хаванова. 2020. С. 126-131.
- Левченков А.С.* Исторический ревизионизм и память о Великой Отечественной Войне в геополитическом противостоянии на западном фланге постсоветского пространства // *Постсоветские исследования*. 2021. Т. 4. № 7. С. 581-590.
- Левченков А.С.* Политика памяти в контексте внешнеполитического курса Украины в 2014 - начале 2019 г. *Россия и современный мир*. 2019. № 4 (105). С. 111-126.
- Лыкошина Л.С.* Волинская трагедия в общественном дискурсе современной Польши // *Актуальные проблемы Европы*. 2017. № 3. С. 40-60.
- Миллер А.И.* Политика строительства нации-государства на Украине // *Политическая наука*. 2010. № 1. С. 76-99.
- Неменский О.Б.* «Волинская резня» и польско-украинские противоречия в исторической политике // *Вопросы национализма*. 2016. № 2 (26). С. 11-24.
- Пылова О.А.* Ирредентизм Венгрии, Польши и Румынии на Западной Украине в контексте языковой политики Киева // *Гуманитарные науки. Вестник Финансового университета*. 2019. Т. 9. № 6 (42). С. 138-142.
- Чекаленко Л.* Україна і Республіка Польща: від історичних стереотипів до стратегічного партнерства / Л. Чекаленко // *Зовнішні справи*. – 2016. – № 3–4. – С. 26 – 31.

REFERENCES

- Bolyanovs'kij A.* Problema kil'kosti pol's'kih zhertv Volins'koї tragedii 1943 roku, Ukraїna-Pol'shcha: istorichna spadshchina i suspil'na svidomist'. Vip. 6(2018). 131.

- CHekalenko L.* Ukraïna i Respublika Pol'shcha: vid istorichnih stereotipiv do strategichnogo partnerstva / L. CHekalenko // *Zovnishni spravi.* – 2016. – № 3–4. – S. 26 – 31.
- Delwaide J.* (2020). Identity and Geopolitics: Ukraine's Grappling with Imperial Legacies. *Harvard Ukrainian Studies.* 32-33.
- Kondorskij B.M.* Harakter vospriyatiya volynskoj rezni sovremennymi ukrainskimi istorikami. V sbornike: *Voennaya istoriya Rossii: problemy, poiski, resheniya. materialy Mezhdunarodnoj nauchnoj konferencii, posvyashchennoj 75-letiyu Pobedy v Velikoj Otechestvennoj vojne: v 3 ch.* 2020. S. 127-136.
- Kotieva V.M.* Geroizaciya «podvigov» OUN-UPA v uchebnikah istorii Ukrainy posle 2014 g. V sbornike: *Vojny pamyati vmesto pamyati o vojne: istoricheskie uroki proshlogo i politicheskie vyzovy sovremennosti. sbornik materialov Vserossijskoj nauchno-prakticheskoy konferencii s mezhdunarodnym uchastiem, posvyashchennoj 80-j godovshchine nachala Velikoj Otechestvennoj vojny.* Rostov-na-Donu, 2021. S. 149-154.
- Kurylev K.P.* Pol'sha kak provajder Ukrainy v Evropu: ozhidaniya i razocharovaniya // V sbornike: *Sovremennyy mir i nacional'nye interesy Respubliki Belarus'. Materialy mezhdunarodnoj nauchnoj konferencii.* Redkollegiya: E.A. Dostanko (gl. red.) [i dr.]. Minsk, 2021. S. 191-197.
- Lagno A.R.* Pamyat', istoriya, politika v Pol'she i na Ukraine: podhody k interpretacii pereselenchesko-deportacionnyh akcij 1944-1947 gg. V knige: *Slavyanskij mir: obshchnost' i mnogoobrazie. Tezisy konferencii molodyh uchennyh v ramkah Dnej slavyanskoj pis'mennosti i kul'tury.* Otv. redaktory E.S. Uzenyova, O.V. Havanova. 2020. S. 126-131.
- Levchenkov A.S.* Istoricheskij revizionizm i pamyat' o Velikoj Otechestvennoj Vojne v geopoliticheskom protivostoyanii na zapadnom flange postsovetskogo prostranstva // *Postsovetskie issledovaniya.* 2021. T. 4. № 7. S. 581-590.
- Levchenkov A.S.* Politika pamyati v kontekste vneshnepoliticheskogo kursa Ukrainy v 2014 - nachale 2019 g. *Rossiya i sovremennyy mir.* 2019. № 4 (105). S. 111-126.
- Lykoshina L.S.* Volynskaya tragediya v obshchestvennom diskurse sovremennoj Pol'shi // *Aktual'nye problemy Evropy.* 2017. № 3. S. 40-60.
- Miller A.I.* Politika stroitel'stva nacji-gosudarstva na Ukraine // *Politicheskaya nauka.* 2010. № 1. S. 76-99.
- Motyka G.* Od rzezi wołyńskiej do Akcji «Wisła». *Konflikt polsko-ukraiński 1943–1947.* Kraków, 2011. P. 14.
- Nemenskij O.B.* «Volynskaya reznya» i pol'sko-ukrainskie protivorechiya v istoricheskoy politike // *Voprosy nacionalizma.* 2016. № 2 (26). S. 11-24.
- Pylova O.A.* Irredentizm Vengrii, Pol'shi i Rumynii na Zapadnoj Ukraine v kontekste yazykovoj politiki Kieva // *Gumanitarnye nauki. Vestnik Finansovogo universiteta.* 2019. T. 9. № 6 (42). S. 138-142.
- Siedemdziesiąta rocznica zbrodni wołyńskiej: brak zrozumienia na Ukrainie // PISM URL: [https://www.files.ethz.ch/isn/167710/Biuletyn%20PISM%20nr%2075%20\(1051\),%2017%20lipca%202013%20r.pdf](https://www.files.ethz.ch/isn/167710/Biuletyn%20PISM%20nr%2075%20(1051),%2017%20lipca%202013%20r.pdf)
- Vasil'eva G.M.* «Vojny pamyati» v izmerenii epohi. V sbornike: *Vojna i lichnost': rol' i mesto lichnosti v istorii vojn. materialy Vserossijskoj (s mezhdunarodnym uchastiem) nauchnoj konferencii, posvyashchennoj 100-letiyu Brusilovskogo proryva.* Pod redakciej V. I. Bayandina i A. V. Zaporozhchenko. 2016. S. 44-47.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ / INFORMATION ABOUT THE AUTHORS

Ягмыров Арслан, магистр в области **Arslan Yagmyrov**, Master of International «Международных отношений». Москва, Relations. Moscow, Russia. E-mail: Россия. E-mail: 1032185304@pfur.ru 1032185304@pfur.ru

**КНР НА ПОСТСОВЕТСКОМ ПРОСТРАНСТВЕ /
PRC IN THE POST-SOVIET SPACE**

Научная статья / Research article

Инфраструктурное сотрудничество КНР со странами СНГ в условиях реализации инициативы «Один пояс - один путь»

Лю Янь (Китай)

*Российский университет дружбы народов, Москва, Россия
E-mail: 1032204985@rudn.ru*

Аннотация. Политико-экономическая актуальность темы данной статьи заключается в том, что в текущий исторический момент происходит значительное укрепление двусторонних отношений между КНР и СНГ – прежде всего, в логистическом и торговом измерениях. Кроме того, на фоне торговой войны между США и КНР, укрепление сотрудничества по линии «Пояса и пути» позиционируется специалистами в области международных отношений (как китайскими, так и зарубежными) как сигнал об увеличивающемся «удельном весе» альтернативных центров экономической силы и, как следствие, приобретает серьезный геополитический подтекст. В то же время важно оценить позитивные и негативные факторы усиления сотрудничества по линии «Один пояс – один путь», поскольку РФ и КНР имеют собственное понимание целей участия в программе и не всегда сходятся в оценке тех или иных процессов. Аналогичным образом следует оценивать и реализацию проекта через вектор КНР-СНГ. В этом ключе глобальная инициатива КНР может иметь двойственное влияние: с одной стороны, способствовать консолидации и экономическому развитию (в том числе на евразийском пространстве), а с другой стороны, послужить поводом для навязывания неоднозначных инициатив и постепенно превратить РФ в «промежуточное логистическое звено» между КНР и странами Европы, не имеющее серьезного влияния на развитие «Один пояс, один путь». Таким образом, в качестве объекта нашего небольшого исследования выступает глобальная китайская инициатива «Один пояс, один путь», предметом же является феномен взаимодействия СНГ и КНР в рамках инфраструктурной реализации инициативы. КНР получила значительные преимущества от процесса глобализации, став инвестором и экономическим партнером для многих стран мира. Россия и страны СНГ – примеры таких государств. Сотрудничество с ними помогает Китаю в реализации стратегии «Один пояс, один путь». В свою очередь, эти страны также выигрывают от участия в реализации проектов инициативы. Безусловно, «Один пояс, один путь» за счет повышения потенциала Центральной Азии позволит ей выйти на качественно новый уровень. Китайская инициатива создает также новые возможности и для российской экономики. В рамках настоящего исследования, посредством применения методологии экономической науки (метод экономического анализа и метод статистики) и политологии (метод политанализа) выявим ключевые точки соприкосновения между странами СНГ и КНР через призму инфраструктурного сотрудничества. Ключевые слова: КНР, «Один пояс – один путь», СНГ, Россия, инфраструктура, экономика.

Для цитирования: Лю Янь Инфраструктурное сотрудничество КНР со странами СНГ в условиях реализации инициативы «Один пояс - один путь». Постсоветские исследования. 2022;4(5):413-422.

China's infrastructural cooperation with CIS countries in the context of the implementation of the "One Belt, One Road" initiative

Liu Yan (China)

*Heilongjiang University of Technology and Business, Harbin, PRC
e-mail: 1032204985@rudn.ru*

Abstract. The political and economic relevance of the topic of this article lies in the fact that at the current historical moment there is a significant strengthening of bilateral relations between China and the CIS - primarily in the logistics and trade dimensions. In addition, against the background of the trade war between the United States and China, the strengthening of cooperation along the "Belt and Road" is positioned by experts in the field of international relations (both Chinese and foreign) as a signal of the increasing "share" of alternative centers of economic power and, as a result, acquires a serious geopolitical implication. At the same time, it is important to assess the positive and negative factors of strengthening cooperation along the "One Belt, One Road" line, since the Russian Federation and China have their own understanding of the goals of participation in the program and do not always agree on the assessment of certain processes. Similarly, the implementation of the project through the PRC-CIS vector should be evaluated. In this vein, the global initiative of the PRC can have a dual impact: on the one hand, it can contribute to consolidation and economic development (including in the Eurasian space), and on the other hand, it can serve as a reason for imposing ambiguous initiatives and gradually turn the Russian Federation into an "intermediate logistics link" between the PRC and European countries, which does not have a serious impact. for the development of "One belt, one Way". Thus, the object of our small study is the global Chinese initiative "One Belt, One Road", the subject is the phenomenon of interaction between the CIS and China within the framework of the infrastructure implementation of the initiative. The PRC has received significant benefits from the process of globalization, becoming an investor and an economic partner for many countries of the world. Russia and the CIS countries are examples of such states. Cooperation with them helps China to implement the "One Belt, One Road" strategy. In turn, these countries also benefit from participating in the implementation of the initiative's projects. Of course, the "One Belt, One Road" by increasing the potential of Central Asia will allow it to reach a qualitatively new level. The Chinese initiative also creates new opportunities for the Russian economy. Within the framework of this study, through the application of the methodology of economic science (the method of economic analysis and the method of statistics) and political science (the method of political analysis), we will identify the key points of contact between the CIS countries and the PRC through the prism of infrastructure cooperation.

Keywords: China, "One Belt – One Road", CIS, Russia, infrastructure, economy.

For citation: Liu Yan. China's infrastructural cooperation with CIS countries in the context of the implementation of the "One Belt, One Road" initiative. *Postsovetskie issledovaniya = Post-Soviet Studies*. 2022;4(5):413-422. (In Russ.)

Сотрудничество в сфере инфраструктурного строительства

Взаимозависимость, инклюзивность и сотрудничество являются тенденциями общего развития человеческой истории. В процессе построения сообщества с общим будущим для человечества инициатива «Один пояс, один путь» вносит свой вклад в китайские решения и китайскую мудрость. Инфраструктура является важной отправной точкой и приоритетной областью инициативы «Один пояс, один путь». Инициатива «Один пояс, один путь» направлена на оптимизацию и совершенствование региональных производственных сетей путем содействия строительству инфраструктуры, содействия

эффективному распределению ресурсов, глубокой интеграции рынков и свободному и упорядоченному потоку экономических факторов. Привержены сокращению экономических издержек, улучшению условий жизни людей, содействию инвестициям и потреблению, а также повышению производительности, с тем чтобы укрепить политическое общение, связывание объектов инфраструктуры, беспрепятственную торговлю, финансирование торговых сделок и связь между народами на маршруте.

Инфраструктура в зоне инициативы «Один пояс, один путь» должна быть относительно полной и может удовлетворить потребности экономического

развития и жизни людей в плане транспорта, электричества, связи и энергии. Роль строительства инфраструктуры в содействии экономическому развитию очевидна. Для региона СНГ с несовершенной инфраструктурой более важным является строительство инфраструктуры, позволяющей его экономике развиваться долгосрочным и устойчивым образом. Только достаточно развитая инфраструктура, особенно в транснациональных регионах, может удовлетворить потребности в создании эффективных зон свободной торговли и реализовать недорогой поток ресурсов. В транспортном отношении необходимо уделить первоочередное внимание строительству узловых транспортных узлов, всемерно расширить всестороннюю кооперацию высокоскоростных железных дорог на сухопутных, морских путях, в

портах и на воздушных путях, ускорить строительство инфраструктуры в ключевых местах в ключевых транспортных районах. Что касается коммуникации, следует активно содействовать созданию коммуникационных сетей, укреплять строительство Информационного Шелкового пути и способствовать удобству и беспрепятственности обмена информацией между странами. Что касается энергетики, то следует содействовать совершенствованию и строительству межрегиональных линий электропередач, а также совместно содействовать преобразованию и модернизации региональных электрических сетей. В настоящее время инфраструктурные проекты, совместно строящиеся Китаем и странами СНГ, представлены в таблице: Таблице IX

Таблице 3. Проекты сотрудничества в области инфраструктуры между Китаем и странами СНГ (2021–2022)¹

Дата	Страна	Описание Проекта	Орган строительства
2022.1	Казахстан	Подписан контракт по проекту казахстанской электростанции	China National Chemical Engineering Co., Ltd.
2021.12	Узбекистан	Введена в эксплуатацию вторая фаза проекта строительства текстильной фабрики «Узбекистан Литай Интернэшнл»	Power Construction Corporation of China
2021.12	Грузия	China Road and Bridge и Бюро автомобильных дорог Министерства регионального развития и инфраструктурного строительства Грузии подписали коммерческий контракт на строительство международной скоростной автомагистрали Тбилиси-Бакурзих-Лагодика в Грузии	China Road & Bridge Corporation
2021.12	Россия	Открыто строительство Юго-Западного участка Третьей пересадочной линии Московского метрополитена в России	China Railway Construction Corporation Limited
2021.11	Кыргызстан	Подписан первый в Кыргызстане масштабный фотоэлектрический проект	China Railway Construction Corporation Limited
2021.11	Казахстан	Выиграл тендер на проект автомагистрали в Казахстане	Power Construction Corporation of China
2021.11	Узбекистан	Выиграл тендер на Государственный электросетевой проект Узбекистана	State Grid Corporation of China
2021.09	Украина	Подписан ЕРС-контракт для фотоэлектрического проекта «Украина Калолог».	China Energy Construction Group Co., Ltd.
2021.09	Беларусь	Выиграл тендер на проект городского водоснабжения в Червине, Беларусь	Power Construction Corporation of China
2021.08	Казахстан	Подписаны контракты на 6 мусоросжигательных электростанций в	China Railway Construction Corporation

¹ 中国一带一路网 (yidaiyilu.gov.cn) URL : https://www.yidaiyilu.gov.cn/info/iList.jsp?cat_id=11432

Лю Янь Инфраструктурное сотрудничество КНР со странами СНГ в условиях реализации инициативы «Один пояс - один путь»

		Казахстане	Limited
2021.08	Россия	Строительство железнодорожного моста Тунцзян Китайско-Российский Хэйлуцзян было завершено и открыто для движения.	China Railway Group Limited
2021.08	Россия	China Railway Construction Corporation Limited и Московский инженерный институт России подписали генеральный контракт на проектирование и строительство верхнего строения Мичуринского метрополитена и контракт на строительство верхнего строения метрополитена станции «Авиадвигатель».	China Railway Construction Corporation Limited
2021.08	Казахстан	Подписан контракт по вольфрамовому проекту Бакута в Казахстане	China Civil Engineering Construction Corporation
2021.08	Кыргызстан	Почти достроены два путепровода второй автомагистрали север-юг Кыргызстана	China Road & Bridge Corporation
2021.08	Россия	China Railway Construction Corporation Limited и российская Иркутская нефтегазовая корпорация подписали контракт на строительство первой фазы проекта инфраструктуры химического завода Иркутской нефтегазовой корпорации.	China Railway Construction Corporation Limited
2021.08	Россия	Выиграл тендер на Magni 2,5 млн тонн CDQ и проект очистки сточных вод в России	China Energy Construction Group Co., Ltd.
2021.07	Казахстан	Взялся за строительство Тургусонской ГЭС в Казахстане и сдал ее в эксплуатацию.	China Three Gorges Corporation
2021.07	Россия	Завершено строительство первого тоннеля Московского метрополитена.	China Railway Construction Corporation Limited
2021.06	Казахстан	Подписан контракт по проекту комплексной разработки природного газа в Сук, Казахстан.	China Camc Engineering Co., Ltd.
2021.06	Кыргызстан	Подписан контракт на проект расширения и реконструкции ГЭС в Кыргызстане.	China National Electric Engineering Co., Ltd.
2021.06	Узбекистан	China National Electric Engineering Co., Ltd. и Uzbekistan Water Conservancy & Energy Co., Ltd. официально подписали ЕРС-контракт по проекту каскадной гидроэлектростанции РСТ.	China National Electric Engineering Co., Ltd.
2021.06	Казахстан	Подъем всех вентиляторов ветряной электростанции мощностью 100 МВт в Занатасе, Казахстан, который был осуществлен подрядчиком, был завершен, и 40 единиц были успешно подключены к сети для выработки электроэнергии на полную мощность.	Power Construction Corporation of China
2021.05	Беларусь	Строительство Выставочного центра Китайско-Белорусского индустриального парка вступило в стадию возведения основных сооружений.	China Railway Construction Corporation Limited
2021.05	Россия	China Road and Bridge и правительство Узбекистана подписали коммерческий контракт по проекту «Коридор 2 Центральноазиатского регионального экономического сотрудничества 2 в Каракалпакстане». (Дорожный пакет 2)	China Road & Bridge Corporation
2021.04	Беларусь	Подписан контракт на белорусский проект «Выставочный центр Китайско-Белорусского индустриального парка».	China Railway Construction Corporation Limited
2021.04	Россия	Блоки №1 и №2 Зарчобской Первокласной ГЭС Узбекистана, которым Orient International предоставила комплекты электромеханического оборудования и соответствующие технические	Orient International (Holding) Co., Ltd.

		услуги, успешно подключены к сети для выработки электроэнергии.	
2021.02	Россия	Проект Китайского торгового центра в Москве, реализованный компанией China State Construction, завершен. 18 февраля проект прошел приемку завершённых работ. Впервые строительная компания, финансируемая Китаем, самостоятельно получила акт приемки завершённых работ, выданный Российским управлением государственного надзора в России.	China State Construction Engineering Corporation Limited

Потенциал сотрудничества в сфере инфраструктуры

В условиях роста населения, быстрого развития урбанизации и стремительного роста потребности в энергии страны СНГ уже не могут самостоятельно удовлетворять потребности внутренней инфраструктуры, все большее значение приобретает сотрудничество.

Содействие инфраструктурной связности «Пояса и пути» поможет странам СНГ в полной мере использовать свои соответствующие преимущества, добиться взаимной выгоды и взаимовыгодных результатов, содействовать экономическому и торговому обмену, а также способствовать общему экономическому развитию Китая и России. В то же время инфраструктурные проекты, как правило, крупные и перспективные, имеют показательное значение, что способствует повышению доверия всех сторон к «Один пояс, один путь».

Анализ сотрудничества в области инфраструктурного строительства между Дальним Востоком России и Северо-Востоком Китая

Совместные действия России и Китая на мировой арене отражают их общие интересы, а также необходимость создания более демократического и справедливого мирового порядка. Среди общих задач России и Китая можно выделить следующие: во-первых, странам необходимо модернизировать экономики, привлекать инвестиции в инфраструктурные проекты и развивать высокотехнологичный сектор. Во-вторых, Россия и КНР разделяют многие энергетические задачи, например энергосбережение и повышение энергетической эффективности; так же актуально освоение таких секторов

экономики, как телекоммуникации, медиа и технологии, финансы, агробизнес, недвижимость. В силу того, что инвестиции являются одним из главных источников роста экономики России, необходимо провести огромную работу по созданию благоприятного инвестиционного климата, минимизировав административные и бюрократические барьеры [Путинцева 2015: 35-37]. Российский Дальний Восток граничит с Северо-Восточным Китаем, поэтому содействие России в развитии Дальнего Востока также является большим преимуществом для Северо-Восточного Китая. В 2004 г. Китай принял важное решение и развернул стратегию по возрождению старых промышленных баз на северо-востоке Китая. Можно сказать, что локальные стратегии активизации двух стран совпадают, и есть историческая возможность для стратегической стыковки. Завершение строительства соединительной инфраструктуры сократит протяженность грузовых маршрутов из восточного региона России в северные провинции Китая и снизит стоимость логистики китайских товаров, продаваемых в Россию, тем самым способствуя дальнейшему развитию китайско-российской торговли, а также будет стимулировать Северо-Восток, являющийся мостом и звеном китайско-российской торговли, региональное экономическое развитие. В июне 2017 г. в «Тринадцатом пятилетнем плане» развития современной комплексной транспортной системы в провинции Хэйлуцзян, изданном правительством провинции Хэйлуцзян, предлагалось укреплять взаимодействие и стыковку с Россией, совместно продвигать многоточечные стыковки и взаимосвязь приграничная инфраструктура и ускорение международного сотрудничества

Строительство крупных каналов. Он также расширит функции канала «Харбин Россия-Европа» и сухопутно-морского комбинированного транспортного канала «Харбин Россия-Япония-Южная Корея», активно откроет международные автомобильные транспортные маршруты, откроет Экономический коридор Китай-Монголия-Россия и помочь провинции Хэйлуцзян соединиться с Европой и Азией.

Географически китайско-российские транспортные коридоры можно разделить на транспортные коридоры через реку Амур и транспортные коридоры, соединяющие Китай с Дальним Востоком России. К первым относятся мосты и трансграничная канатная дорога. Идея строительства моста через Амур между Благовещенском и Хэйхэ начала обсуждаться еще в 1995 г., но официально его строительство началось только в декабре 2016 г. Таким образом, можно сказать, что ОПОП был главной движущей силой этого проекта. Это первый вантовый мост, построенный в холодном высокогорном районе Китая; это также первый трансграничный китайско-российский автомобильный мост через Амур. Россия и Китай соединили свои стороны моста в мае 2019 г. В 2019 г. на таможне в Хэйхэ зарегистрирован объем грузопотока на уровне 743 тыс. т, что на 28,3% больше, чем в 2018 г. пограничных контрольно-пропускных пунктов в Хэйхэ превысило 1 млн. После того, как мост будет полностью достроен, он обеспечит бесперебойное круглогодичное транспортное сообщение между Благовещенском и Хэйхэ [Chen 2020: 100-110]. Автомобильный мост Хэйхэ соединит город Хэйхэ, провинция Хэйлуцзян, и Благовещенск, Россия. Это первый современный автомобильный мост через реку Хэйлуцзян на китайско-российской границе. После завершения он сформирует новый крупный международный автодорожный канал, обеспечивающий прямое сообщение. Между двумя городами в Китае и России. Взаимосвязь добавляет важную трансграничную инфраструктуру к строительству экономического коридора «Один пояс, один путь» Китай-Монголия-

Россия и играет важную роль в продвижении китайско-российской торговли. Сосредоточение внимания на объединении инфраструктуры является сильной поддержкой интеграции Хэйлуцзяна в стратегию «Один пояс, один путь». После открытия Китайско-Российского Тунцзянского железнодорожного моста он пройдет через порт Хэйлуцзян и соединит Тунцзянский порт с Сибирской железной дорогой, соединит его с Хабаровском, крупнейшим городом Дальнего Востока России, и приведет в Евразию на западе. Тунцзян станет третьим железнодорожным коридором между Китаем и Россией пропускной способностью 20 млн т за пределами Суйфэньхэ и Маньчжурии. В настоящее время в провинции Хэйлуцзян первоначально сформировалась система трансграничных перевозок на основе грузовых железнодорожных поездов, а поезда Харбин-Европа и Харбин-Россия, которые в основном являются культивируемыми, открыли новые торговые каналы через Евразийский континент. 13 июня 2015 г. первый поезд из Харбина в Гамбург успешно открылся. В течение 15 дней поезд пройдет через китайский город Маньчжоули, Россию, Польшу и прибудет в конечную точку маршрута — немецкий город Гамбург, преодолев в общей сложности 9820 км. Поезд по этому направлению будет отправляться раз в неделю¹. Его скорость выше, чем у морских перевозок, а стоимость ниже, чем у авиaperевозок, которые стали важным символом на Евразийском канале. 6 июня 2017 г. вновь был открыт поезд Харбин-Минск, Беларусь, который является первым поездом Китай-Европа на восточном канале Китая, который идет прямо в Минск, Беларусь. Состав состоит из 42 контейнеров, в которые входит текстильная и гигиеническая продукция. меньше по сравнению с морскими перевозками. Как ожидается, в будущем по этому маршруту

¹ Китай запустил грузовой железнодорожный маршрут из Харбина в Гамбург - Новости – Бизнес – Коммерсантъ (kommersant.ru) URL: <https://www.kommersant.ru/doc/2746737>

будут перевозиться товары с высокой добавленной стоимостью, вероятно, электронику и бытовую технику¹.

Для развития экономики Дальнего Востока Россия готова предоставить свою территорию для транзита грузов из Китая и построить всю необходимую транспортную инфраструктуру². На Дальнем Востоке есть два крупных проекта – международные транспортные коридоры «Приморье-1» и «Приморье-2», входящие в состав ОПОП. Идея обеспечить выход региональным производителям к российским дальневосточным портам впервые была сформулирована в рамках «Расширенной Туманганской Инициативы» в 1991 г. Участниками инициативы выступили КНР, Россия, Монголия и Корейская Республика. Важность развития транспортного потенциала российского Дальнего Востока, не раз отмечалась в ходе заседаний совета стран СНГ, притом инициатором обсуждения выступал Казахстан³. Они также имеют решающее значение для сотрудничества между северо-восточными провинциями Китая и Дальним Востоком России. 4 июля 2017 г. Китай и Россия подписали Меморандум о сотрудничестве по развитию международных транспортных коридоров «Приморье-1» и «Приморье-2». Коридоры «Приморье-1» и «Приморье-2» проходят через центр Дальневосточной зоны опережающего развития России – свободный порт Владивосток, а это означает, что в системе «единого окна» работают круглосуточные пункты пропуска «одно окно», то есть все документы подаются через единую точку входа. Трейдеры могут

подать документы на отправку товаров из Китая в Россию только один раз при пересечении китайской границы, и на российской границе аналогичный пакет документов представлять не нужно, поскольку российские таможенные органы получают доступ к этим документам автоматически. Также планируется внедрить систему электронного таможенного декларирования и применить принцип «зеленого коридора» для более плавного прохождения границы. Крупнейший в России оператор железнодорожных контейнерных перевозок «Трансконтейнер» (контрольный пакет компании принадлежит ОАО "Российские железные дороги" — РЖД) уже наладил экспорт грузов из Китая через пограничный переход Гродеково в порт Находка и рассчитывает на дальнейшую модернизацию МТК. «Железнодорожные перевозки в направлении Суйфэньхэ-Гродеково-Находка-Восточная (порт Восточный) представляют интерес для грузоотправителей из приграничных уездов и городов Китая — Харбина, Муданьцзяна, Дунина, Суйфэньхэ, Мулия и других. Данный транспортный коридор выступает альтернативой традиционному пути через порт Далянь», что железнодорожные перевозки позволяют транспортировать грузы в промышленных объемах с большой скоростью, а модернизация МТК «Приморье-1» и «Приморье-2» «обеспечит эффективную транспортную интеграцию Приморья и стран Азии, что приведет к росту его востребованности в АТР, при этом будет соблюден баланс транспортных связей внутри страны»⁴.

Проблемы, стоящие перед китайско-российским инфраструктурным сотрудничеством

В последние годы под непрерывным воздействием западных санкций и международного финансового кризиса инвестиции в основной капитал в России серьезно недостаточны, что создало серьезные трудности для строительства

¹ Открыт новый ж/д маршрут между Харбином и Беларусью - 06.06.2017, Sputnik Беларусь URL: <https://sputnik.by/20170606/otkryt-novyj-zh-d-marshrut-mezhdu-harbinom-i-belarusyu-1029148025.html?ysclid=11mb869g5>

² Приложения: Последние новости России и мира – Коммерсантъ Review (102799) - Приморье прирастет транзитом (kommersant.ru) URL: <https://www.kommersant.ru/doc/3077894>

³ Международные транспортные коридоры Дальнего Востока – новое окно в Азиатско-Тихоокеанский регион | NOVELCO | Яндекс Дзен (yandex.ru) URL: <https://zen.yandex.ru/media/novelco/mejdunarodnye-transportnye-koridory-dalnego-vostoka--novo-okno-v-aziatskotihookeanskii-region-5f113eed314e8a75bed5e029>

⁴ Приложения: Последние новости России и мира – Коммерсантъ Review (102799) - Приморье прирастет транзитом (kommersant.ru) URL: <https://www.kommersant.ru/doc/3077894>

инфраструктуры в России. Российский Дальний Восток придает большое значение привлечению иностранных инвестиций для участия в строительстве инфраструктуры, предоставляя возможность для инфраструктурного соединения Китая и России. Дальний Восток как подсистема национальной экономической системы РФ является ключевым звеном интеграционных процессов России в АТР, а его динамичное развитие невозможно без «встраивания» в транспортно-транзитные коридоры сопредельных приграничных территорий, и Китая в первую очередь. Строительство инфраструктуры и инфраструктурное соединение между Китаем и Россией должны основываться на потребностях развития Китая и России. Руководствуясь взаимной выгодой и взаимовыгодными результатами, обсудите план реализации строительства инфраструктуры и подключения. Он будет проводиться планомерно, внедряться поэтапно и поэтапно, и постепенно строить инфраструктурную сеть и систему. Улучшение инвестиционной, строительной и эксплуатационной среды. Для повышения эффективности правительство и предприятия будут играть роль в синергии для повышения коэффициента использования инфраструктуры. Что касается «инфраструктурной связности», необходимо координировать свои действия на национальном уровне для достижения как внутренних, так и внешних интересов, а также рассматривать строительство трансграничной транспортной инфраструктуры как важную меру на благо народов Китая и России. Должны принять совместный подход к строительству, использовать преимущества, придерживаться принципов взаимной выгоды, сотрудничества и разделения труда и активно участвовать в проектах строительства инфраструктуры в китайско-российской приграничной зоне.

С точки зрения строительства инфраструктуры, усиление исследований стратегии развития дорожно-транспортной инфраструктуры вдоль «Пояса и пути», а также отведение ведущей и

поддерживающей роли научно-технических инноваций в строительстве «Один пояс и один путь». срочное требование для дальнейшего достижения международного консенсуса и создания хорошей глобальной атмосферы, а также стратегическая поддержка для эффективного продвижения строительства транспортной инфраструктуры «Пояса и пути» в будущем. Проведение стратегического анализа в этой области имеет большое значение для продвижения выгодных отраслей транспортной инфраструктуры Китая с целью «выйти на мировой уровень» и создания транспортной электростанции. В то же время с точки зрения инвестиций, финансирования и продвижения проектов дорожно-транспортной инфраструктуры необходимо полностью соблюдать законы рынка и в полной мере использовать различные каналы финансирования в соответствии с различными атрибутами и функциональным позиционированием проектов. Ввиду того, что зона «Один пояс и один путь» характеризуется обширностью и наличием множества факторов вне региона, при планировании финансовых ресурсов необходимо учитывать сторонние ресурсы за пределами региона, особенно в развитых экономиках с обильными финансовыми ресурсами. Строительство транспортной инфраструктуры «Один пояс, один путь» столкнется со многими инженерно-техническими трудностями, а технический прогресс является огромной движущей силой развития транспортной инфраструктуры автомобильных дорог. Поэтому необходимо реализовать инновационную платформу «Один пояс, один путь», механизм управления инновационными процессами и гарантии. Исследования по созданию платформ для обмена технологиями, а также укреплять коммуникацию политики в области науки и технологий. Активно работать со странами вдоль «Пояса и пути» для планирования научно-технических инноваций, разработки политики в области научно-технических инноваций и построения национальной инновационной системы.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Chen Q.* Chinese and Russian Transport Corridors and the Belt and Road Initiative: Prospects of Sino-Russian Cooperation / Q. Chen // R-Economy. – 2020. – Vol. 6. – No 2. – P. 100-110.
- Martynenko S.E., Parkhitko N.P.* Russian-Chinese Cooperation In Central Asia In The Context Of 'Belt And Road Initiative:' Historical Retrospective And Economic Prospects // RUDN Journal of Russian History. 2019. Т. 18. № 4. С. 845-864.
- Алпеева Е.Г.* Основные направления сотрудничества Украины и КНР // Постсоветские исследования. 2020. Т. 3. № 8. С. 664-678.
- Базаров В.Б.* Международные центральноазиатские логистические проекты в XXI в. В сборнике: Экономический коридор Китай - Монголия - Россия: дорожная карта. сборник материалов III международного форума Ассоциации экспертных центров Китая, Монголии и России. Институт монголоведения, буддологии и тибетологии СО РАН; Центр по изучению проблем развития Автономного района Внутренняя Монголия КНР. 2017. С. 122-126.
- Ван Сяолин* О проблемах сотрудничества в сфере высокоскоростных железных дорог между КНР и странами Центральной Азии // Постсоветские исследования. 2018. Т. 1. № 5. С. 481-494.
- Воробьева М.А.* Реализация инициативы ОПОП на Южном Кавказе // Постсоветские исследования. 2020. Т. 3. № 8. С. 651-663.
- Дубогрызова Д.Г.* Основные направления сотрудничества КНР и Беларуси // Постсоветские исследования. 2020. Т. 3. № 8. С. 694-707.
- Кун Д.* Особенности мегапроекта «Один пояс и Один путь» КНР по содействию евразийской интеграции. В сборнике: Россия и Китай: история и перспективы сотрудничества. Материалы VIII Международной научно-практической конференции. Ответственные редакторы Д.В. Буюров, Д.В. Кузнецов. 2018. С. 844-846.
- Лексютина Я.В.* Китай на Южном Кавказе: масштабы экономического присутствия // Постсоветские исследования. 2022. Т. 5. № 1. С. 57-72.
- Мокрецкий А.Ч.* «Экономический пояс шелкового пути» как механизм экономической геополитики Китая в постсоветских странах // Китай в мировой и региональной политике. История и современность. 2017. Т. 22. № 22. С. 257-273.
- Мокрецкий А.Ч.* Отношения Китая со странами СНГ. В сборнике: Китайская Народная Республика: политика, экономика, культура. 2014-2015. Российская Академия наук; ФГБУН "Институт Дальнего Востока" РАН. Москва, 2016. С. 315-323.
- Ни Ваншун* Концептуальные основы проектов Экономический Пояс Шелкового Пути и Евразийский Экономический Союз // Постсоветские исследования. 2018. Т. 1. № 3. С. 285-296.
- Путинцева И.К.* Стратегическое сотрудничество России и Китая в условиях трансформации мировой экономики / И. К. Путинцева // Инновационная экономика: Материалы II Международной научной конференции, Казань, 20–23 октября 2015 года. – Казань: Бук, 2015. – С. 35-37.
- Рамич М.С.* Выбор центральноазиатских республик: Россия или Китай // Постсоветские исследования. 2018. Т. 1. № 8. С. 806-817.

REFERENCES

- Alpeeva E.G.* Osnovnye napravleniya sotrudnichestva Ukrainy i KNR // Postsovetskie issledovaniya. 2020. Т. 3. № 8. S. 664-678.
- Martynenko S.E., Parkhitko N.P.* Russian-Chinese Cooperation In Central Asia In The Context Of 'Belt And Road Initiative:' Historical Retrospective And Economic Prospects // RUDN Journal of Russian History. 2019. Т. 18. № 4. С. 845-864.
- Bazarov V.B.* Mezhdunarodnye central'noaziatskie logisticheskie proekty v HKHI v. V sbornike: Ekonomicheskij koridor Kitaj - Mongoliya - Rossiya: dorozhnaya karta. sbornik materialov III mezhdunarodnogo foruma Associacii ekspertnyh centrov Kitaya, Mongolii i Rossii. Institut

mongolovedeniya, buddologii i tibetologii SO RAN; Centr po izucheniyu problem razvitiya Avtonomnogo rajona Vnutrennyaya Mongoliya KNR. 2017. S. 122-126.

Dubogryzova D.G. Osnovnye napravleniya sotrudnichestva KNR i Belarusi // Postsovetskie issledovaniya. 2020. T. 3. № 8. S. 694-707.

Kun D. Osobennosti megaproekta «Odin poyas i Odin put'» KNR po sodejstviyu evrazijskoj integracii. V sbornike: Rossiya i Kitaj: istoriya i perspektivy sotrudnichestva. Materialy VIII Mezhdunarodnoj nauchno-prakticheskoj konferencii. Otvetstvennye redaktory D.V. Buyarov, D.V. Kuznecov. 2018. S. 844-846.

Leksyutina YA.V. Kitaj na YUzhnom Kavkaze: masshtaby ekonomicheskogo prisutstviya // Postsovetskie issledovaniya. 2022. T. 5. № 1. S. 57-72.

Mokreckij A.CH. «Ekonomicheskij poyas shelkovogo puti» kak mekhanizm ekonomicheskoy geopolitiki Kitaya v postsovetskih stranah // Kitaj v mirovoj i regional'noj politike. Istoriya i sovremennost'. 2017. T. 22. № 22. S. 257-273.

Mokreckij A.CH. Otnosheniya Kitaya so stranami SNG. V sbornike: Kitajskaya Narodnaya Respublika: politika, ekonomika, kul'tura. 2014-2015. Rossijskaya Akademiya nauk; FGBUN "Institut Dal'nego Vostoka" RAN. Moskva, 2016. S. 315-323.

Ni Vanshu Konceptual'nye osnovy proektov Ekonomicheskij Poyas Shelkovogo Puti i Evrazijskij Ekonomicheskij Soyuz // Postsovetskie issledovaniya. 2018. T. 1. № 3. S. 285-296.

Putinceva I.K. Strategicheskoe sotrudnichestvo Rossii i Kitaya v usloviyah transformacii mirovoj ekonomiki / I. K. Putinceva // Innovacionnaya ekonomika: Materialy II Mezhdunarodnoj nauchnoj konferencii, Kazan', 20–23 oktyabrya 2015 goda. – Kazan': Buk, 2015. – S. 35-37.

Ramich M.S. Vybor central'noaziatskih respublik: Rossiya ili Kitaj // Postsovetskie issledovaniya. 2018. T. 1. № 8. S. 806-817.

Van Syaolin' O problemah sotrudnichestva v sfere vysokoskorostnyh zheleznyh dorog mezhdru KNR i stranami Central'noj Azii // Postsovetskie issledovaniya. 2018. T. 1. № 5. S. 481-494.

Vorob'eva M.A. Realizaciya iniciativy OPOP na YUzhnom Kavkaze // Postsovetskie issledovaniya. 2020. T. 3. № 8. S. 651-663.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ / INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Лю Янь, магистр в области **Liu Yan**, Master of International Relations.
«Международных отношений». Харбин. КНР. E-mail: 1032204985@rudn.ru
mail: 1032204985@rudn.ru

КОНФЛИКТЫ НА ПРОСТРАНСТВЕ СНГ / CONFLICTS IN THE CIS SPACE

Научная статья / Research article

Исторические события, предшествовавшие началу армяно-азербайджанского противостояния в 1988 г.

Н. Г. Алиев оглу

*Академия государственного управления при Президенте Азербайджанской Республики, Баку,
Азербайджанская Республика
e-mail: natikatal1@gmail.com*

Аннотация. В статье на основе российских исторических источников и материалов показан реальный процесс переселения армян на Южный Кавказ, в том числе в Карабах. Она позволяет уяснить смысл длившегося порядка трех десятилетий конфликта вокруг Карабаха и других территорий Азербайджана. Исследование по возможности максимально основано на не азербайджанских источниках. Хронология исследования: с начала XIX в. до начала армяно-азербайджанского конфликта в конце 1980-х гг. Прежде всего, читатель узнает, что армяне не проживали на территории Карабаха (в том числе и его нагорной части), да и на других азербайджанских землях тысячи лет. Существуют многочисленные исторические источники, подтверждающие факт массового переселения в 1828 г. армян из Персии и Османской Империи на земли азербайджанских ханств: Иреванского, Нахчыванского, Карабахского и др. Возможные последствия вышеуказанного переселения, радикальное видоизменение этнического состава населения данной территории уже тогда, в XIX в., беспокоили не только представителей коренного населения, но также и здравомыслящую часть русской интеллигенции. Возможные последствия вышеуказанного переселения, радикальное видоизменение этнического состава населения данной территории уже тогда, в XIX а., беспокоили не только представителей коренного населения, но также и здравомыслящую часть русской интеллигенции. Вопрос переселения армян, их пришлости на Южный Кавказ находит свое подтверждение во многих других источниках, в том числе и армянских. Вынесенное 28 мая 1918 г. Армянским национальным советом решение о создании "на территории российской Армении независимой Республики Армения в составе территорий бывших Эриванской губернии и Карской области Российской империи" делает передачу Иревана под столицу Армении юридически неправомочным актом. Это решение было принято до того, как 29 мая свой вердикт о передаче армянам столицы Иреванского ханства огласил Азербайджанский Национальный Совет. Но это не самый главный аргумент, свидетельствующий о том, что с правовой точки зрения Ереван де-юре так и остался принадлежать Азербайджану. Само решение Азербайджанского Национального Совета (Протокол № 3 от 29 мая 1918 г.) является априори недействительным. Принималось оно, во-первых, под сильным давлением западных стран, в присутствии на этих территориях армянских бандитских формирований, устроивших там тотальный террор в отношении неармянского населения. А, во-вторых, сам документ свидетельствует, что голосование о передаче Иревана армянам было либо сфальсифицировано, либо принято с нарушениями.

Ключевые слова: Азербайджан, Карабах, Армения, Туркманчайский договор, Кюрекчайский договор, Московский договор, Карский договор, Азербайджанские ханства, переселение армян на Южный Кавказ

Для цитирования: Н. Г. Алиев оглу Исторические события, предшествовавшие началу армяно-азербайджанского противостояния в 1988 г. Постсоветские исследования, 2022: 423-436.

Historical events that predated the Armenia-Azerbaijan confrontation of 1988

Namig H. Aliyev oglu

*The Academy of Public Administration under the President of the Republic of Azerbaijan, Baku,
The Republic of Azerbaijan
e-mail: namikamal1@gmail.com*

Abstract: The article discusses the process of relocation of Armenians to the South Caucasus (including Karabakh) based on Russian historical sources and materials. It puts a broader historical perspective on the reasons behind the conflict that lasted for almost three decades in Karabakh and other territories of Azerbaijan. The study (wherever possible) is avoiding the use of the historical sources of Azerbaijani origin. The chronological structure of the study: from the beginning of the 19th century and up to the beginning of the Armenia-Azerbaijan conflict at the end of the 1980-s. In the first instance, the reader finds out that Armenians have not been settled on the territory of Karabakh (including its mountainous parts) and on the other Azerbaijani lands for thousands of years. There are multiple historical sources that confirm the fact that Armenians have been massively relocated from the territory of the Persian and Ottoman empires in 1828 to the lands of the Azerbaijani khanates of Irevan, Nakhchivan, Karabakh, and others. The possible consequences of the aforementioned relocation and radical change in the ethnic composition of this territory (already back then in the 19th century) have troubled not only the representatives of indigenous populations but also a clear-minded part of the Russian intellectual class. The question of the relocation of Armenians, and their outsider status in the South Caucasus has been confirmed in many other sources, including the Armenian ones. The decision of the Armenian National Congress of 28 May 1918 on the creation "on the territory of Russian Armenia independent Republic of Armenia within the territories of former Erivan and Kars regions of the Russian Empire" makes the transfer of Irevan to Armenia to form a capital a legally void document. This decision was taken before the verdict of the Azerbaijani National Council to transfer the capital of the Irevan khanate to Armenians was made public on May 29th. However, this is not the main argument that points to the fact that Yerevan continues to belong to Azerbaijan from a legal point of view. The decision of the Azerbaijani National Council (Protocol #3 of 29 May 1918) is a priori moot and illegal. First, it was made under the intense pressure of Western states and on the background of the presence of Armenian armed gangs on the territories in question that have committed acts of total terror against the non-Armenian populations. Second, the document itself shows that the voting on the transfer of Irevan to Armenians was either falsified or proceeded with serious violations.

Keywords: Azerbaijan, Karabakh, Армения, Treaty of Turkmenchay, Treaty of Kurakchay, Treaty of Moscow, Treaty of Kars, Azerbaijani khanates, relocation of Armenians to the South Caucasus

For citation: Namig H. Aliyev oglu. Historical events that predated the Armenia-Azerbaijan confrontation of 1988. *Postsovetskie issledovaniya = Post-Soviet Studies*. 2022:423-436 (In Russ.).

Хотелось бы начать с цитаты выдающегося литовского историка, директора Института науковедения, профессора А. Лекиса, который пишет: «В течение многих столетий у азербайджанцев была собственная государственность. Самое раннее государство на Кавказе – это Маннейское царство, созданное далекими предками азербайджанцев в IX в. до нашей эры и просуществовавшее более 200 лет.

А гораздо позже появившееся «государство» с изменяющимися по разным причинам границами, так называемая «Армения», почти все время была названием не государства, а только территории. В связи с этим стоит напомнить, что, по мнению самих армянских историков, существовали 35 «Армений». Причем все – за пределами Кавказа, в Малой Азии» [Лекис 2016: 9].

Однако для того, чтобы уяснить смысл длившегося порядка трех десятилетий

конфликта, достаточно обратить внимание на последние два столетия в истории возникновения предпосылок, создания и развития нагорно-карабахской автономии, иначе говоря, на весь период с момента присоединения Южного Кавказа к России и до нынешних времен, момента освобождения Азербайджаном оккупированных армянами территорий.

Прежде всего, читатель должен знать, что армяне не проживали на территории Карабаха (в том числе и его нагорной части), да и на других азербайджанских землях тысячи лет. Существуют многочисленные исторические источники, подтверждающие факт массового переселения в 1828 г. армян из Персии и Османской Империи на земли азербайджанских ханств: Иреванского, Нахчыванского, Карабахского и др.

После окончания русско-иранской войны 1826-1828 гг. представители побежденной Персии и победительницы России подписали 10 февраля 1828 г. недалеко от южно-азербайджанского города Тебриз

Туркманчайский договор о мире. По условиям этого договора Персия отказалась от своих прав на Северный Азербайджан и согласилась на его переход под юрисдикцию России. В унисон этому договору имел место отказ от претензий на Южный Кавказ и Османской империи [Вышинский, Лозовский 1948].

В момент присоединения в соответствии с Кюрекчайским договором¹ Карабахского ханства к России – 14 мая 1805 г. – армянское население региона составляло лишь пятую его часть. Весной 1806 года Ибрагим Халил хана Карабахского и Шушинского, подписавшего указанный договор, вместе с семьей и 35 приближенными лицами с благословления царя вероломно расстреляли, оставив в живых лишь одного сына – Мехтигулу хана. Решающую роль в уничтожении ханской семьи сыграл карабахский армянин, российский генерал В.Г. Мадатов, которого царь назначил управляющим мусульманскими провинциями Южного Кавказа.

По Кюрекчайскому договору сыну Ибрагим Халил хана от Ханханум-ага Джеваниширской (дочь минбаши Наби Калантара Джеваниширского), Мамед-Хасанаве была вручена для ношения на шее золотая, украшенная бриллиантами медаль с надписью «Наследнику Карабага Мамед-Гасан-Аге за верность. 1805 года». Изготовленный тогда же

¹ Кюрекчайский договор. Акты собранные Кавказскою Археографическою комиссиею. Том II. – Тифлис, 1868, с. 705. - <http://www.azerbaijan.az>;

<http://www.virtualkarabakh.az/ru/post-item/32/52/kurekcaj-muqavilesi.html>

настольный памятный вариант этой медали ныне хранится в Национальном Музее истории Азербайджана.

В ходе русско–иранских войн 1804–1813 гг. и 1826–1828 гг. и после них начинается массовое переселение армян на Южный Кавказ, в том числе и в Карабах.

С целью укрепления российских позиций в Карабахе, а также в целом в Северном Азербайджане, начинается массовое переселение на эти земли армян из Персии и Османской империи. К 1822 г. армян в Карабахе уже было около 2,5 тыс. А по данным «Описания Карабахской провинции», составленного в 1823 г. чиновниками императора России, «... в Карабахском ханстве было 90000 жителей, имелся один город и более 600 сел, из коих всего лишь 150 армянских. В Шуше проживало примерно 1948 семей, состоящих из азербайджанцев, и 474 - армян. В деревнях соответственно 12902 и 4331»¹.

Председатель Управления по доходам и казенным имуществам созданной в 1828 году, после присоединения Южного Кавказа к России, на территории Нахчыванского и Эриванского азербайджанских ханств Армянской области Статский советник И. Шопен в составленном им по поручению графа Паскевича-Эриванского документе пишет, что вследствие русско-персидской 1826-1828 гг., а потом русско-турецкой 1828-1829 гг. войн, на территорию бывшего Иреванского ханства Россией были переселены соответственно 23 568 и 21 639, Нахчыванского – 10 652 и 27 армян. В Ордубадский округ переселились 1 340 колонистов из Персии. Таким образом, суммарное число переселенцев из Персии составило 35 560, а из Турции – 21 666, что вместе составляет 57 226 армян [Шопен 1852: 637–642].

Официальные документы свидетельствуют, что значительная масса переселенцев поселилась именно в Карабахе и Зангезуре (Западный Азербайджан). Известный русский исследователь Н. Шавров в 1911 г. в своей книге «Новая угроза

русскому делу в Закавказье: предстоящая распродажа Мугани инородцам» писал: «...С 1828 по 1830 гг. мы переселили в Закавказье свыше 40000 персидских и 84000 турецких армян и водворили их на лучших казенных землях Елисаветпольской и Эриванской губерний, где армянское население было ничтожно, и в Тифлисской, - в Борчалинском, Ахалцихском и Ахалкалакском уездах. Для поселения им было отведено более 200 000 десятин казенных земель и куплено более чем на 2 000 000 руб. частновладельческих земель у мусульман. Нагорная часть Елисаветпольской губернии и берега озера Геокча (нынешний Севан – Н.А.) заселены этими армянами. Необходимо иметь в виду, что за 124000 армян, официально переселенных, переселилось сюда и множество неофициальных, так что общее число значительно превышает 200000 человек... Из 1 300 тыс., проживающих ныне в Закавказье армян, более 1 000 000 душ не принадлежит к числу коренных жителей края и поселены нами» [Шавров 1911: 59–60].

Уже через месяц после подписания Турманчайского договора, 9 марта, как отмечает в своей работе «Описание переселения армян аддербиджанскихъ въ пределы России» русский писатель С. Н. Глинка (1775–1847), «армяне из различных селений, смежных Туркменчаю, двинулись в Карабах» [Глинка 1831: 48]. Процесс переселения армян был частью колонизационной политики царизма и предусматривал, что «умножение водворенного христианского соплеменного народа может поставить на рубеж России надежный оплот к отражению неприязненных действий сопредельных жителей оной, особенно Турок, Персиян и Горцев» [Глинка 1831: 93].

26 февраля 1828 г. кавказский управляющий генерал Паскевич назначает этнического армянина полковника Лазарева

¹ Описание Карабахской провинции, составленное на 1823 г. по распоряжению главноуправляющего в Грузии Ермолова действительным статским

советником Могилевским и полковником Ермоловым 2-м. – Тифлис, 1866

ответственным за процесс переселения персидских армян в Закавказье. Под его патронажем Карабах становится основным направлением переселения армянской. С. Глинка свидетельствует: «Неожиданный прилив народа в области вновь завоеванные, произвел в них недостаток в хлебе. В это время Лазарев получил предписание стараться направить путь переселенцев вместо Ханств Нахичеванского и Ереванского, в Ханство Карабах, где по предположениям ожидали, что есть запасы изобильные и надежные» [Глинка 1831: 87].

Согласно указу российского императора, 21 марта 1828 г. были упразднены азербайджанские Нахчыванское и Иреванское ханства и на их месте образована новая административная единица под названием «Армянская область». Император Николай I в своем «высочайшем указе» Сенату повелел: «Силою трактата с Персией, заключенного 10 февраля 1828 г., присоединенные к России Ханства Эриванское и Ханство Нахчыванское повелеваем во всех делах именовать отныне областю Армянской».

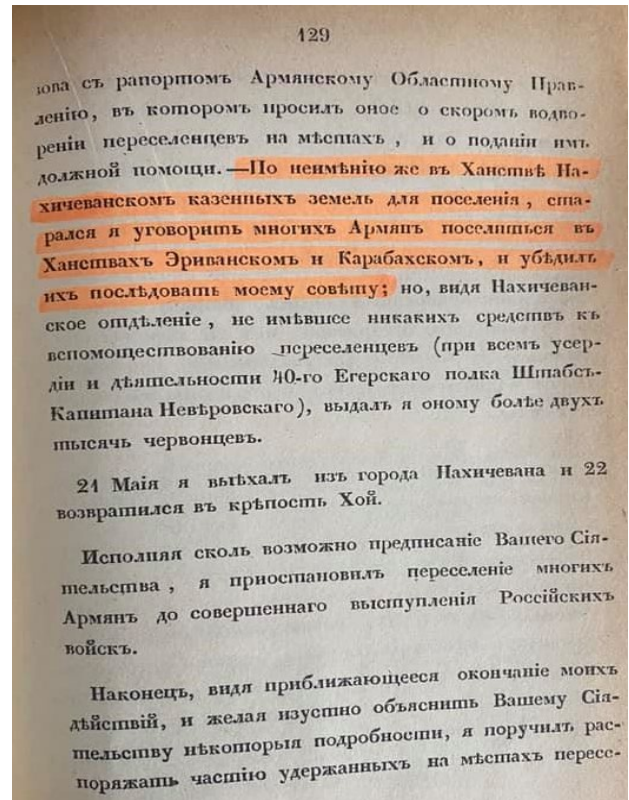
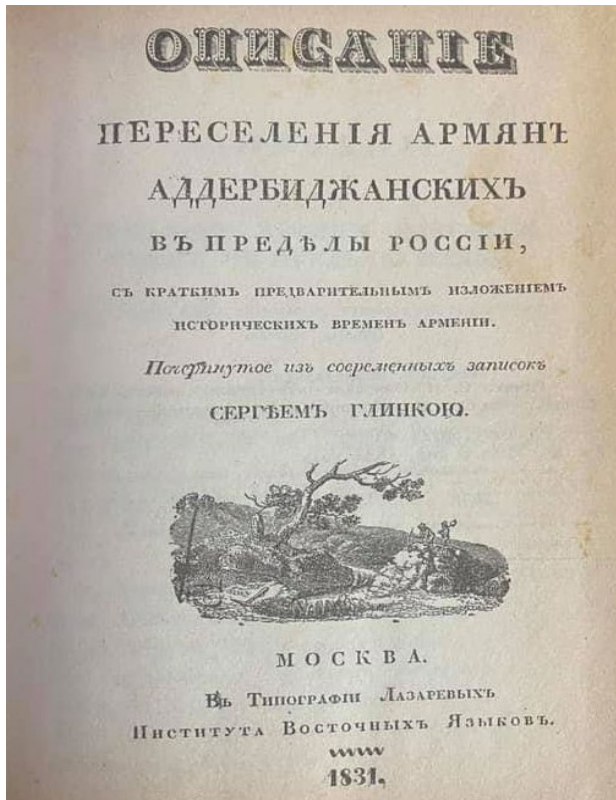
В иранском городе Урмия и других городах в южно-азербайджанских ханствах Персии, где компактно проживали армяне, распространено обращение к армянам полковника Лазарева от 30 марта 1828 г.: «По доверенности ко мне армянского народа, по долгу обязанности, возложенной на меня Главнокомандующим нашим, объявляю вам, что великодержавный Монарх Российский дает желающим переселиться надежное, спокойное и счастливое убежище в Его государстве. В Эриване, Нахичевани и Карабахе, где сами изберете, получите вы в изобилии хлебородную землю, отчасти засеянную, коей десятая только часть обрабатывается в пользу казны». [Глинка 1831: 108].

Далее С. Глинка пишет: «Вот беспристрастное и точное описание

переселения армян Аддербиджанских в недра России: в три месяца более 8000 семейств перешли за Аракс. На вспоможение им и на непредвиденные расходы выдано 14000 червонцев и 400 руб. серебром. Со столь ограниченными издержками Лазарев присовокупил к России около 40.000 новых подданных... они с новым рвением охотно будут содействовать к общей промышленности нового своего отечества» [Глинка 1831: 92]. В своем отчете Лазарев приводит более точную цифру - 8249 семейств [Глинка 1831: 131]. В письме К. К. Родофиникину от 10 июля 1828 г. А. С. Грибоедов подтверждает эту информацию: «Хойская провинция еще занята нашими войсками, и более 8000 семейств армянских переселены уже по сю сторону Аракса, остальные вслед за ними вслед выводятся» [Грибоедов 1971: 300]. Эта цифра подтверждается также данными, приводимыми Зелинским, который указывает на переселение 8249 армянских семей, размещенных в Иреванской губернии, Карабахской провинции и Шемахинском уезде [Зелинский 1886: 10].

«Согласно камеральному описанию Армянской области генерала Мерлини за 1830 год, в Нахичеванской провинции (сюда не входили Шарур и Ордубад) проживало 30507 человек, из которых 17138 человек являлись мусульманами, 2690 человек — коренными армянами, 10625 человек — армянами, переселёнными из Персии и 27 человек — армянами, переселёнными из Турции» [Шопен 1852: 635-638].

Сергей Глинка, которого сложно назвать азербайджанологом, в 1831 г. писал: «По неимению же в Ханстве Нахичеванском казенных земель для поселения, старался я уговорить многих армян поселиться в Ханствах Эриванском и Карабахском, и убедил их последовать моему совету...» [Глинка 1831: 129]

Кямаля Имранлы пишет в своем исследовании: «Что же касается коренных «армян», то те считаются таковыми только по конфессии, а не по этническому происхождению, в соответствии с которым они являются албанами... Но впоследствии по требованию армян и уступок русских (ввиду преследуемых ими целей) эти самые албаны подверглись арменизации, за исключением незначительной их части, живущей сейчас, в основном, в двух районах Азербайджана на левобережье Куры. Несмотря на то, кем они представляются в глазах прочих, для нас гарабахские «армяне» являются и поныне албанами, о чем свидетельствуют и все присущие им особенности. Однако ввиду наименования, навязанного им, они, не вдаваясь в суть, называют себя таким образом, тем самым являя собой яркий пример жертвы целенаправленной политики деэтнизации, и не только» [Имранлы 2006: 8].

В 1836 г. Российская империя передала армянской церкви имущество и паству действовавшей Албанской Автокефальной Апостольской церкви. Албанский

католикосат действовал с IV в. С VI по XIII в. центр албанской церкви находился в Барде, а до этого - в Кабале, столице Албанского государства. С XIII в. по 1836 г. центром албанской церкви был Гандзасарский католикосат в Карабахе. В 1836 г. указ Николая I «Положение об управлении делами армяно-григорианской церкви в России» определил нормы управления армянской церковной жизнью в России и утверждал выборы католикоса всех армян на церковном соборе. Этим же рескриптом Николая I упразднулась албанская церковь и все ее имущество, архивы, библиотеки, книги, епархии передавались Эчмиадзину¹.

Это был заключительный аккорд, которому предшествовали события, о которых пишет профессор Альгимантас Лекис. Позволим себе отвлечься на них: «Еще в начале VIII в. армянская церковь сумела завладеть Албанской церковью, существование и деятельность которой принадлежит Азербайджану. Современник этого события – албанский историк VIII в. Моисей Каланкатуйский – описал, каким

¹ Мамедова, Назия. Армяне продолжают прихватизировать культовые сооружения Кавказской Албании в Карабахе. -

<http://www.anl.az/down/meqale/kaspi/2018/iyul/598341.htm>

образом все произошло. В 705 г. армянский каталикос Елия I (703–717 гг.) отправил арабскому халифу Абд ал-Малику Омейяду (685–705 гг.) доклад, в котором сообщал, будто Албанский каталикос Нерсэс вступил с византийским императором в антиарабский заговор. Не разобравшись в сути проблемы, сидевший в далеком Дамаске халиф, во владения которого входили Малая Азия и почти весь Кавказ, распорядился подчинить Албанскую церковь армянской. После этого пошел обвальный процесс арменизации албан-христиан» [Лекис 2016: 76].

Возможные последствия вышеуказанного переселения, радикальное видоизменение этнического состава населения данной территории уже тогда, в XIX в., беспокоили не только представителей коренного населения, но также и здравомыслящую часть русской интеллигенции. В частности, выдающийся русский дипломат и поэт А. С. Грибоедов (кстати, непосредственно причастный к Туркманчайскому договору, разделившему Азербайджан на две части) писал: «Так же мы с ним (князем Аргутинским) немало рассуждали о внушениях, которые должно дать мусульманам, чтобы помирить их с нынешним их отягощением, которое не будет долговременно, и искоренить из них опасения насчет того, что армяне завладеют навсегда землями, куда их на первый раз пустили»¹.

Вопрос переселения армян, их прищипки на Южный Кавказ находит свое подтверждение во многих других источниках, в том числе и армянских.

Будучи в Иреване в 1843 г., немецкий путешественник М. Вагнер, описав тяжёлую ситуацию этого края, отметил, что «не удивительно, что большинство армян города, несмотря на религиозную нетерпимость, хотят вернуться в Иран» [Абегян 1857: 9]. Это, как видим, подчеркивает их прищипку.

До переселения армян из Ирана и Турции в Северный Азербайджан, численность армян в Иреване была ничтожной. Именно

после осуществления политики переселения, уже в 1850 г. общая численность армян здесь равнялась 8%, в 1879-м г. их число составляло 9%, а в 1897 г. 10%. Эти цифры подтверждают армянские авторы Парсамян, Погосян и Арутюнян [Парсамян, Погосян, Арутюнян 1961: 131,158].

Из армянских источников мы усматриваем, что в результате переселения на Кавказ в 1914–1916 гг. еще 350 000 армян [История армянского народа: 268] их численность в Эриванской губернии (бывшая территория Иреванского и Нахчыванского ханств) достигла 669 871².

Однако и после этих переселений армяне не составляли большинства на Южном Кавказе. Характерна переписка министра иностранных дел царской России Сазонова и наместника на Кавказе великого князя Николая Николаевича. 14 июня 1916 г. министр писал великому князю: «Что касается предоставления широкой автономии армянам, то не надо забывать, что в Великой Армении (в контексте речь идет и о восточной Турции – исторической Киликийской Армении – Н.А.), завоеванной ныне Россией, армяне никогда не составляли большинства», а «при таких условиях армянская автономия приведет к несправедливому порабощению большинства меньшинством...»³. Великий князь Николай Николаевич 3 июля 1916 года отвечает, что «армянский вопрос в пределах ныне существующей Российской империи, по моему глубокому убеждению, совершенно отсутствует, и не следует даже допускать упоминания о таковом, так как русско-подданные армяне в наместничестве (на Кавказе – Н.А.) являются равноправными русскими подданными с мусульманами, грузинами и русскими»⁴.

28 мая 1918 г. центральный национальный совет объявил первую на Кавказе независимую Армянскую республику, а себя наивысшей властью в республике. 29 мая Азербайджан под нажимом внешних сил передал под столицу

¹ Грибоедов А. С. Сочинения. В 2-х томах, т.2. – М., 1971.

² Кавказский календарь на 1917 год. Типография Канцелярии Наместника Е.И.В. на Кавказе, 1916

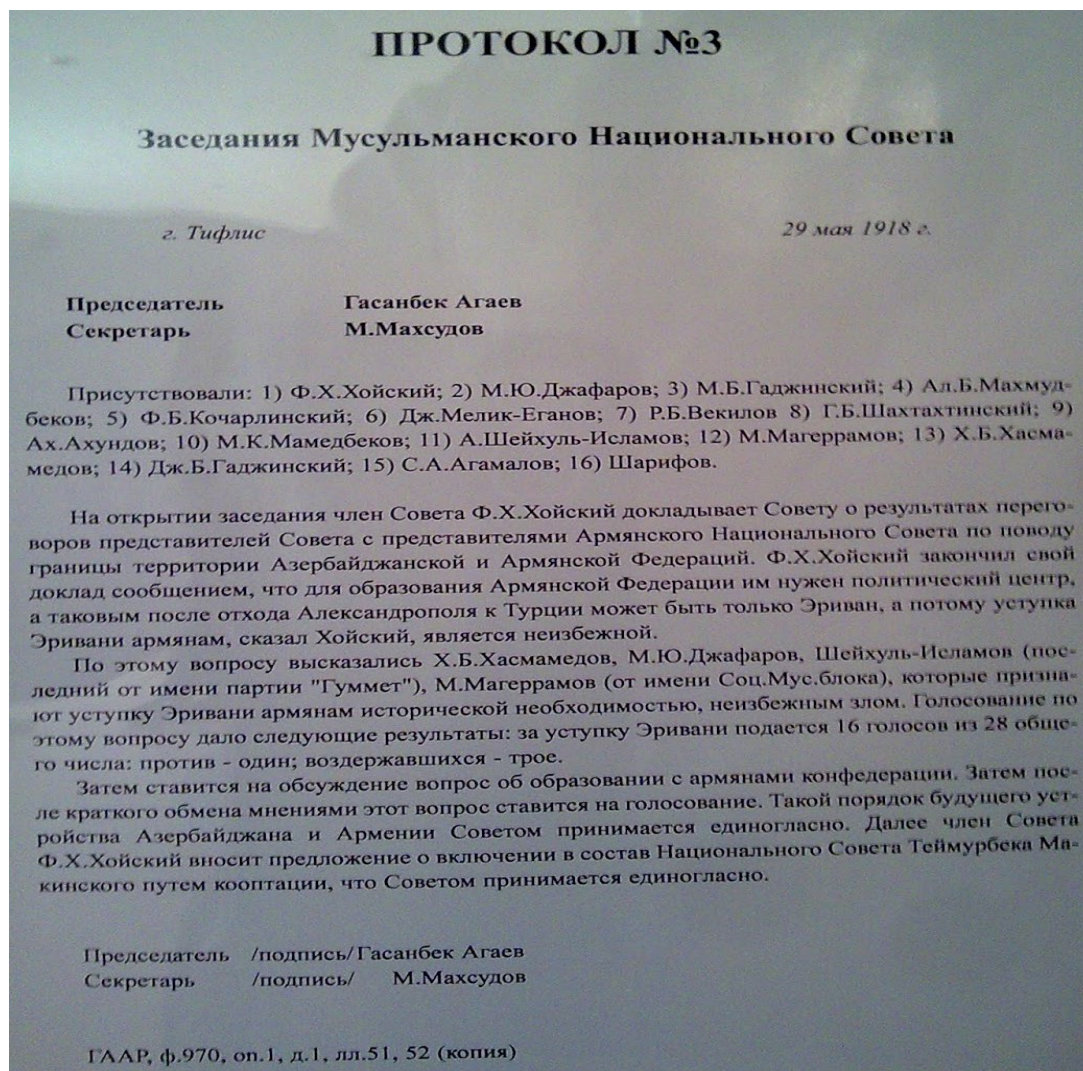
³ Раздел Азиатской Турции (По секретным документам б. министерства иностранных дел, под редакцией Е.А.Адамова). – Москва: Издание Литиздата НКВД, 1924, док. СХЛ, с. 208–209

⁴ Там же, док. СХLIV, с. 211–212

Армянской Республики город Эривань (Иреван) – бывшую столицу Иреванского ханства¹. Вынесенное 28 мая 1918 г. Армянским национальным советом решение о создании "на территории российской Армении независимой Республики Армения в составе территорий бывших Эриванской губернии и Карсской области Российской империи" делает передачу Иревана под столицу Армении юридически неправомочным актом. Это решение было принято до того, как свой вердикт о передаче армянам столицы Иреванского ханства огласил Азербайджанский Национальный Совет. Это, как сказано выше, произошло 29 мая. Но это не самый главный аргумент,

свидетельствующий о том, что с правовой точки зрения Ереван де-юре так и остался принадлежать Азербайджану.

Само решение Азербайджанского Национального Совета (Протокол № 3 от 29 мая 1918 г.) является априори недействительным. Принималось оно, во-первых, под сильным давлением западных стран, в присутствии на этих территориях армянских бандитских формирований, устроивших там тотальный террор в отношении неармянского населения. А, во-вторых, сам документ свидетельствует, что голосование о передаче Иревана армянам было либо сфальсифицировано, либо принято с нарушениями.

Протокол о передаче армянам Иревана

Достаточно взглянуть на цифры. В заседании принимает участие лишь 18 членов Совета из 28, что составляет менее 65 процентов, т.е. менее двух третей,

¹ ГАППОДАР, ф.970, оп. 1, д. 1, л. 51

обязательных при вынесении судьбоносных решений. Из 18 голосуют "за" 16 членов Совета, что и того меньше. И, наконец, самое главное: при 18 присутствующих, согласно Протоколу в голосовании "приняло участие" 20 членов Совета («против» - один, воздержавшихся – «трое»). Интересная арифметика, не так ли?

Все это делает данный документ юридически ничтожным, и у Азербайджанской Республики есть все основания признать захват и последующее владение Армянской Республикой столицей Иреванского ханства городом Иреван незаконным. Да, Азербайджанский Национальный Совет 29 мая 1918 г. передал город Иреван под столицу вновь создаваемого армянского государства, но эта передача является юридически ничтожной.

Парламенту Азербайджана необходимо дать политическую оценку решению собрания Азербайджанского Национального Совета (Протокол № 3 от 29 мая 1918 г.), признать его не имеющим правовой силы и учитывать это в дальнейшей политике [Алиев 2020: 76; Алиев 2021: 82-83].

4 июня представители первого армянского государства на Кавказе подписали в Батуми договор, в котором устанавливались границы между Османской империей, Республикой Грузия, Республикой Армения и Азербайджанской Республикой. В соответствии с этим договором территория Республики Армения, по противоречивым армянским источникам, составляла минимум 8000 [Галоян 1957: 92], 9000 [Агаян 1962: 174; Саркисян 1962: 365], а максимум 10000 кв. км [История армянского народа 1980: 268]. 17 июня 1918 года армянское дашнакское правительство въехало в Эривань (Иреван).

В декларации правительства уже Советского Азербайджана от 1 декабря 1920 г. говорилось, что «...трудовому крестьянству Нагорного Карабаха предоставляется полное право самоопределяться». Идея предоставления Нагорному Карабаху права на самоопределение дебатировалась в

партийных и советских кругах. И постепенно зрело мнение о необходимости объявления автономии Нагорного Карабаха. Еще 22 мая 1919 г. А. И. Микоян в своем докладе В. И. Ленину сообщал: «Дашнаки, агенты армянского правительства, добиваются присоединения Карабаха к Армении. Но это для населения Карабаха значило бы лишиться источника своей жизни в Баку и связаться с Эриванью, с которой никогда и ни в чем не были связаны. Армянское крестьянство на пятом съезде решило присоединиться к Азербайджану»¹.

Уже вскоре после установления власти большевиков в Азербайджане, в июне 1920 г. на имя наркома иностранных дел РСФСР Г.В. Чичерина за подписью Г. К. Орджоникидзе была направлена телеграмма: «В Карабахе и Зангезуре провозглашена Советская власть, и вышеупомянутые территории считают себя частью Азербайджанской Советской Республики»².

4 и 9 ноября 1920 г. накануне установления советской власти в Армении Иосиф Сталин сделал в Баку ряд громких заявлений о дальнейшей судьбе Зангезура и Нахчывана. Как пишет известный историк Ильгар Нифталиев, суть их выражалась в намерении передать эти территории Советской Армении. Подобный жест большевиков был вызван, прежде всего, стратегическими задачами, а именно стремлением, вклинившись между Азербайджаном и Турцией, лишить их в будущем непосредственных границ путем создания армянского буфера за счет передачи Армении территорий Нахчывана и Зангезура [Нифталиев 2013, 2015: 21].

В свое время этот буфер мог быть больше, если бы не принципиальная позиция Турции, сохранившая Азербайджану Нахчыван. Решение Политбюро и Оргбюро ЦК АКП(б) от 30 ноября, а также декларация Баксовета от 1 декабря 1920 г. передавали Зангезур и Нахчыван советской Армении. Это решение было закреплено также в 3-м пункте договора между РСФСР в лице полпреда Леграна и представителями дашнакского правительства от 2 декабря

¹ ЦПА ИМЛ, ф. 461, оп.1, ед. хр. 4525, л.1

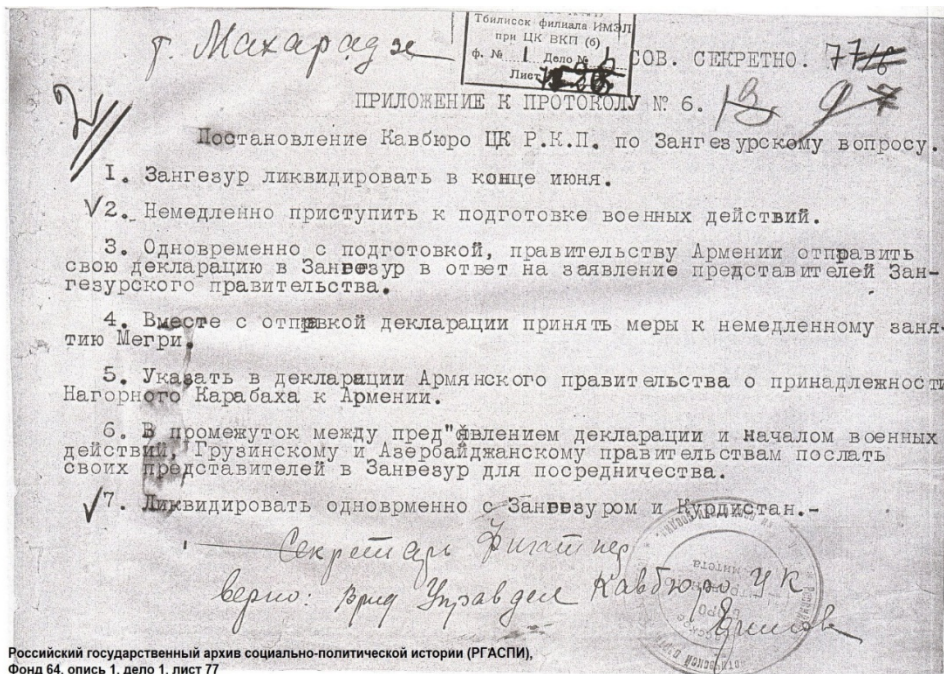
² ЦПА ИМЛ, ф. 85. оп. 13, д. 32, л. 3

1920 г. об установлении советской власти в Армении, согласно которому за Арменией признавались все территории Эриванской губернии, в т. ч. Нахчыван, а также Зангезурский уезд. Заключенный через несколько часов, в ночь со 2 на 3 декабря 1920 года Мирный договор между Турцией и Арменией (Александропольский договор), мирный договор, завершивший армяно-турецкую войну 1920 года, был подписан кемалистским правительством Турции и правительством Первой Республики Армении в Александрополе (современный Гюмри)¹.

В соответствии с этим договором районы Нахичевани, Шарура и Шахтахты

Эриванской губернии были оставлены за Азербайджаном.

3 июня 1921 г. под председательством Серго Орджоникидзе состоялось вечернее заседание Кавбюро ЦК РКП (б), оформленное протоколом № 6. Однако мало кому было известно, что к этому протоколу имелось приложение под грифом „совершенно секретно“, которое содержало постановление ЦК РКП (б) по так называемому „Зангезурскому вопросу“. Состояло это приложение из 7 пунктов, 6 из которых были посвящены Зангезуру, а один нагорному Карабаху. Не буду подробно рассказывать о них здесь, приведу лишь электронную версию самого документа².

Российский государственный архив социально-политической истории (РГАСПИ), Фонд 64, опись 1, дело 1, лист 77

12 июня 1921 г. Совет народных комиссаров Армянской ССР издал декрет о присоединении нагорной части Карабаха. В конце июня Реввоенсовет Кавказского фронта принял решение начать в четырех направлениях наступление на Зангезур с целью окончательного уничтожения отрядов Нжде. В сообщении штаба Кавказского фронта от 16 июля 1921 г. говорится о полном освобождении Зангезура. Тем самым завершился процесс присоединения западного, или верхнего Зангезура к

Армении. Здесь нужно обратить внимание на тот факт, что если по решению Политбюро и Оргбюро ЦК АКП(б) от 30 ноября и декларации Баксовета от 1 декабря 1920 г. весь Зангезурский уезд подлежал передаче советской Армении, то в конечном итоге в июле 1921 года к ней была присоединена лишь западная часть уезда, где в основном и жили армяне, т.е. уезд был разделен по этническому признаку [Нифталиев 2013, 2015: 21].

¹ Мирный договор между Турцией и Арменией 2-го декабря 1920 г. (Александропольский договор). - <http://genocide.ru/lib/treaties/17.htm>; <http://www.aniarc.am/2019/12/02/full-text-in-russian-alrxandropol-treat...>

² Российский государственный архив социально-политической истории (РГАСПИ), фонд 64, опись 1, дело 1, лист 77

5 июля 1921 г. Пленум Кавбюро ЦК с учетом мнения ЦК РКП (б) принял постановление: «Исходя из необходимости национального мира между мусульманами и армянами и экономической связи верхнего и нижнего Карабаха, его постоянной связи с Азербайджаном, Нагорный Карабах оставить в пределах Азербайджанской ССР, предоставив ему широкую областную автономию с областным центром в гор. Шуше, входящем в состав автономной области»¹. На Пленуме от Армении за данное решение голосовал этнический армянин А. М. Назаретян. Обратите внимание, что в тексте решения говорится: не «передать Азербайджану», а «оставить в пределах Азербайджанской ССР» (подмена армянами текста постановления Пленума Кавбюро ЦК преследовала цель создать у несведущего читателя и слушателя впечатление, что Карабах всю предыдущую историю не находился в составе Азербайджана). При этом в Верхней части Карабаха была создана автономия, не существовавшая до того времени. А это означает, что не Карабах был «отторгнут от Армении и передан Азербайджану», а нагорная часть была отторгнута от Карабаха и выделена в отдельную автономию с единственной целью: удовлетворить амбиции армян по освоению новых территорий. В Карабахе переселившиеся туда армяне составляли меньшинство. Единственной возможностью заявить о себе было создание в Верхнем Карабахе, где армяне проживали более или менее компактно, автономного образования.

Особое внимание следует обратить на то, что решение Кавбюро по Карабаху в июле 1921 г. предшествовало учреждению советскими республиками Союза ССР 30 декабря 1922 г. То есть Карабах уже тогда был признан частью Азербайджанской ССР, и в Союз ССР нагорный Карабах вошел в составе Азербайджана.

В определении границ Южного Кавказа важное значение имели положения

Московского договора между Россией и Турцией от 16 марта 1921 г.²

Договор, состоявший из преамбулы, 16 статей и трех приложений, был подписан после длительных обсуждений и основательной работы по подготовке его текста. Процесс его подготовки начался открытием российско-турецкой конференции 26 февраля 1921 г. Первоначально стороны планировали подписание военного договора. Однако ход переговоров Георгия Чичерина с турецкой делегацией подвел стороны к подписанию договора о дружбе и братстве, при этом основной задачей переговоров и конференции было обеспечение долговременного мира, благодаря четкой делимитации границ в регионе.

По итогам Московского договора 1921 г. Турция передала только что провозглашенной Грузинской ССР Батуми, Армянской ССР Александрополь (нынешний Гюмри), а Азербайджанской ССР вернула Нахчыван. Карсскую область Турция оставила за собой, так как это было закреплено Александропольским договором между Турцией и Арменией³.

Кроме того, важные положения содержатся в «Договоре о дружбе между Армянской ССР, Азербайджанской ССР и Грузинской ССР, с одной стороны, и Турцией – с другой, заключенного при участии РСФСР» (Карском договоре) от 13 октября 1921 г., в котором от имени Армении стоят подписи народного комиссара по иностранным делам А. Мравяна и народного комиссара по внутренним делам П. Макинзяна⁴.

7 июля 1923 г. был издан декрет АзЦИКа «Об образовании автономной области Нагорного Карабаха». В Конституции СССР 1936 г. (статью 24) было закреплено, что Нагорно-Карабахская автономная область (НКАО) состоит в Азербайджанской ССР⁵.

Решение Кавбюро было поддержано самими армянами нагорной части Карабаха, которые в августе 1923 г. на прошедшем

¹ Партархив филиала ИМЛ, ф. 64, оп.2, д.1, л.118, 121–122

² Московский договор. - <http://www.genocide.ru/lib/treaties/19.htm>

³ Там же

⁴ Карсский договор (на азербайджанском, русском, турецком и французском языках). Составитель и автор предисловия Хусамеддин Мамедов (Гараманлы). – Баку: АзАтаМ, 2004. – 82 с.

⁵ Конституции СССР 1936 г.

референдуме одобрили образование автономной области в составе Азербайджана.

В соответствии со ст. 86 Конституции СССР 1977 г. автономная область находилась в составе союзной республики или края. Закон об автономной области принимался Верховным Советом союзной республики по представлению Совета народных депутатов автономной области. В ст. 87 Конституции указывалось на существование в СССР всего восьми автономных областей, и в этом перечне НКАО состояла в Азербайджанской ССР¹.

16 июня 1981 года был принят последний акт, утвердивший статус Нагорного Карабаха, как автономной области в составе Азербайджанской ССР – Закон Азербайджанской ССР «О Нагорно–Карабахской автономной области»². Статус автономии определялся Конституцией СССР, Конституцией Азербайджанской ССР и упомянутым законом.

В соответствии с законом Нагорный Карабах, так же, как и другая автономия, имел представительство на Съезде народных депутатов СССР, а в Совете Национальностей Верховного Совета СССР представлялся 5-ю депутатами. Территория автономии не могла быть изменена без согласия Совета народных депутатов (представительного органа государственной власти) автономии. Гражданам, проживающим на территории автономии, гарантировалось равноправие во всех областях экономической, политической, социальной и культурной жизни, а также возможность пользоваться родным языком, а судопроизводство велось на языке автономной области.

В соответствии с последней Конституцией Азербайджанской ССР один из заместителей Председателя Президиума Верховного Совета Азербайджанской ССР избирался от Нагорно–Карабахской автономной области. Председатель областного суда автономии входил в состав Верховного Суда Азербайджанской ССР.

Органом государственной власти в автономии являлся Совет народных депутатов, который решал все вопросы местного значения. Совет народных депутатов выбирал свои органы, свой Президиум, а также исполнительный и распорядительный орган Совета, суд автономии и другие руководящие органы.

Совет народных депутатов автономии руководил на своей территории государственной, хозяйственной и социально–культурной политикой; утверждал план экономического и социального развития, бюджет автономии и отчет о его выполнении; руководил подчиненными ему государственными органами и предприятиями; обеспечивал соблюдение законов, охрану государственного и общественного порядка и прав граждан. Имел широкие полномочия в сфере регулирования цен, промышленности, строительства, сельского хозяйства, использования природных ресурсов, образования, здравоохранения и т. д.

Таким образом, автономия, в которой к концу 1980-х гг. численно преобладало армянское население, имела весьма широкий круг полномочий, достаточный для обеспечения нормальной жизнедеятельности этнического большинства. Помимо того, что все руководящие должности автономии занимались лицами армянской национальности, замещение представителями армянского этноса руководящих должностей в центральных органах республики было обыденным явлением.

Следует особо подчеркнуть, что аналогичные права не были предоставлены значительно большим по численности, а к началу 1980-х гг. оставшимся более чем 300 тыс. азербайджанцев, компактно проживавшим на территории Армянской ССР.

В конце 1980-х - начале 1990-х гг. Азербайджан так же, как и другие государства, входящие в СССР, испытывал объективные трудности, связанные с

¹ Конституция СССР. – М: Политиздат, 1977, с. 13

² О Нагорно-Карабахской автономной области. Закон Азербайджанской ССР от 16 июня 1981 года. – Баку: Азернешр, 1987.

разрушением господствующей общественно-экономической формации. В этой ситуации, несмотря на все вышесказанное, стало популярным использовать национальный вопрос для достижения сепаратистских, а в нашем случае и аннексионистских целей. Учитывая закрепленные в законодательстве гарантии автономии, подтвержденные реальным положением национального меньшинства, требования независимости и выхода из состава Азербайджана были расценены, как провокация, направленная на нарушение суверенитета и территориальной целостности государства.

В результате этого созданная декретом ЦИК Азербайджанской ССР от 7 июля 1923 г. автономия нагорной части Карабаха была упразднена 26 ноября 1991 г. принятым Верховным Советом Азербайджана Законом в полном соответствии с Конституцией СССР и Конституцией Азербайджанской Республики.

Данный небольшой исторический экскурс в историю наглядно показывает, что у Республики Армения и армянской общины Нагорного Карабаха нет никаких исторических (в том числе) оснований претендовать на карабахские земли. При этом, мы однозначно понимаем и

подтверждаем, что в международном праве, которое Азербайджан признает и соблюдает, никто не применяет (и не руководствуется) такие неправомерные категории, как «исконные земли», «автохтонные народы», «пришлые народы» и т.п. Никакие свидетельства и исследования историков не имеют никакого отношения к разрешению региональных конфликтов. Никому, кроме самой науке, они не интересны и мешают урегулированию конфликта, служат интересам лиц, незаинтересованных в их разрешении. Вряд ли сегодня в мире кому-либо, кроме армян, придет в голову переделывать карту мира на основании того, «какой национальности был неандерталец, первым вступивший на ту или иную пядь земли».

Все межгосударственные конфликты должны решаться на основе принципов и норм международного права.

Несмотря на какие исторические факты, Азербайджан признает территориальную целостность Армении и ее современные государственные границы, не выставляет Республике Армения никаких территориальных претензий и ждет в этом вопросе от нее, пока, к сожалению, безуспешно, аналогичного подхода.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Абемян А.* Немецкий путешественник Морис Вагнер в Армении (на армянском языке). - Вена, 1857.
- Агаян Ц.П.* Великий Октябрь и борьба трудящихся Армении за победу Советской власти. – Ереван: Издательство Академии Наук Армянской ССР, 1962.
- Алиев Н.Г. оглу.* Армянская экспансия и международные договоры по Южному Кавказу в XIX-XX вв. – Киев: Издательский дом Дмитрия Бураго, 2021. – 184 с.
- Алиев Н.Г. оглу.* Международные договоры по Южному Кавказу в XIX-XX вв. и переселение армян. – Баку: Təhsil, 2020. – 176 с.
- Альгимантас Л.* Переселение народов на Кавказе XX в. – Вильнюс: Институт науковедения, 2016. - 328 с.
- Галоян Г.* Борьба за Советскую власть в Армении. – Москва: Политиздат, 1957
- Глинка С.* Описание переселения армян азербайджанских въ пределы России. – Москва: Тип-я Лазаревых Института Восточных Языков, 1831.
- Зелинский С.П.* Экономический быт государственных крестьян Зангезурского уезда Елизаветпольской губернии. - Тифлис, 1886.
- Имранлы К.* Создание армянского государства на Кавказе: Истоки и последствия: Монография. – М.: Ладомир, 2006. – 256 с.
- История армянского народа. – Ереван: Издательство Ереванского университета, 1980.
- Нифталиев И.* Как Азербайджан потерял Зангезур. – Irs/Наследие, 2013, № 1 (61), с.20-23; Каспий, 2015, 7 октября, с. 12; - <http://www.anl.az/down/meqale/kaspi/2015/oktyabr/458175.htm>

- Парсамян В.А., Погосян С.А., Арутюнян Н.Р.* История армянского народа. - Ереван: Армучпедгиз, 1961.
- Саркисян Е.К.* Экспансионистская политика Османской империи в Закавказье накануне и в годы первой мировой войны. - Ереван: Издательство Академии Наук Армянской ССР, 1962
- Шавров Н.* Новая угроза русскому делу в Закавказье: предстоящая распродажа Мугани инородцам. - СПб, 1911.
- Шопен И.* Исторический памятник состояния Армянской Области в эпоху ее присоединения к Российской Империи. – СПб: Типография Имперской Академии Наук, 1852

REFERENCES

- Abegjan A.* Nemezkiy puteshestvennik Moris Vagner v Armenii (na armanskom jazike). Vena, 1857.
- Agajan, Z.P.* Velikij Oktjabr I borba trudjashihsja Armenii za pobedu Sovetskoj vlasti. – Erevan: Izdatelstvo Akademii Nauk Armanskoj SSR, 1962.
- Al'gimantas L.* Pereseleniye narodov na Kavkaze XX. Vilnyus: Institut naukovedeniya, 2016. 328 s.
- Aliyev N.H. oglu.* Armanskaja ekspansiya i mezhdunarodnije dogovori po Juznomu Kavkazu v XIX-XX vv. – Kiyev: Izdatelskij dom Dmitrija Burago, 2021. – 184 s.
- Aliyev N.H. oglu.* Mezhdunarodnije dogovori po Juznomu Kavkazu v XIX-XX vv. i pereselenije arman. – Baku: Təhsil, 2020. – 176 s.
- Galoyan G.* Borba za Sovetskuju vlast v Armenii. – Moskva: Politizdat, 1957.
- Glinka S.* Opisanije pereselenija arman adderbizanskih v predeli Rossii. – Moskva: Tip-ja Lazarevih Instituta Vostocnih Jazikov, 1831.
- Imranli K.* Sozdaniye armanskogo gosudarstva na Kavkaze: Istoki I posledstvija. Monografija. – Moskva: Lodomir, 2006. – 256 s.
- Istorija armanskogo naroda.* – Erevan: Isdatelstvo Erevanskogo universiteta, 1980.
- Niftaliyev I.* Kak Azerbajjan poterjal Zangezjur. – Irs/Nasledije, 2013, № 1 (61), с.20-23; Kaspий, 2015, 7 oktjabrja, s. 12; - <http://www.anl.az/down/meqale/kaspi/2015/oktyabr/458175.htm>
- Parsamjan V.A., Pogosjan S.A., Arutjunan N.R.* Istorija armanskogo naroda. - Erevan: Armucpedgiz, 1961.
- Sarkisjan E,K.* Ekspansionistskaja politika Osmanskoj imperii v Zakavkazie nakanune I v godi pervoj mirovoj vojni. – Erevan: Izdatelstvo Akademii Nauk Armanskoj SSR, 1962.
- Shavrov N.* Novaja ugroza russkomu delu v Zakavkazje: predstojashaja rasprodaza Mugani inorodzam. - SPb, 1911.
- Shopen, I.* Istoriceskij pamjatnik sostojanija Armanskoj oblasti v epohu eja prisoedinenija k Rossijskoj Imperii. – SPb: Tipografija Imperskoj Akademii Nauk, 1852.
- Vishinskij A.Y., Lozovskij S.A.* Turkmencajskij mirnij dogovor 1928 goda. Tolkovanije. Diplomaticeskij slovar. - Moskva: Gosudarstvennoe izdatelstvo politiceskoj literaturi, 1948;
- Zelinskij, S.P.* Ekonomiceskij bit gosudarstvennix krestjan Zangezurskogo uezda Jelizavetpolskoj gubernii. - Tiflis, 1886.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ / INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Алиев Намик Гасан оглы, руководитель кафедры международных отношений и внешней политики Академии Государственного Управления при Президенте Азербайджанской Республики, Чрезвычайный и Полномочный Посол АР, Государственный советник второго класса, доктор юридических наук, профессор.
E-mail: namikamall@gmail.com

Namig Hasan oglu Aliyev, Head of International Relations Department of the Academy of Public Administration under the President of the Republic of Azerbaijan, Doctor of Laws, Professor, Ambassador Extraordinary and Plenipotentiary.
E-mail: namikamall@gmail.com

РЕЦЕНЗИЯ / REVIEW

Рецензия / Review

**Коллективная монография под редакцией И.Ф. Кефели
Советская цивилизация и евразийская идея: две истории длиною в век
М.: ИД Петрополис, 2022. 532 с.**

А. П. Солянина

*Российский университет дружбы народов, Москва, Россия
1032217128@rudn.ru*

Аннотация. В статье даётся описание работы, посвященное становлению евразийства и развитию советской цивилизации. Монография подробно анализирует ключевые исторические этапы формирования Советского союза. Рассмотрена история зарождения евразийства в России, а также процесс трансформации идей. Проанализирована теория евразийства с разных точек зрения, а также немаловажное место было отведено критике евразийской мысли. В завершении предлагаются рассуждения и прогнозы о дальнейшем развитии евразийства как политической идеологии России

Ключевые слова: Советский союз, евразийство, социализм, история России

**Collective monograph edited by I.F. Kefeli
Soviet civilization and the Eurasian idea: two centuries-long stories
Moscow: Petropilis, 2022. 532 p.**

Anastasia P. Solyanina

*RUDN University, Moscow, Russia
1032217128@rudn.ru*

Abstract. The article describes the work devoted to the formation of Eurasianism and development of Soviet civilization. The monograph analyses the key historical stages of the formation of the Soviet Union. The history of the beginnings in Russian related, as well as process of transformation of ideas. The theory of Eurasianism was analysed from different point of view, as well as a major place was given to criticism of Eurasianism mind. In conclusion, offers reasoning and forecasts about further development of Eurasianism as a political ideology in Russian.

Keywords: Soviet Union, Eurasianism, socialism, the history of Russian

Монография «Советская цивилизация и евразийская идея: две истории длиною в век» была приурочена к 100-летию образования СССР и становления идей евразийства. Авторский коллектив рассмотрел и проанализировал геополитические особенности России, сущность евразийского идейного наследия. В монографии были проанализированы критики евразийского движения, а также в процессе была сформулирована методологическая база исследования в контексте цивилизованного дискурса и концепций «общества риска» (У. Бек), «хорошего общества» (В.Г. Федотова), «общества травмы» (Ж.Т. Тощенко),

рассуждений о «конце революции» (Б.Г. Капустин), и т. д.

Первая глава «Становление советской цивилизации на евразийских просторах» написана доктором философских наук И.Ф. Кефели. Автор анализирует особенности советской цивилизации, рассуждает на тему принадлежности СССР к статусу советской цивилизации. Раскрывает роль освоения Сибири следующим образом: стихийно-народное освоение Сибири в сочетании с природными ее богатствами являлись прочной основой не только для развития сибирского региона, но и всей России [Кефели 2022: 43]. Также автор разделяет

Россию на Азиатскую и Европейскую, что обусловлено расположением страны, а также стоит отметить важную мысль из параграфа 5 «Европейская и Азиатская Россия — единое целое». Обе России, Азиатская и Европейская, составляют в историко-культурном и этнологическом отношении одно неразрывное целое. Восток рассматривается исследователями как равнозначный и равноценный субъект в определении сущности и структуры России, как важнейший регион большого евразийского пространства, Большой Евразии. В этом отношении четко усматривается преимущество исследователей Азиатской России с евразийством, представители которого не только не отрицали идеи регионализма, но и придавали ей перспективный исторический и геополитический смысл [Кефели 2022: 46]. В этой цитате раскрывается не только особенность русской культуры, но и корни становления идей евразийства.

Во второй главе И.Ф. Кефели анализирует геополитическое положение России в канун Октябрьской революции. За основу были взяты две противоположные позиции князя А.А. Левина и бывшего министра внутренних дел П.Н. Дурново. Левин считал, что основным противником России следует считать Германию. А также считал, что необходимо укреплять стратегический союз с Англией. Вторая точка зрения П.Н. Дурново, идёт в разрез с позицией Левина. Дурново, наоборот, считал, что разговор о сближении между Англией и Россией не может быть и речи. Несмотря на территориальные споры между Россией и Германией, всё же русско-германские отношения были важным стратегическим решением по мнению Дурново.

Далее глава третья раскрывает особенности революции 1917–1922 гг. В ней анализируется роль Октябрьской революции в дальнейших преобразованиях в России, появление СССР. Завершение революции привело к развитию новых геополитических векторов. Начиная с 1921 г., Советская Россия достаточно четко определила свой

геополитический вектор на Восток [Кефели 2022: 70].

В главе четвертой анализируются успехи введения плановой экономики в СССР. Особое внимание уделяется ГОЭЛРО плану электрификации России. Отмечается, благодаря ГОЭЛРО были заложены основы реализации стратегических проектов по основным направлениям становления советской цивилизации — государственный строй, экономический уклад, целостная социальная структура, многонациональная социалистическая культура [Кефели 2022: 80]. Также следует отметить не менее важный вывод, который отражает итоги Октябрьской революции: Великая Октябрьская революция открыла путь становлению социалистического строя, жизненного мироустройства, а план ГОЭЛРО послужил основой всех последующих грандиозных промышленных, оборонных, социальных, научных проектов и, в первую очередь, — пятилеток [Кефели 2022: 82]. Также было отмечено эффективное ведение экономики за счёт пятилеток. По итогам уже первой пятилетки Советский Союз по объему промышленной продукции среди ряда европейских стран и США переместился с пятого на второе место [Кефели 2022: 84]. По итогам второй пятилетки в СССР была проведена культурная революция, которая способствовала росту учеников в школах и студентов в университетах. Из этого следует сделать вывод, что СССР в течение 10 лет достиг результатов в экономическом, техническом и культурном аспектах.

В четвертом параграфе 4 главы «Арктический проект» исследователи И.Ф.Кефели и А.В.Николаенко анализируют историю освоения Арктики. Раскрывается цели постановления 31 июля 1926 года об образовании Арктической комиссии, которое предполагало ведение научно-исследовательских работ в Арктике. Отмечается, что историческим шагом в масштабном освоении Арктики стала инициатива «Об охране Северного побережья» 20 февраля 1931 г. Освоение Арктики авторами отмечается в итоге, как

важный шаг в развитии военно-морской геополитики нашей страны.

Далее следует отметить важные идеи 5 параграфа «Масштабные экспедиции, КЕПС, ТПК. Авторами отмечается роль масштабных экспедиций в различные районы страны, которые сыграли ключевую роль в реализации плана ГОЭЛРО.

В пятой главе «Укрепление геополитического могущества СССР в межвоенный период отводится значительное место в развитии и направлениях геополитики Советской России. В 1922 г. Германия и Россия подписали договор о восстановлении дипломатических отношений.

Второй параграф посвящён анализу работ В.П. Семенова-Тян-Шанского, А.Е. Снесарева и А. Радо, направленных на эволюцию геополитических теорий в советское время. Данный параграф даёт нам представление о том, как исследователи видели укрепления могущества СССР, а также помогает отметить современные тенденции в изменении геополитики уже современной России.

В шестой главе первого параграфа анализируется концепция исследователя А.А. Зиновьева, изложенная в «Факторе понимания». Важное место здесь занимают идеи «советизма», «западнизма» и «постсоветизма». Советизм предстал как реальный коммунизм, который, считает Зиновьев, зародился в России под лозунгами идеологического коммунизма (марксизма). Западнизм — это продукт холодной войны, в ходе которой интеграция западного мира осуществлялась под эгидой США с главной мотивировкой спасения его (западного мира) от угрозы советского коммунизма [Кефели 2022: 127]

Постсоветизм — это та организация социума, которая сложилась в России в результате антикоммунистического переворота. Постсоветизм представляет собой своеобразный гибрид советизма, западнизма и «национально-русского (дореволюционного) фундаментализма» [Кефели 2022: 128] Автор главы считает, что Россия находился в «тисках именно постсоветизма».

Идеи концепции плавно перетекают в особенности феномена советской культуры. Россия имеет обширную историю, с множеством потрясений, включая революции, мировые войны. Несмотря на свою противоречивую структуру Россия как мировая держава всегда имела глубокий потенциал. Важным элементом Русского мира является культурно-историческая общность этносов, который и на сегодняшний день стоит в приоритете современной России.

Тем самым можно сделать промежуточный вывод. Первый раздел монографии был посвящён ключевым переломным моментам в России, а также важным геополитическим изменениям. Стоит отметить фундаментальный подход исследователей к данному вопросу, с использованием анализа значительного количества источников.

Далее перейдём ко второму разделу Евразийство: PRO ET CONTRA «Данный раздел будет посвящён идеям евразийства, а также изложены тезисно основные положения идей данного направления. Первая глава посвящена «отцам-основателям» евразийства. За основу было взяты идея Н.С. Трубецкого, П.Н. Савицкого и Г.В. Вернадского. Каждый из трех параграфов отводится на одну из идей. Рассматриваются их ключевые особенности и тезисы. Важно сказать, что, по мнению историка Савицкого, евразийство как идейное движение появилось в 1921 г.

Вторая глава «Становление евразийства в оценках отечественных и зарубежных исследователей» сравнивает точки зрения российских и зарубежных исследователей. Кандидат философских наук К.Б. Ермишина анализирует отечественную теорию Россия-Евразия. Автор рассуждает в чём заключается основная суть евразийства как движения. Современные адепты евразийства подчеркивают, что классическое евразийства размышляло исключительно о судьбе России, хотя этот тезис является спорным [Кефели 2022: 164]. В новом понимании „евразийство — это философия многополярной глобализации, призванная объединить все общества и народы земли в строительстве самобытного

и оригинального мира, каждая составляющая которого ограничено проистекала бы из исторических традиций и местных культур. Кефели 2022: 164]. Из этого следует сделать вывод, что идеи евразийства с момента его образования перетерпели значительные изменения. Исследователь акцентирует внимание на том, что на Западе к идеям евразийство относятся неоднозначно, часто с критической точки зрения.

Глава 3 «Сущность евразийства: современные оценки» представляет собой анализ идей евразийства с точки зрения современности. Л.В. Савин анализирует евразийство – как особый путь России, который будет иметь под собой собственные основы. Следовательно, ревизионизм евразийцев имел определенную цель — это создание надлежащих условий для широкомасштабного изменения политических основ России с опорой на самобытность и собственные традиции [Кефели 2022: 184]. Автор даёт краткое соотношение евразийства с религией, которое заключается в приверженности к православной культуре. Также отмечается соотношение идей евразийства с государственностью, пожалуй, ключевой момент в следующем: Евразийцы являются сторонниками широкого государственного регулирования и контроля хозяйственной жизни, а также сторонниками принятия на себя государством существенных хозяйственных функций [Кефели 2022: 187]. Далее автор рассматривает ключевые особенности евразийства с точки зрения этимологии, ключевых характеристиках евразийства.

В четвёртой главе «Кто и за что критиковал евразийцев?» выделяется ряд деятелей, которые высказывали, критикую точку зрения на евразийство. Среди них доктор исторических наук С. Н. Погодин выделяет фигуру П.Н. Милюкова. В идеях евразийства Милюков видел «дурной отголосок устарелого учения», акцентируя внимание на неактуальность идей евразийства. Также, в свою очередь, отмечается критика историка А.А. Кизеветтера, который характеризовал

движение как «настроение, вообразившее себя системой», обращая внимания на несамостоятельность научной основы идей евразийства. Далее анализируется критика П.М. Бицилли в сторону евразийства. Он отмечал с одной стороны фундаментальность идей, но с другой стороны наличие значительного количества спорных моментов.

Значительное место С.Н. Погодин отводит критике евразийства. Анализирует все научные труды связанные с евразийством, как положительные, так и критические. В главе присутствует значительное количество проведения параллелей с историей России, что даёт нам более четкое представление об различиях во мнениях об евразийстве на сегодняшний день.

Доктор философский наук О.В. Плабенец рассуждает в шестой главе на тему: «Есть ли шанс у Евразийского симулякра?». Автор вновь погружается в историю формирования идей евразийства, обращаясь к таким исследователям как П. Савицкий, В.С.Соловьев и Н.Я.Данилевский. Содержание уже немного дублирует ранее изложенный материал, но всё же переосмысляет уже ранее сказанные тезисы. В основном автор рассматривает суть трудов, посвященных евразийству с разных точек зрения, сравнивая их между собой. Также отмечает, что евразийский дискурс приобрёл новый импульс в 90-е гг. XX в. Далее исследователь рассматривает евразийство в рамках научной парадигмы, упоминая значительные труды, связанные с данной идеей. Стоит отметить, что всё же данная идея не имеет четкого теоретического ядра в современной теории международных отношений. Также отдельная глава посвящается возможности масштабного воплощения идей евразийства в современном мире.

В пятой главе анализируется декларация Евразийства, перечисляются основные её положения она является своеобразным заключением ко второму разделу, в котором подводятся основные итоги. Второй раздел по-прежнему выделяется своей фундаментальностью, однако в нём меньше

однозначности. Он представляет собой цепочку рассуждений, которые анализируют различные точки зрения о евразийстве, а также наличие теоретического подкрепления идей.

Третий раздел имеет название «На пути к большому евразийскому партнёрству: надежды и реалии». В первой главе исследователь Н.А. Комлева рассматривает возможности реализации идей евразийства между странами ЕАЭС, выделяя основные факторы, которые препятствуют. Среди этих факторов: гибридная война, отсутствие общей идеологической базы интеграционного процесса, русофобия. Здесь следует отметить четкую структуру главы, в которой детализировано показаны точки преткновения.

Вторая глава посвящена формированию антисоветизма в мире. Исследователи Д.К. Стожко и К.П. Стожко. Распространение русофобии, благодаря пропаганде Запада – ключевая проблема на пути реализации идей евразийства. Также анализу подвергаются ключевые моменты истории, которые позволяют переосмыслить современную ситуацию, и в заключении следует вывод: нашему обществу, всем нам предстоит большая творческая работа по реконструкции и возрождению еще забытых и близких русскому сердцу созидательных форм и устоев народной жизни [Кефели 2022: 327]

В третьей главе И.Ф. Кефели переходит к детальному анализу экономики современной России, затрагивает тему холодной войны. Рассуждает о противостоянии НАТО и России, отмечает основные стратегические цели к глобализации, новой промышленной революции. Выявляет два сценария, по которым может пойти Россия. От теоретической базы и аналитических графиков, автор переходит к предположениям, выявляет некоторые гипотезы, которые вновь подкрепляются идеями евразийства.

Пятая глава посвящена большому евразийскому партнёрству. В данной главе авторами рассматриваются возможные стратегические партнеры и союзы, которые позволят осуществить переустройство миропорядка из однополярного в многополярный. Авторы анализируют различные стратегии и проекты по реализации многополярного мира, а также усилению позиции России в мировом пространстве.

В заключении монографии подводятся итоги монолитного исследования. Стоит отметить, монография является детальным анализом природы истории России, с её ключевыми переломными моментами, а также с солидной теоретической базой и показательными графическими диаграммами, позволяющими чётко представить структуру предмета анализа.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Солянина А.П. Коллективная монография под редакцией И.Ф. Кефели. Советская цивилизация и евразийская идея: две истории длиною в век. М.: ИД Петрополис, 2022. 532 с.

REFERENCES

Solyanina A.P. Collective monograph edited by I.F. Kefeli Soviet civilization and the Eurasian idea: two centuries-long stories. Moscow: Petropilis, 2022. 532 p.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ / INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Солянина Анастасия Павловна, магистр в области Международных отношений, РУДН. Москва, Россия. E-mail: 1032171141@rudn.ru

Anastasia P. Solyanina, Master of International Relations, RUDN University. Moscow, Russia. E-mail: 1032171141@rudn.ru